

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
соискание ученой степени доктора наук (ред. 01.01.2018 г.)
по направлению 07.00.00 — исторические науки и археология*

2018

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2018
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2018

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093* on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2018)
in the field 07.00.00 — of historical sciences and archeology*

2018

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2018

© Ivanovo State University, 2018

Редакционный совет

- В. С. Меметов** Ивановский государственный университет
(*председатель Редакционного совета*)
- Ю. М. Воронов** Ивановский государственный политехнический университет
- А. А. Данилов** Институт Всеобщей истории РАН
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. В. Корзенко** Институт истории Национальной Академии наук
Беларуси (Минск)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторацк** Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический университет
- В. Л. Соскин** Новосибирский государственный университет

Editorial board

V. S. Memetov	Ivanovo State University <i>(Chairman of the Editorial Board)</i>
Yu. M. Voronov	Ivanovo State Polytechnical University
A. A. Danilov	Institute of General History of the Russian Academy of Sciences
O. V. Zolotaryov	Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical Institute
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
G. V. Korzenko	Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
I. V. Kuptsova	Moscow State University named after M. V. Lomonosov
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
F. H. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State Technological Institute
V. L. Soskin	Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Сибиряков И. В.* Роль интеллигенции в сохранении культурной памяти советского социума о революции 1917 года 9
- Васильев Н. Н.* Интеллигенция и идеология в современной России 21

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Мокшин Г. Н.* Вопрос об интеллигенции в неонароднической публицистике начала XX века 41
- Послушаев П. П.* Н. М. Чернышевская и Дом-музей Н. Г. Чернышевского в годы Великой Отечественной войны 55
- Москвина Р. Т.* Государственная интеллигенция — советский феномен XX века 63

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Федотова И. Н.* К истории монастырских тюрем в России: Суздальская Спасо-Евфимиева обитель как место лишения свободы (конец XVIII — начало XX века) 75
- Соловьев А. А.* Демифологизация идеи третьего Рима в контексте церковно-государственных отношений начала XX века 86
- Соколовский К. Г.* Подвиг веры казахстанского священномученика Александра Дагаева: «новая власть» и провинциальная священническая интеллигенция в первые годы Гражданской войны 104

ДИСКУССИЯ

- Коваленко С. В.* Педагогика как методология формирования духовных ценностей национальной идентичности 115

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Климович Л. В.* Первые годы в эмиграции: письма В. В. Вейдле Г. Л. Лозинскому 126

ДЕБЮТ

- Маслова А. И.* Отечественные ученые и инженеры в условиях судебного процесса «Промпартии» 1930 года: как цель оправдывала средства 138

- Кучин Я. С.* Идея толерантности в «Макарии» Самуэля Гартлиба 153

- Аннотации* 167

- Информация для авторов* 177

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Sibiryakov I. V.* The role of intelligentsia in maintaining cultural memory of the Soviet society of the revolution of 1917 9
- Vasilyev N. N.* Intelligentsia and ideology in modern Russia 21

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Mokshin G. N.* A question about intelligentsia in neo-populist journalism of the beginning of the XX century 41
- Poslushayev P. P.* N M. Chernyshevskaya and N. G. Chernyshevsky's house museum in the years of the Great Patriotic War 55
- Moskvina R. T.* The state intelligentsia — the Soviet phenomenon of the XX century 63

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Fedotova I. N.* To the history of monastic prisons in Russia: the Suzdal Spaso-Evfimiyev monastery as the place of deprivation of freedom (the end of XVIII — the beginning of the XX century) 75
- Solovyov A. A.* Demythologization of the idea of the third Rome in the context of the church and state relations of the beginning of the XX century 86
- Sokolovsky K. G.* Act of faith of the Kazakhstan martyr Alexander Dagayev: «the new power» and the provincial priest intelligentsia in the first years of Civil war 104

DISCUSSION

<i>Kovalenko S. V.</i> Pedagogy as methodology of formation of cultural wealth of national identity	115
--	-----

FROM ARCHIVE FUNDS

<i>Klimovich L. V.</i> The first years in emigration: V. V. Veydle's letters to G. L. Lozinsky.....	126
--	-----

DEBUT

<i>Maslova A. I.</i> Domestic scientists and engineers in the conditions of the judicial process of «Industrial party» of 1930: as the purpose justified means	138
--	-----

<i>Kuchin Ya. S.</i> The idea of tolerance in «Makaria» of Samuel Gartlib	153
--	-----

<i>Annotations</i>	172
--------------------------	-----

<i>Information for authors</i>	177
--------------------------------------	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.1(2)6

И. В. Сибиряков

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО СОЦИУМА О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Понятие «культурная память» на рубеже XX—XXI вв. стало одной из ключевых категорий для тех ученых, сфера научных интересов которых связана с историей культуры, интеллектуальной историей, историей интеллигенции. Сегодня уже многие исследователи признают, что процессы, происходящие при становлении культурной памяти социума, имеют огромное значение для формирования политических и нравственных оценок, доминирующих в его различных стратах. Они способны существенно трансформировать взгляды общества на свое прошлое, настоящее и даже на будущее. Не случайно в последние годы отечественные и зарубежные исследователи пытаются расширить представление о структуре «культурной памяти», факторах, способных оказать влияние на ее трансформацию, формах и путях взаимодействия с другими видами памяти¹.

Очевидно, что процессы формирования культурной памяти советского социума к настоящему времени исследованы еще недостаточно глубоко. Историки пока имеют самое общее представление о специфике этого явления и пытаются с помощью отдельных исследовательских проектов выйти на понимание тех механизмов,

---

© Сибиряков И. В., 2018

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). sibirjkovig@mail.ru

которые были использованы в ходе формирования культурной памяти советского общества. Однако даже на этой, по сути дела первой, стадии научного поиска для части исследователей стали очевидны три базовые идеи, которые многие восприняли в качестве аксиомы.

Первая идея гласит, что очень важную роль в формировании и сохранении культурной памяти советского социума играла интеллигенция, создававшая наиболее распространенные в обществе (часто с помощью государственных институтов) произведения культуры и искусства, ставшие одним из главных инструментов конструирования образов прошлого; согласно второй, культурная память имеет сложную многослойную конструкцию, где взаимодействуют в разных формах и с разной степенью интенсивности самые различные представления о прошлом, сформированные в разных стратах социума; третья идея заключается в том, что революция и война, выступая в качестве системообразующей конструкции, занимали особое место в общей структуре культурной памяти советского социума.

Формирование «правильного» образа революции в памяти социума со времен первых европейских революций было важнейшей задачей для политической элиты любой страны, где произошли революционные потрясения. С этой проблемой в свое время сталкивались Англия, Франция, Германия. Не стала исключением и Россия. Уже первая российская революция 1905—1907 гг. поставила перед правящей элитой страны очень непростой вопрос: «Каким образом сформировать негативное восприятие революции в сознании самых разных поколений россиян?» В первые постреволюционные годы стало совершенно очевидно, что решить эту задачу без участия интеллигенции фактически невозможно.

Показательно, что все необходимые негативные политические оценки революции были высказаны представителями российской политической элиты как в ходе самой революции, так и в первые постреволюционные годы. Государство заручилось поддержкой Русской православной церкви, которая также осудила революционные потрясения 1905—1907 гг. Большинство российских легальных газет и журналов в межреволюционный период практически не публиковали материалы, авторы которых оценивали бы опыт первой российской революции открыто и положительно. Появление сборника «Вехи» стало прекрасным доказательством того, что в среде российской интеллигенции есть

люди, способные адекватно оценить разрушительные последствия революционных потрясений. Но пророческая «глубина “Вех” не нашла (и авторы знали, что не найдут) сочувствия читающей России, не повлияла на развитие русской ситуации, не предупредила гибельных событий»².

По мере того как революционные эмоции, впечатления и чувства стали «остывать», постепенно превращаясь в базовые элементы культурной памяти о революции, некоторые наиболее дальновидные государственные и политические деятели России обратили внимание на то, что на уровне общественного сознания единый негативный образ революции так и не сложился. Очевидно, что значительная часть художественной интеллигенции не увидела в революции 1905—1907 гг. той разрушающей силы, которая была бы способна сокрушить политический и нравственный порядок. Не осудив революцию как явление политической истории, эта часть интеллигенции в своем творчестве сделала ставку на завуалированное моральное оправдание революции, создав образ исторически неизбежной силы, который оказался очень востребован в 1917 г. у сторонников наиболее радикальных политических действий.

Для российской и особенно советской интеллигенции события 1917 г., которые сегодня принято называть «великой российской революцией», всегда имели особое значение³. Во-первых, они служили своеобразной точкой отсчета в реализации самого масштабного в XX веке социального эксперимента, призванного стать главным оправданием политических, экономических, моральных издержек советского этапа отечественной истории, тесно связанного с существенными модернизационными проектами части интеллигенции. Во-вторых, они демонстрировали диалектическую преемственность той революционной традиции, которая неразрывно связывала несколько поколений отечественной интеллигенции, придавая самому явлению необходимую историческую мощь и основательность. В-третьих, эти события позволяли интегрировать многие процессы, происходившие в России, в более широкий международный контекст, необходимый для адекватного восприятия феномена отечественной интеллигенции XX века. В-четвертых, они выполняли крайне важную для интеллигенции роль своеобразного политического

маркера, позволявшего ей провести мучительный процесс идентификации различных групп социума по линии «свой — чужой», без которой любые социальные практики интеллигенции носили бы незавершенный и противоречивый характер. В-пятых, эти события становились той исторической площадкой, на которой был возможен диалог части интеллигенции и действующей власти, крайне заинтересованной в том, чтобы сформировать «правильный» образ революции не только у ее современников, но и у последующих поколений россиян, которые должны были сыграть значимую роль в грядущей мировой революции и в масштабном социалистическом строительстве в СССР.

Именно на стадии перехода образа революции от поколения современников к поколению наследников великого прошлого должна была заметно ускориться мифологизация этого образа, начавшаяся еще в 1917 г., которая позволила бы «очистить» революционные картины от бытовых, политических, нравственных ошибок и издержек, а также закрепить их в сознании советских людей в качестве фундаментальных образов, определяющих «правильное» восприятие дальнейшей политической практики.

«Революционная тема» стала фундаментом новой советской культуры. Не случайно память о революции 1917 г. советская интеллигенция хранила особенно бережно, используя для этого все жанры, стили, художественные приемы.

В СССР было написано множество литературных произведений, посвященных революции, сняты кинофильмы, поставлены спектакли, оперы, балеты, созданы многочисленные скульптурные композиции. В каждом жанре художественного творчества «революционная тема» получила многократное и разнообразное воплощение⁴.

Советское государство целенаправленно и последовательно поддерживало внимание художественной интеллигенции к «правильной» исторической концепции, в рамках которой основные революционные события в России произошли осенью 1917 г. и были связаны с деятельностью партии большевиков и ее вождя В. И. Ленина. Революционный миф (особенно в первые постреволюционные годы) увлек многих служителей культуры. Часть из них совершенно искренне пыталась услышать то, что А. А. Блок называл «музыкой революции». Возможно, отсюда скоропалительный

восторг есенинской поэмы «Преображение» или удивительный богатырский образ кустодиевского «Большевика». Но часть интеллигенции, подобно З. Н. Гиппиус, категорически не приняла Октябрьскую революцию 1917 г. и оставила в своих произведениях совершенно другой образ революционных событий в России⁵, который постепенно стал выдавливаться из культурного пространства новой России.

Новая советская интеллигенция, отвечая за сохранение официального образа революции как на уровне социума в целом, так и на уровне повседневного бытового восприятия, пыталась контролировать создание этого образа через различного рода коммеморативные практики, в том числе в виде уличных манифестаций, шествий и других разнообразных праздничных мероприятий. Монументальные панно, эскизы оформления площадей, улиц, домов исполняли такие известные мастера, как К. С. Петров-Водкин, К. Ф. Юон, Е. Е. Лансере, Н. А. Касаткин, И. И. Бродский, Б. М. Кустодиев, Н. И. Альтман и многие другие. Благодаря деятельности представителей русского авангарда сформировался даже особый «революционный культурный код», включавший узнаваемые графические, визуальные, звуковые и текстовые образы революции⁶.

Важным шагом на пути формирования «правильных» образов революции стали ее первые юбилеи. В 1927 г. в СССР были сняты несколько художественных и документальных фильмов, посвященных событиям 1917 г. Самыми известными из них были «Конец Санкт-Петербурга» Вс. Пудовкина, «Москва в Октябре» Б. Барнета, «Великий путь» Э. Шуба, «Октябрь» С. Эйзенштейна. Последний создавался по заказу Октябрьской юбилейной комиссии при Президиуме ЦИК СССР и стал одной из первых «официальных картин о революции». Показательно, что некоторые эпизоды из этого фильма долгое время воспринимались советским зрителем как кинохроника. Например, кадры с матросами на чугунных воротах Зимнего дворца вошли в советские учебники в качестве фотографий. Позже эти кадры повторит и тем самым закрепит их «документальность» М. Ромм в фильме «Ленин в Октябре»⁷. За исполнение роли большевика Василия в этом фильме актер Н. П. Охлопков в 1941 г. (как и М. И. Ромм, и Б. В. Щукин) получил Сталинскую премию первой степени.

Революционная тема стала одной из главных в творчестве И. И. Бродского («Выступление В. И. Ленина на Путиловском заводе в 1917 г.», 1926), И. Д. Шадра («Булыжник — оружие пролетариата», 1927), Г. К. Савицкого («Первые дни Октября», 1929), С. В. Герасимова («В. И. Ленин на II съезде Советов среди крестьян-делегатов», 1935—1936), В. А. Серова («Приезд В. И. Ленина в Петроград в 1917 году», 1937). Примечательно, что работы, посвященные историко-революционной проблематике, в 20—30-е гг. появились и в советской провинции⁸.

Следует подчеркнуть, что В. А. Серов был одним из немногих авторов, кто продолжил работу над этой темой и после Великой Отечественной войны («В. И. Ленин провозглашает Советскую власть», 1947; «Зимний взят!», 1954; «Декрет о мире», 1957; и др.). В 1948 и 1951 гг. В. А. Серов был награжден Сталинской премией первой и второй степени. Сталинскую премию третьей степени в 1948 г. получил Е. А. Кибрик за рисунки «Есть такая партия!» и «Ленин в разливе» из серии «Ленин в 1917 г.» (1947).

В 1924 г. балетмейстером Ф. В. Лопуховым был поставлен балет «Красный вихрь», который стал первой попыткой выразить средствами танца противостояние сил революции и контрреволюции. В 1925 г. завершил работу над симфонией-монументом «1905—1917» М. Ф. Гнесин. Кантату к 20-летию революции на тексты К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина написал лауреат шести сталинских премий С. С. Прокофьев. В 1927 г. Д. Д. Шостакович закончил работу над 2-й симфонией, получившей подзаголовок «Октябрю». С. С. Прокофьев написал кантату и к 30-летию революции, но уже на текст Е. А. Долматовского.

Свой вклад в сохранение памяти о революции 1917 г. внесла и та часть интеллигенции, которая эмигрировала из страны и пыталась сформировать альтернативную советской модель восприятия революции (И. Ф. Наживин «Записки о революции», С. П. Мельгунов «Мартовские дни 1917 г.» и др.). Однако ее возможности влияния на культурную память советского общества были очень незначительны.

Показательно, с точки зрения авторов «правильной» концепции революции, что В. И. Ленину и партии большевиков в их благородной деятельности почти постоянно мешали «враги». Образ «врага» революции неоднократно трансформировался, но всегда

занимал значимое место в рамках официальной государственной концепции революции и стал важным элементом культурной памяти советского общества (картина Г. М. Шегаля «Бегство Керенского из Гатчины», 1937; Кукрыниксы «Последний выход Керенского», 1957; и др.). Как совершенно справедливо заметил Л. Д. Гудков, «враги» являлись «одним из ключевых факторов формирования советской идентичности»⁹.

Важно подчеркнуть, что после Великой Отечественной войны тема революции в творчестве советской художественной интеллигенции постепенно стала отходить на второй план, уступая первое место сюжетам, связанным с войной. Но в эпоху «оттепели» интерес к революционной тематике в среде интеллигенции возродился с новой силой. Именно на 1960-е гг. пришлось время искреннего, неформального обращения к образам революции. В театре на Таганке с аншлагами шла пьеса «Десять дней, которые потрясли мир», были написаны пьесы М. Ф. Шатрова «Именем революции», «Большевики» и др. Революционные метафоры охотно использовались в стихах А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко и других поэтов¹⁰. Революционные сюжеты вновь появились в творчестве советских художников, таких как Н. И. Осенев («Первое слово советской власти», 1953), Ф. С. Богородский («Они штурмовали Зимний», 1957) и др.

Не менее важную роль интеллигенция сыграла в формировании советского научного дискурса о революции. В 1962 г. при Академии наук СССР был образован научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». В его состав вошли 72 крупных ученых, в том числе 2 академика и 2 члена-корреспондента АН СССР, 6 академиков и 4 члена-корреспондента АН союзных республик, 34 доктора и 24 кандидата исторических, экономических и философских наук. Совет возглавил академик И. И. Минц, который был лауреатом Сталинской премии 1943 и 1946 гг., а в 1974 г. получил Ленинскую премию за научный труд «История Великого Октября». Монографические исследования, сборники документов, научные статьи, конференции, симпозиумы и конгрессы, диссертационные проекты позволили сформировать устойчивые исследовательские конструкции, переведенные позже на язык вузовских и школьных учебников истории, обществознания и литературы.

В 70—80-е гг. XX века образ революции во многом благодаря усилиям советской интеллигенции стал в общественном сознании базовым элементом, интегрирующим в единую историческую конструкцию всю сложную цепь ключевых событий XX века.

Память о Великой Октябрьской социалистической революции буквально пронизывала символическое пространство советского социума: «монументы, пантеоны героев, о которых знали с детства, города и улицы, названные в честь революционеров и даже юбилеев революции. В младших классах школьники становились октябрятами — юный возраст и Октябрьская революция символически тесно переплетались. Как пелось в популярной песне, “и Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди”. Октябрьской революции и Гражданской войне был посвящен почти весь школьный учебник истории для 10-го класса. Революционные символы проникали в повседневную жизнь: люди охотно поздравляли друг друга с очередной революционной годовщиной, причем для поздравлений использовались как раз стандартные фразы, почерпнутые из пропаганды¹¹. Но при этом смысловое наполнение многих фраз часто менялось, разрывая тем самым идеологическое единство¹². С одной стороны, это работало на укоренение ценностей Октябрьской революции, с другой — выводило их из сакральной сферы в профанную, постепенно лишая “высокого” смысла¹³.

Показательно, что в годы перестройки, особенно на ее первом этапе, образ революции был очень востребован на уровне официальной агитации и пропаганды. Не случайно доклад М. С. Горбачева на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 г. назывался «Октябрь и перестройка: революция продолжается»¹⁴.

Но по мере расширения политики гласности и обострения политического противоборства в стране стали формироваться образы революции, отличные от советского канона. И в этом процессе вновь ключевую роль сыграли представители интеллигенции. Дискуссия о характере, значении и последствиях революции, в первую очередь, затронула именно советскую и постсоветскую интеллигенцию, хотя и вызвала интерес у других социальных

групп. Первоначально тема революции использовалась в роли политического индикатора для выявления сторонников и противников преобразований в стране, но очень быстро вышла за эти границы, превратившись в предмет масштабного противостояния сторонников и противников советского строя в целом. Последний советский юбилей революции в 1987 г. подтолкнул процесс переосмысления наследия Октября широкими кругами интеллектуалов, начиная от дипломированных историков и заканчивая публицистами. Дискуссии профессионалов и любителей сыграли заметную роль в разрушении мифа об Октябрьской революции. Более того, по наблюдению Г. А. Бордюгова, «общество перехватило у власти инициативу в формировании проекта памяти»¹⁵.

Государство перестало быть монополистом в наполнении смыслами революционных символов¹⁶. Наоборот, они стали использоваться некоторыми представителями интеллигенции в целях дискредитации действующей власти. Так, например, известная рок-группа «Аквариум» в 1988 г. сняла видеоклип на песню «Поезд в огне», где революционная метафора локомотива-революции (а также ее последствий) использовалась в негативном ключе — как событие, сломавшее нормальный ход истории¹⁷.

После распада СССР по мере формирования новой официальной картины исторического прошлого страны и серьезного кризиса самой интеллигенции¹⁸ тема революции ушла на периферию общественного сознания, где и остается до сегодняшнего дня.

Отсутствие сегодня потребности в новом образе революции, на наш взгляд, свидетельствует о тех серьезных изменениях, которые происходят в исторической памяти современного российского общества.

Во-первых, в новой концепции исторического прошлого, формирующейся в рамках официального дискурса, революционная тема занимает далеко не главное место. Революция 1917 г. постепенно превращается в одно из важных событий XX века, утрачивая системообразующий характер, позволяя тем самым поэтапно изменить ракурс восприятия деятельности политических партий (в первую очередь, партии большевиков) и отдельных политиков в России (прежде всего, В. И. Ленина).

Не случайно председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин, говоря о праздновании 100-летнего юбилея революции, заметил: «Именно сейчас необходимо

поддержать тенденцию примирения общества в отношении событий 1917 года и способствовать популяризации качественного исторического знания для извлечения из них уроков... главный из этих уроков — ценность единства и гражданской солидарности, умение общества находить компромиссы на самых сложных поворотах истории и не допускать крайнего раскола»¹⁹.

Во-вторых, российская интеллигенция в основной своей массе (в первую очередь художественная интеллигенция) не стремится в силу разных объективных и субъективных причин ни к сохранению старого «героического» образа революции в исторической памяти социума, ни к формированию нового «антигероического» образа. Лишенная четких однозначных современных политических оценок революционных событий 1917 г., интеллигенция не идет на создание собственных масштабных произведений, посвященных этим событиям, тем самым вольно или невольно поддерживая политику «постепенного забвения» истории революции и минимизации ее исторической роли. Показательно, что немногие новые российские фильмы, прямо затрагивающие тему революции («Ангелы революции», 2014; «Демон революции», 2017; и др.), не получили долгожданного широкого общественного резонанса.

В-третьих, в современном российском социуме нет ясно сформулированного запроса на серьезный многоплановый разговор о революции 1917 г., так как наиболее влиятельные группы не видят никакой практической выгоды от начала такого разговора, а другие поглощены проблемами социального выживания. Более того, «революционная тема» по-прежнему опасна с точки зрения обсуждения вопросов легитимности и эффективности политической власти в России, роли Русской православной церкви в ключевых для страны исторических событиях и процессах и др.

Именно поэтому большинство мероприятий, посвященных 100-летию юбилею «великой российской революции», носили ритуально-нейтральный характер, а успехи, достигнутые в научном осмыслении феномена революции 1917 г., так и не воплотились в значимые музыкальные, литературные или кинематографические произведения, которые играют особенно важную роль в формировании культурной памяти части социума.

Кроме того, современная художественная интеллигенция никак не может найти тот художественный язык, с помощью

которого она могла бы так рассказать об истории революции широким слоям социума, чтобы действительно заинтересовать их.

Таким образом, 100-летие великой российской революции еще раз убедительно показало, что в культурной памяти российского социума происходят изменения системного, сущностного характера, что современная российская интеллигенция не может кардинально повлиять на эти изменения, а значит, не может выполнить одну из своих главных традиционных для XX века социальных функций, что перспективы сохранения данной группы во многом связаны с существенной перенастройкой ее функциональных характеристик и «языковых практик» в самом широком смысле этого слова.

Революция 1917 г. по-прежнему является тем, что К. Лоренц называл «горячим прошлым». Такое «травматическое прошлое не может “пройти само собой”, как это обычно ожидают, поскольку через несколько лет и даже десятилетий оно предъявляет свои претензии настоящему»²⁰. Культурная память социума остается одним из немногих механизмов, позволяющих ослабить остроту проблемы, но ее формирование не может происходить стихийно, без участия государства и интеллектуальной элиты.

Примечания

- ¹ *Арнаутова Ю. А.* Культура воспоминания и история памяти // *История и память : историческая культура Европы до начала Нового времени.* М., 2006. С. 47—55 ; *Волков Е. В.* «Гидра контрреволюции» : белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008 ; *Нарский И. В.* Сто лет превращений русской революции. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/109/293> (дата обращения: 10.03.2018) ; и др.
- ² *Солженицын А. И.* Образованщина. URL: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/10.html> (дата обращения: 10.03.2018).
- ³ *Кутцова И. В.* Настроения художественной интеллигенции в 1917 году // *Великая российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX — начала XXI века : материалы междунар. науч. конф.* Витебск, 2017. С. 139—143 ; и др.
- ⁴ *Булдаков В. П.* Образы революции и гражданской войны в художественной литературе 1920-х гг. URL: <http://textarchive.ru/c-2304313-p7.html> (дата обращения: 10.03.2018) ; *Дрейден С.* Музыка революции. М., 1970 ;

- Орлова М. А. Историко-революционная тема в советском изобразительном искусстве. М., 1963 ; Соколов К. Б. Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба (1953—1985 гг.). СПб., 2007 ; и др.
- ⁵ Гиппиус З. Н. Последние стихи, 1914—1918. Петербург, 1918.
- ⁶ Тихонов В. В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи. URL: <http://gefter.ru/archive/21275> (дата обращения: 10.03.2018).
- ⁷ Романова О. «Октябрь» Эйзенштейна: между художественным изобретением и мифом о революции. URL: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549> (дата обращения: 10.03.2018).
- ⁸ Волков Е. В. Образы историко-революционных произведений изобразительного искусства Южного Урала // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 28. С. 25—35.
- ⁹ Гудков Л. Д. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков ; ред. Н. Конрадова. М., 2005. С. 43.
- ¹⁰ Тихонов В. В. Указ. соч.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось : последнее советское поколение. М., 2014. С. 242—243.
- ¹³ Тихонов В. В. Указ. соч.
- ¹⁴ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987.
- ¹⁵ Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа : культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 77.
- ¹⁶ Тихонов В. В. «Революция повторяется!» : (образ Революции 1917 года в эпоху перестройки) // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 211.
- ¹⁷ Савицкий С. Поезд революции и исторический опыт // Антропология революции : сб. ст. М., 2009. С. 380.
- ¹⁸ Рыбкина Р. В. Интеллигенция в постсоветской России : исчерпание социальной роли. URL: <http://intelligentia.ru/inteligencija-v-postsovetskoi-rosiischerpanie-socialnoi-rol.html> (дата обращения: 10.03.2018).
- ¹⁹ Нарышкин С. Е. Юбилей революции 1917 года необходим для извлечения уроков. URL: <http://rushistory.org/proekty/100-letie-revoljutsii-1917-goda/s-e-naryshkin-yubilej-revoljutsii-1917-goda-neobkhhodim-dlya-izvlecheniya-urokov.html> (дата обращения: 10.03.2018).
- ²⁰ См.: Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017. С. 241—242.

Н. Н. Васильев

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИДЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной?

*Ф. М. Достоевский
Дневник писателя. 1880. Август.*

Значимость и актуальность идеологических проблем

Никакое общество не может быть совершенно вне идеологии, поскольку в основе смысла этого понятия при любом его определении лежат те или иные представления об общественных и личных человеческих ценностях. Идеология всегда была одной из «пружин» и движущих сил развития общества, а в последние сто лет ее роль можно считать ключевой. Среди вызовов современности — идеологический вызов, порождаемый активизацией борьбы цивилизаций, которая подогревается возрастающей агрессивностью исламской идеологии, отчаянным стремлением Запада сохранить свою мировую гегемонию, неурегулированностью места России в современном мире. Эта борьба временами происходит и на полях военных сражений (Сирия, Новороссия), но наиболее интенсивно и напряженно она ведется в сфере идеологии. Идеология является и полем битвы, и оружием в цивилизационной борьбе.

Она существует вроде некой виртуальной реальности, но от того, что в ней происходит, самым решительным и непосредственным образом зависит самая что ни на есть реальная реальность.

© Васильев Н. Н., 2018

Васильев Николай Николаевич — заместитель директора по информационным технологиям АО «Саратовский полиграфкомбинат». vnn@sarpk.ru

И это надо осознать как реальное развертывающееся и развивающееся явление, осознать его серьезность и значимость, а затем, разобравшись в сути и структуре, перейти к активному (насколько возможно) включению в его развитие.

Идеология — важное поле деятельности интеллигенции, так как только она способна сознательно и осмысленно работать с идеями, жить ими, формулировать их и обосновывать.

Понимание и особенности идеологии

Что же такое идеология? В массовом сознании на эту тему много путаницы, и, в лучшем случае, идеология понимается как какая-то система идей, используемых властной элитой для защиты своих интересов, т. е. в политических целях. В интеллектуальной среде идеология является предметом разностороннего исследования и осмысления. В научном, теоретическом плане вопросы идеологии глубоко и всесторонне проработаны. Первоначальная трактовка этого понятия претерпела различные изменения и дополнения, однако однозначного понимания так и не сложилось. Политологи, социологи, философы, рассматривая идеологию со своих позиций, по-разному расставляют акценты. В качестве рабочего будем опираться на следующее определение: «Идеология — система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности. Выражает интересы и формулирует цели определенных классов и других социальных групп»¹.

Интересен взгляд на идеологию с другой стороны, акцентирующий ее общественную значимость: «Идеология — это сверхдолговременная программа жизнедеятельности общества, задающая смысл его существованию; делающая это на базе синтеза всех накопленных знаний, опыта, ценностей; дающая фундамент для внутренней мотивации общества и его членов, для мобилизации их волевых возможностей; подкрепляющая все это определенными принципами и структурами общественно-организационного порядка»². Используя любое определение, важно понимать, что идеология — это не просто идеи, но в значительной степени идеалы.

Идеология, будучи общественным духовным явлением, в сущностном смысле основывается на представлениях о некоторой фундаментальной социокультурной общности (близости) мировоззрений и мироощущений с определенной частью общества, его слоем.

Хотя самому термину «идеология» всего чуть более двухсот лет³, зарождение идеологии как общественного духовного явления относится к античным временам. Идеология возникает не с появлением классов, а тогда, когда общество в масштабах государства или группы государств (как было во времена феодальной раздробленности и в Европе, и в России, и в Китае) начинает осознавать свою некоторую целостность, общность, возникающую не только в связи с определенным отношением к средствам производства.

В докапиталистическую эпоху идеологии бытовали преимущественно в рамках или на основе религии, как, впрочем, и практически все проявления и стороны духовной жизни общества в то время. В Новое время для их обоснования привлекаются научные воззрения. Например, классический либерализм основан на английской политэкономии и философии просветительства.

В идеологии можно выделить два слоя взглядов (установок, принципов):

- политические, правовые, религиозные;
- нравственные, эстетические и философские.

Первый слой является основой идеологии, он непосредственно регулирует социальные отношения, его установки направлены от социума к индивидуальной личности. Он особенно важен с точки зрения социального единства и всегда присутствует в любом стабильном и устойчивом обществе, даже в том, которое считает себя якобы свободным от идеологии.

Второй слой, носящий обобщенно мировоззренческий характер и регулирующий поведение личности изнутри, направлен от личности к социуму и особо значим в долгосрочной перспективе.

В идеологии важны и идеологическая теория, и идеологическая практика. Теория — рассуждения и проповеди специалистов идеологов. Практика — реальная система общественных институтов, социальных практик, традиций, а также способов их поддержания и передачи будущим поколениям.

По способу взаимодействия с обществом и способу включения в его жизнь у идеологии и религии есть ряд общих черт. Имеет место родство в интеллектуальном характере этих явлений (феноменов): и то и другое — верования, основанные на определенных догмах.

Ярчайший пример — мусульманство. Это и религия, и идеология (даже больше — социальная доктрина), неразрывно связанная с религиозной частью верования и базирующаяся на ней. Трудно сказать чего там больше — собственно религии или идеологии. В конфуцианстве — древнейшей и сильнейшей восточной идеологии есть некоторый религиозный компонент, выражающийся, в частности, в культе душ умерших предков и признании направляющей и регулирующей роли небесных сил. Хотя его практическая значимость не слишком велика, до мусульманства ему в религиозном плане далеко.

У разных слоев общества могут быть разные идеологии. В частности, идеология политической элиты может существенно отличаться от идеологии значительной или даже большей части населения. В этом случае устойчивое существование и развитие общества проблематично.

Идеологические процессы в российском обществе

В нашей истории традиционно источником и основой идеологии была религия. В дореволюционный период при доминировании одного этноса и одной религии социокультурная стабильность общества обеспечивалась как бы сама собой до тех пор, пока господствующая идеология не была размыта и попорана привнесенными из-за рубежа и развитыми в России социалистическими идеями. В эпоху социализма существовала мощная государственная идеология — марксистско-ленинская (коммунистическая). На достаточно длительный период была обеспечена определенная база для социокультурной стабильности за счет хорошо налаженных механизмов воспроизводства идеологии и мировоззрения (образование, воспитание, пропаганда). Но неукорененность коммунистической идеологии в элите социалистического общества и ее (элиты) моральное разложение погубили и эту идеологическую систему, а вместе с ней и возможность социальной и культурной устойчивости общества.

В 70—80-х годах прошлого века внутри советского общества вышло новое идеологическое направление (якобы даже антиидеологическое), ядром которого была либерально настроенная интеллигенция, по разным причинам ненавидевшая (не всегда осознанно, но глубоко) Советский Союз. Оно подготовило и осуществило развал страны. Окончательная идейная победа этого направления была закреплена в конституции 1993 года, утвердившей так называемое идеологическое многообразие и недопустимость государственной идеологии. Однако «избавление от идеологических пут, от всякой государственной идеологии... сделало возможным тотальный идеологический диктат и импорт институтов Запада»⁴.

В последнее десятилетие кризисный характер общественных процессов обострил идеологические проблемы, доведя их также до кризисного состояния. Обнаружились деградационные, разрушительные последствия либерального управления экономикой и крайняя слабость связующих элементов российского общества, что делает проблематичным будущее российского государства как целостного и независимого. Российское общество находится в состоянии глубокого системного кризиса⁵, и экономический кризис — это только малая его часть, причем вторичная по отношению к прогрессирующей деградации ментальных устоев и моральных ценностей⁶, происходящей в тесной связи с социальными изменениями.

В настоящее время общество держится на социальной инерции и расходует запасы жизнеспособности и устойчивости, накопленные в советское время и частично сохранившиеся с предыдущей эпохи. Но запасы эти близки к исчерпанию, и надо каким-то образом формировать новые механизмы обеспечения стабильности. Возможные перспективы преодоления кризисной ситуации могут быть связаны только с деятельностью интеллигенции — наиболее активной в социальном и духовном плане части общества, так как политическая и экономическая элита, определяющая внутреннюю социальную и экономическую политику государства, уже давно работает только на усугубление проблем. В силу этого для патриотической части интеллигенции актуальна задача консолидации общества на патриотических началах и направления усилий на преодоление стагнационных, раз-

рушительных и деструктивных явлений в его развитии. Всё более явной становится потребность в новой идеологической доминанте, которая могла бы быть позитивно воспринята большинством граждан и стала бы основой для реализации патриотических и общечеловеческих целей общественного развития.

Религия как идеологический фактор в современном российском обществе очень слаба. Доминирования одной религии в государстве нет, а там где есть несколько религий — социальная напряженность возникает сама собой, если ее не подавляет большая идеологическая сила. Православие очень слабо укоренено в обществе и не имеет ресурсов (как сейчас, так и в перспективе) для выполнения регулирующей нормативной роли: после разгрома в советский период восстановления его общественной роли не произошло. РПЦ как общественная сила сошла на нет благодаря своей пассивности и интенсивной работе западных «друзей» по ее дискредитации, принижению, ослаблению позиций в обществе, созданию и усилению конфронтации Церкви с нерелигиозной частью населения. Общественные институты не проявляют осознанной и целенаправленной активности в идеологической сфере, делая вид, что России общая национальная идеология не нужна. Но свято место пусто не бывает. Российская идеологическая пустота в значительной (если не большей) части заполнилась западной и исламистской идеологиями. А они, не говоря уже о том, что обе во многом порочны, еще и принципиально мало совместимы одна с другой. Понятно, что у такого общества вряд ли может быть не только светлое, но и вообще какое-нибудь будущее.

Идеология и власть

Место и роль идеологии в российском обществе нормативно определяются Конституцией, действующей с 1993 года. Статья 13 определяет: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Известно, кто и в каких конкретно исторических обстоятельствах готовил ее для вынесения на референдум. Очевидно, было благородное желание учесть горькие ошибки прошлого и поставить конституционные барьеры для волюнтаризма, создать гарантии гражданских свобод, исключаящие преследования людей за их убеждения.

С течением времени правовая трактовка этой статьи углубилась и уточнилась, в частности, следующим образом: «Отсюда проистекает запрет для государства, его органов и должностных лиц в своей официальной деятельности по осуществлению государственно-властных функций и полномочий руководствоваться не конституцией, законом, иными нормативными актами, а той или иной идеологией, включая идеологию либерализма, социал-демократизма, марксизма-ленинизма и пр. В этом отношении государство “выше идеологии”».

...Одновременно этот запрет адресован иным субъектам права, включая, например, общественные объединения, церковь, и означает признание антиконституционности провозглашения той или иной идеологии в качестве обязательной в сфере образования, художественном творчестве и иных сферах коллективной жизнедеятельности людей⁷.

Поскольку понятие идеологии в Конституции трактуется категориально, укрупненно, без выделения в ней тех или иных ее слоев и элементов, это приводит к тому, что данная конституционная норма становится фактически «запретом любой пропаганды со стороны государства, запретом целенаправленной пропаганды гуманистических, общечеловеческих ценностей через структуры органов государственной власти, через учебные и воспитательные учреждения, что вызывает негативные последствия»⁸.

При этом признаются «некоторые индивидуальные и коллективные права граждан и их объединений на разработку и развитие воззрений и теорий идеологического характера, их распространение в непротиворечащих закону формах и в установленном им порядке, практическое осуществление способами, соответствующими конституционному строю РФ, и т. п.»⁹.

В сложившейся правовой ситуации в конституционной трактовке идеологии может быть усмотрен некий потаенный метатеоретический аспект. «Поскольку конституция — это идеологический документ, все положения в ней принадлежат некоторой охватывающей теории... цель которой — деидеологизация общественного сознания, лишение его руководящих принципов»¹⁰. Однако деидеологизация в принципе невозможна (как уже говорилось, свято место пусто не бывает), и, в силу этого, реально получается не устранение идеологии вообще, а расщепление

ее на отдельные противоречивые идеологии отдельных социальных групп — подрыв общественного единства и неявное навязывание обществу идеологии правящей элиты. В нашем случае это олигархат — компрадорская крупная буржуазия, реальные интересы и ценности которой с Отечеством связаны только как с местом добычи денег.

Отношение к идеологии различных слоев интеллигенции

В целом степень ясности понимания того, что такое идеология, и осознанности отношения к ней в среде российской интеллигенции очень низка (а в других слоях общества, как правило, нулевая). При этом идеологизированность противофазно коррелирует с жизненной успешностью человека. Успешные люди менее склонны сознательно рассматривать идеологические вопросы. Выше уровень осознанности в этом отношении в среде людей, которые в силу своей профессиональной деятельности так или иначе связаны с идеологической проблематикой, вовлечены в политические процессы (например, функционеры, работники аппаратов и активные сторонники той или иной политической партии). Фактическое отношение различных слоев интеллигенции к идеологии обобщенно можно оценить следующим образом.

Художественная интеллигенция идеологически аморфна, однако свойственные ее представителям индивидуализм и гипертрофированный творческий апломб фактически делают многих из них носителями либеральной идеологии, зачастую в диковатом, сильно упрощенном виде.

Патриотизм только один из элементов идеологии, но в условиях современного российского общества он является очень значимым индикатором идеологических предпочтений. Возвращение Крыма в Россию обнаружило резко антипатриотические позиции многих уважаемых деятелей культуры (Л. Ахеджакова, А. Макаревич и др.). Причем негативное отношение к этому великому событию основывается у них именно на идейном неприятии российской национальной общности и целостности, национального достоинства и государственности, т. е. на идеологических позициях. Есть со стороны художественной интеллигенции

и позитивные примеры, хотя и немногочисленные, осознанного отношения к идеологическим вопросам и в теоретическом и в практическом контекстах. Один из самых ярких — писатель Захар Прилепин.

Другой важный индикатор — отношение к традиционным культурным и духовным ценностям. Широко распространено в театральной и кинематографической среде вольное обращение с классическими произведениями, их коверкание и опошление, навязчивая пропаганда «нетрадиционных ценностей». И всё это под видом свободы творчества¹¹. Всякая критика такого «творчества» или противодействие ему воспринимаются как цензура и подавление творческой свободы. За всем этим явно просматривается западная идеология, проводники которой внедряют ее зачастую совсем не бескорыстно; «эти господа отстаивают только одно — свое собственное право организовывать цензуру в соответствии со своими, по большей части глубоко либеральными, глубоко русофобскими, глубоко антирусскими и антиобщественными идеями»¹².

Резко негативное отношение к таким идеологическим позициям художественной интеллигенции усиливается. Появились публикации, клеймящие интеллигенцию в целом как предателей, что провоцирует общество на явления, напоминающие эпизоды борьбы с космополитами в 40-х годах XX века¹³.

Техническая (производственная) интеллигенция идеологически, прежде всего в той ее части, которая успешно адаптировалась к капитализму, в значительной степени сознательно исповедует либерализм, удивительным образом сочетая его с аполитичностью и асоциальностью. Основной причиной является то, что именно у этого отряда интеллигенции, прежде всего, «идеи и политические вкусы, как правило, заимствованы из европейского опыта, а не рождены своей культурой»¹⁴.

Массовая «утечка мозгов» из России имеет в качестве одного из оснований идеологические установки специалистов, покидающих Родину, и, с другой стороны, служит одним из индикаторов их идеологических предпочтений. Менее успешная часть научно-технической интеллигенции тяготеет к традиционализму и даже коммунистической идеологии.

Научно-педагогическая интеллигенция (имеются в виду работники научно-исследовательских организаций и вузов), как правило, осознанно и осмысленно относится к идеологии. Даже если это либерализм, то явно не дикий, а полноценный. Многие представители научно-педагогической интеллигенции активно отстаивают и пропагандируют свои идеологические взгляды, участвуют в формировании и обосновании новых систем и теорий.

Идеологические проблемы занимают значительное место в исследованиях отдельных ученых. Среди них доктор химических наук С. Г. Кара-Мурза — историк, политолог, социолог, публицист. Он разносторонне анализирует вопросы идеологии как в теоретическом плане, так и в историческом контексте. Плодотворную исследовательскую деятельность в сфере теоретических вопросов идеологии, а также связанных с ними политологических и социологических проблем ведет кандидат философских наук Р. Р. Вахитов.

На портале «Макспарк» работают Русское Идеологическое сообщество¹⁵ и Сообщество «Интеллектуальное сопротивление»¹⁶.

Очень значима деятельность специальных общественных организаций, ориентированных на исследования, разработки и пропаганду в идеологической сфере. Среди них — «Центр Сулакшина»¹⁷, который проводит семинары и конференции, подготавливает тематические доклады, ведет дискуссионный клуб «Интеллектуальное сопротивление»¹⁸.

Межрегиональный общественный фонд «Идеология»¹⁹, определяющий себя как генератор идей, инициатор и разработчик проектов, способствующих созиданию гармоничного гражданского общества, в котором государство, бизнес-сообщество, граждане, их объединенные и частные ресурсы не противопоставляются друг другу, а оптимально сочетаются и согласованно инвестируются во благо целостной, ответственной, максимально непротиворечивой общественно-государственной системы, основой которой являются здоровые, адекватные, социально гармоничные личности.

На Украине, в Харькове работает ассоциация «Духовно-интеллектуальный выбор», которую возглавляет выходец из России кандидат технических наук М. И. Зобов. Основное направление деятельности — идеология гармоничного общества. Разработан проект

«Манифеста народного единения»²⁰. В апреле текущего года состоялся Круглый стол «Концептуальные основы системы Духовно-интеллектуального воспитания и образования ДИВО-21» с международным участием²¹.

Проделана огромная работа по подготовке новой российской идеологии, но она еще очень далека от теоретического завершения и пока не дала практических результатов.

Роль интеллигенции в формировании идеологии

Отсутствие национальной идеологии опасно не только в социальном и политическом плане, но и в экономическом. Общество и власть в России еще не очень уверенно, но, тем не менее, начинают осознавать необходимость формирования общенациональной идеологии для консолидации социума и обеспечения его устойчивости и целостности.

Реальная перспектива укрепления идеологического фундамента российского общества может быть связана только с активной работой в этом направлении интеллигенции, прежде всего, как показано выше, научной и педагогической, а также интеллигенции, вовлеченной в политическую деятельность. Она является важным «ресурсом модернизации общества, его духовным наставником»²², в частности и в идеологическом плане.

Значение интеллигенции в трансформационных преобразованиях заключается в том, что она «выступает в роли социального критика государственных институтов, выявляя их дисфункции, а следовательно, и необходимость соответствующих изменений. Именно российская интеллигенция — та социальная сила, которая внедряет в общество новую идеологическую парадигму.

Интеллигенция на протяжении веков брала на себя задачу продуцирования теоретических и моральных точек отсчета для трансформации общества. В действительности российская интеллигенция — агент и проводник идеальных (в отличие от прагматических) устремлений»²³.

Особая, неопределимо важная роль у преподавателей и сотрудников учебных заведений, прежде всего — высшей школы. Участвуя в образовании и воспитании подрастающего поколения, они вольно или невольно вносят значительный вклад

в формирование его моральных ценностей и представлений о социальных нормах. Конечно, заниматься этой работой можно и без использования слова «идеология», поскольку в нашем государстве, как видим, это может быть не безопасно для работников государственных учреждений. Тем не менее есть люди, которые, осознавая свою ответственность перед будущим Отечества, не боятся честно называть свою работу идеологической. Ярким примером является Александр Сергеевич Запесоцкий, ректор Гуманитарного университета профсоюзов в Санкт-Петербурге. Он так характеризует это направление своей деятельности: «Так вот, с 1991 года я в должности ректора занимаюсь идеологической работой. В том числе и со студентами. Насаждаю ценности: дисциплину, трудолюбие, честность, ответственность, культ знаний и уважение к старшим, любовь к Родине, интерес к ее истории и культуре и т. д. Культивирую идеалы. Выбираю их из прошлого, из литературы и искусства, из окружающей повседневности». Это очень естественно и логично сочетается с основной задачей вузов — дать студентам качественное образование. По его мнению, которое представляется правильным и глубоким, «качественное обучение без воспитания невозможно. А воспитания не бывает без идеологии»²⁴.

Идеологические уроки

При выработке новой идеологии, прежде всего, надо учесть уроки идеологизации общества в нашей стране и за рубежом. В большинстве своем это уроки с большой долей негативного опыта — яркие примеры того, чего надо избегать, но они также важны и полезны.

Первый урок — коммунистическая идеология. В ней доминировали абстрактные гуманистические идеи, имелся гипертрофированный и навязчивый политический компонент, догматический и мифологический мировоззренческий компонент. Механизм контроля за соблюдением идеологических норм был недостаточно эффективен и ненадежен (партийная верхушка — вне закона и морали). Коммунистическая идеология очень близка к необходимо сильной, нравственно фундаментальной идеологии и по содержанию и по форме общественного бытования (не зря

Мао Цзэдун боролся с конфуцианством, пытаясь заменить его на коммунистическую идеологию). Однако в нашей стране она оказалась сильно дискредитированной из-за лукавства и двуличия партийного руководства. К тому же, по степени проработанности содержания, способам включения в личную и общественную жизнь, механизмам воспроизводства коммунистическая идеология сильно уступает конфуцианству, прежде всего в сфере семейных и деловых отношений. Отсутствие тесного непосредственного контакта с повседневной жизнью привело к тому, что идеология стала для большинства членов общества чем-то внешним, отделенным от них. Вследствие этого она перестала быть силой сплачивающей, соединяющей людей в обществе, направляющей его развитие, и в конечном итоге эта идеология зачахла и отмерла.

Второй урок — эгоистичная, меркантильная, двуличная, аморальная западная либеральная идеология. Она патологически развилась и усовершенствовалась в последние десятилетия, став крайне навязчивой и агрессивной.

Третий урок — националистическая, фашистская идеология (от «братского» украинского народа), попирающая самые простейшие нормы морали и здравого смысла, агрессивное, воинствующее человеконенавистничество.

Четвертый урок — исламская идеология, представляющая серьезную угрозу. Она является примером сильной идеологии, действительно включенной в массовое сознание, формирующей и поддерживающей в стабильном состоянии межличностные и общественные отношения. Исламизм опасен своими вроде бы привлекательными сторонами, проверенной временем устойчивостью и жизнеспособностью. Но он очень специфично и сильно связан с культом и ведет к архаизации и институциональной деградации общества (полигамия, шариат, клановость), что не позволяет ему быть общенациональной идеологией. В последние десятилетия исламизм трансформируется в агрессивную тоталитарную идеологию, в нем появился сильный человеконенавистнический, фашистский элемент. А ведь еще менее четверти века назад ислам был органичной частью духовной жизни российского общества, а мусульмане — вполне устойчивыми и лояльными его элементами²⁵.

В современном состоянии исламская идеология становится всё более агрессивной, непримиримой. Однако если как-то сдерживать эту трансформацию (по крайней мере, на территории России) и вернуть ислам в русло традиционного мирного взаимопольственного сосуществования в рамках единого, хотя и многоконфессионального российского общества, то, наверное, может быть сформирован некий «квазиконфуцианский» моральный кодекс, приемлемый для мусульман так же, как для христиан и атеистов. Он был бы очень полезным, поскольку, не затрагивая именно религиозных, чисто духовных основ, позволил бы укрепить стабильность общества и улучшить условия жизни в благоприятной для мусульман социальной атмосфере.

Пятый урок — позитивный пример идеологии конфуцианства и основанные на нем современные национальные идеологии восточноазиатских государств (Китай, Корея, Вьетнам, Япония), в которых сконцентрировался и кристаллизовался огромный многотысячелетний опыт обществ с великой культурой (прежде всего, китайской), сохранивших духовность и достигших больших высот в социально-экономическом плане и уверенно развивающихся.

Конфуцианство как общенациональная и вместе с тем надэтническая идеология является скрепляющим и стабилизирующим элементом в тех странах, где оно принято. Это как раз то, чего более всего не хватает обществу российскому. Важная особенность конфуцианства заключается в том, что государство (власть) органически включено в систему этических ценностей.

Конфуцианство само по себе не панацея и не волшебный эликсир для устойчивого прогрессивного развития общества. Оно не помешало в свое время самоизоляции и застою Китая и других азиатских стран, коммунизму в Китае и в КНДР. Вместе с тем, приверженность традициям в личном и социальном плане не является принципиальным препятствием для технологической восприимчивости и социально-экономического развития, а наоборот могут служить для них базой и мотивом. Важно, что конфуцианство не подрывает творческого начала нации, оно позволяет выйти на новую ступень развития, обеспечивая интенсивный экономический прогресс при сохранении устоев, т. к. в основе лежит глубокий и духовно обоснованный прагматизм. Именно

конфуцианство служит социокультурным стержнем, на котором держатся нравственные и социальные скрепы традиционного общества, что делает актуальным его изучение и осмысление с преломлением в российский контекст²⁶.

Уроки показывают, что есть большой смысл присмотреться к опыту народов с многотысячелетней историей и культурой, постараться понять и в какой-то мере принять лучшее и полезное. К сожалению, прямое заимствование конфуцианства как доминирующей общественной идеологии для России по разным причинам невозможно.

Однако для российской цивилизации культурная синтетичность является одним из определяющих качеств. Богатейшие социокультурные традиции различных частей российского общества (конфессиональные, этнические) дают основание для выработки на их основе и с учетом опыта других народов общей идеологии — идеологии добра, фундаментом которой должны быть общечеловеческие моральные ценности, сформулированные, в частности, в христианстве, мусульманстве, конфуцианстве и в коммунистической идеологии.

Для стабильного и устойчивого существования цивилизации и обеспечения в ее рамках социально-экономического развития надо оберегать те исторические корни и традиции, которые способствуют позитивному общественному развитию.

Пути формирования новой идеологии

По вопросу выбора путей и способов формирования российской идеологии существуют различные мнения. Так, А. С. Запесоцкий считает, что «задачу выработки и совершенствования национальной идеологии всегда берет на себя элита. Народ же оценивает результаты, принимает их или не принимает. Если элита успешно справляется со своей обязанностью, в стране наступает период устойчивого социально-экономического развития. Не справляется — страна попадает в беду»²⁷. При этом не совсем понятно, какая элита имеется в виду. Если это политическая и экономическая элита — правящий олигархат, то он свою идеологическую задачу давно решил, и соответствующую этому ситуацию мы уже давно имеем.

Есть другой взгляд, основанный на попытке выявить и сопоставить различные варианты: «Мы считаем, что сегодня имеются следующие пути идеологизации российского общества:

1. Экспериментальный — суть которого заключается в порой бездумном, порой осознанном копировании зарубежного опыта применения тех или иных ориентаций на успешные события и мировое первенство, но игнорируя отечественную специфику и менталитет граждан.

2. Ортеговский — создание идеологии усредненной нации, напроочь лишенной оригинальности, покорной власти с вечной ориентацией на “счастливое будущее” для удобного манипулирования сознанием (в основе концепция “человека-массы” Х. Ортеги-и-Гассета).

3. Программно-проектный — создание альтернативной классическим объединяющей идеологии, спроектированной с учетом всех специфик российского государства для успешной адаптации отечественных и зарубежных идеологом.

Реализация третьего варианта создания российской идеологии представляется нам наиболее предпочтительной. ...Как мы считаем, судьба программно-проектного пути идеологизации России зависит, главным образом, от представителей власти и образованного класса, среди которого мы и находим тех, на кого ложится ответственность за идеологическое творчество — то есть интеллектуалов с расширением круга полномочий по принятию допустимых решений»²⁸.

При существующей в настоящее время общественно-политической ситуации такая возможность представляется иллюзорной. Власть, большинство представителей которой всей душой, а часто к тому же и всей семьей, давно за границей, вряд ли будет реализовывать какие-то программы для общенациональной идеологии, в которую они никак не впишутся. А интеллектуалы из властного круга, как правило, направляют всю мощь своего интеллекта на распиливание бюджета и вывод денег за границу. В общем, на них вряд ли можно рассчитывать.

При формировании идеологии надо идти, прежде всего, «снизу», т. е. через индивидуальную или коллективную работу граждан и их общественных объединений (в первую очередь — интеллигенции), которые так или иначе участвуют в образовании

и воспитании молодого поколения, пишут, выступают и в целом проявляют общественную активность, а также через личные и исторические примеры. Аналогичный путь некогда прошло христианство.

В обществе должно созреть ясное понимание необходимости доминирующей идеологии, являющейся его идейной опорой и скрепой. Для того чтобы идеология могла реально стать цементирующей основой российского общества, она должна быть надэтнической и не религиозной, т. е. ее принципы не должны непосредственно апеллировать к традициям отдельных этносов и религий. В то же время необходимо из этих традиций вобрать в себя все элементы, способствующие устойчивому и мирному существованию и развитию общества.

Определенные укрепляющие движения «сверху», законодательная и «властная» поддержка должны быть только после явно обозначившейся тенденции к восприятию и укоренению соответствующих идей в массовом сознании широких слоев общества. Насильственное внедрение моральных и других идеологических принципов имеет мало смысла. Вариант насаждения идеологии «сверху» уже пройден в советское время и не сможет обеспечить ее жизнеспособность в очередной раз. Прежде чем быть государственной, идеология должна стать общественной и национальной по масштабу (сфере) применения. Ее нормативное закрепление в Конституции и федеральных законах следует проводить с большой осторожностью. Официальный государственный статус идеологии может оказать ей медвежью услугу и в конечном итоге погубить (как это было в СССР). «Лучший способ уничтожить идеологию — это дать ей статус государственной», — считает генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров²⁹.

Включение идеологии в жизнь общества и ее поддержание должны происходить прежде всего через общественные каналы в виде, например, норм деловой и корпоративной этики (см. свод нравственных принципов и правил хозяйствования в России³⁰), норм семейной и социальной этики, патриотического воспитания. Закрепляться законодательно могут лишь отдельные социально-политические нормы, прежде всего в области межэтнических отношений и культурной политики. Первые шаги в этом направлении уже делаются³¹.

Необходимо не только умозрительно устанавливать идеологические принципы, но и практически включать в общественную жизнь (с учетом опыта конфуцианства) устойчиво работающие социокультурные инструменты и механизмы поддержания, культивирования, воспроизводства традиций, обеспечения целостности и сплоченности общества на идеологической основе. Элементы идеологии должны быть кодифицированы в виде текстов неких кодексов, сводов норм и правил, которые нужно использовать в образовательных и воспитательных процессах учебных заведений всех уровней для формирования и культивирования высоких личных и общественных моральных норм, поддержания традиции. В этом плане в отечественной истории есть позитивные примеры, которые также необходимо учесть и использовать, например «Домострой» и «Честное юности зеркало»³².

В число вышеупомянутых социокультурных механизмов должны входить обязательное изучение и экзамены во всех учебных заведениях, тестирование (экзамены) при приеме на госслужбу, клятвы высших должностных лиц, пропаганда в художественной литературе и средствами других искусств.

Примечания

¹ Большой энциклопедический словарь. М., 1993. С. 475.

² *Косолапов Н. А.* Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 3—24.

³ *Де Граси А.* Основы идеологии. М., 2013.

⁴ Государственная идеология и современная Россия : материалы Всерос. науч.-обществ. конф. М., 2014. С. 287.

⁵ *Забелина Н.* Россия зашла в стратегический тупик. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-12-18/1_tupik.html (дата обращения: 12.03.2018).

⁶ *Васильев Н. Н.* Трансформация ментальности и жизнеспособность российской цивилизации // Интеллигенция и мир. 2016. № 3. С. 85—103.

⁷ Комментарий к Конституции РФ / под ред. *В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева.* М., 2010. С. 117.

⁸ *Запесоцкий А. С.* Гражданин с дипломом : должны ли вузы отказываться от идеологической работы? // Российская газета — Федеральный выпуск.

- № 6293 (21). 2014. 31 янв. URL: <https://rg.ru/2014/01/31/vuzy.html> (дата обращения: 12.03.2018).
- ⁹ Комментарий к Конституции РФ. С. 117.
- ¹⁰ Кузнецов И. К вопросу об интерпретации понятия «идеология». URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/12/30/k_voprosu_ob_interpretacii_ponyatiya_ideologiya (дата обращения: 12.03.2018).
- ¹¹ Порозов В. А. Интеллигенция и опера: страсти по «Тангейзеру» // Интеллигенция / интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития : материалы XXVI Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2015. С. 27.
- ¹² Холмогоров ответил Райкину. URL: <http://rusvesna.su/news/1477644654> (дата обращения: 12.03.2018).
- ¹³ Крик души нормальной российской женщины. URL: <https://newsland.com/community/politic/content/o-mitingakh-v-rossii-o-sokurove-akhedzhakovoinavalnom-kto-takie-onizhedeti-i-t-p-krik-dushi/5762339> (дата обращения: 12.03.2018).
- ¹⁴ Идеология: поиски и находки / под ред. И. И. Кального. М., 2015. С. 171.
- ¹⁵ Русское Идеологическое сообщество (РИС). URL: <http://maxpark.com/community/3656/view/recent/year/all/0?page=4> (дата обращения: 12.03.2018).
- ¹⁶ Сообщество «Интеллектуальное сопротивление». URL: <http://maxpark.com/community/7554> (дата обращения: 12.03.2018).
- ¹⁷ Центр Сулакшина : (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: <http://rusrand.ru> (дата обращения: 12.03.2018).
- ¹⁸ О создании Клуба «Интеллектуального сопротивления». URL: <http://rusrand.ru/docconf/o-sozdanii-kluba-intellektualnogo-soprotivlenija> (дата обращения: 12.03.2018).
- ¹⁹ Фонд «Идеология». URL: <http://www.ideologiya.ru/> (дата обращения: 12.03.2018).
- ²⁰ Проект «Манифест». URL: <http://www.zobov.org.ua/content/8/> (дата обращения: 12.03.2018).
- ²¹ Всемирное научное ноосферно-онтологическое общество (ВННОО). URL: <http://world-ontology.org/index.php?showforum=372%20> (дата обращения: 12.03.2018).
- ²² Идеология: поиски и находки. С. 173.
- ²³ Государственная идеология и современная Россия. С. 288—289.
- ²⁴ Запесоцкий А. С. Указ. соч.
- ²⁵ Хасан Таби. Ислам в России : мифы и реальность // Саратовские вести. 1997. 22 янв.

- ²⁶ Брагин Л. В. Китай и Россия: специфика самоопределения // Интеллигенция / интеллектуалы в кризисные и переломные периоды... С. 166—168.
- ²⁷ Запесоцкий А. С. Указ. соч.
- ²⁸ Кудашов В. И., Равочкин Н. Н. Проектирование идеологии современного российского общества как предназначение интеллектуалов // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 18—19.
- ²⁹ Нужна ли России государственная идеология? // Российская газета — Федеральный выпуск. 2015. № 6749 (178). 13 авг.
- ³⁰ Свод нравственных принципов и правил хозяйствования в России в условиях рыночной экономики : принят на восьмом Всемирном русском народном собрании 3—4 февраля 2004 г. // Православная беседа. 2004. № 2.
- ³¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»: постановление Правительства РФ от 29 дек. 2016 г. № 1532. URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/454/original/Государственная_программа.pdf?1484236417 (дата обращения: 29.03.2018).
- ³² Большой Домострой, или Крепкие семейные устои, освященные Церковью : сб. / сост. Игумен Митрофан (Гудков). М., 2016.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)53-283.2

Г. Н. Мокшин

ВОПРОС ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НЕОНАРОДНИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Общая постановка проблемы

Вопрос об интеллигенции, ее положении в обществе и особом историческом предназначении красной нитью проходит через всю историю русского народничества. Не случайно современные исследователи определяют его идеологию как способ *самоидентификации* так называемой «передовой» русской интеллигенции через идею служения «народу». Народники искренне верили, что их теории перехода России к социализму выражают интересы основного населения страны. Однако в действительности они отстаивали собственное видение происходивших в стране процессов и пытались оказать на них влияние¹.

Как известно, в 1870—90-е гг. богобоязненный и царлюбивый русский народ своих «защитников» не поддержал. В начале XX в. мечту «старых» народников о том, чтобы стать умственными вождями масс, попытались осуществить их исторические преемники — неонародники. В 1902 г. социалисты-революционеры объединяются в собственную политическую партию. Как писал по этому поводу Г. В. Плеханов, эсеры захотели слить воедино то, что разъединил 1879 г.: террор и агитацию в народе².

© Мокшин Г. Н., 2018

Мокшин Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета. mok410@mail.ru

И им это практически удалось. Во время революции 1905—1907 гг. партия насчитывала в своих рядах 50—60 тыс. человек, из которых рабочие и крестьяне составляли около 90 %. Потом ее численность резко сократилась, но в 1917 г. последовал новый скачок — до 1 млн человек с той же незначительной долей интеллигенции³.

Формально в начале XX в. народническая идеология перестала быть интеллигентской. Но так ли это было на самом деле? И главное, как «долгожданное» сближение с народом повлияло на интерпретацию неонародниками старых «интеллигентских» вопросов: что такое интеллигенция и каковы ее ближайшие общественные задачи?

Идеология неонароднических партий эсеров и энесов, включая общую постановку и решение ими проблемы интеллигенции, довольно неплохо описана в литературе⁴. Есть и отдельные исследования полемики об интеллигенции начала XX в., в том числе вокруг антиинтеллигентского сборника «Вехи»⁵. Вместе с тем влияние на эволюцию идеологии народничества споров об интеллигенции и народе, в которых неонародники принимали активное участие, специально еще не изучалось. Остается открытым и вопрос о том, почему триумфальный взлет популярности эсеров в 1917 г. закончился для них трагедией (захватом власти в стране большевиками и разгромом неонароднических партий).

Неонародническая концепция интеллигенции

Предтечей споров об интеллигенции с участием теоретиков неонародничества стали статьи легальных марксистов, опубликованные в прессе в самом начале 900-х гг. К этому времени старое, «классическое» русское народничество прекратило существование. Но народническое определение русской интеллигенции как «партии прогресса» и «мозга нации» продолжало довлеть над сознанием «передовой» части русского общества.

П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, В. В. Воровский, Н. Н. Иорданский выступили с резкой критикой социально-этической концепции интеллигенции народников, вкладывавших в это слово сугубо идеологический смысл (служение передовым идеям и высоким нравственным ценностям). «“Интеллигенция” —

это люди, “сердце и разум” которых “с народом”. В наше время, — по словам А. С. Изгоева, — никто, конечно, не подпишется под этим определением, насквозь пропитанным первородным грехом [Н. К.] Михайловского, его субъективным методом»⁶.

Действительно, «субъективный» подход народников отличался крайней узостью и тенденциозностью, т. к. исключал из состава интеллигенции всех противников идеи социального прогресса и просто образованных людей, далеких от политики. В 1880—90-е гг. часть народников, переориентировавшись с политической борьбы на культурно-просветительскую работу в массах, уже подвергали его критике. Но их концепция «трудовой» интеллигенции, как носителя специальных знаний, не получила широкого распространения⁷.

Вооруженные классовой теорией общественного развития марксисты пошли еще дальше правых народников. Интеллигенция, хотя и состоит из профессиональных работников умственного труда, не связана общностью экономических интересов, т. к. это не общественный класс, а «прослойка» между классами. Цель марксистов известна: доказать, что так называемая «передовая» русская интеллигенция не является самостоятельной общественной силой и должна присоединиться к пролетариату — будущему истинному творцу русской истории⁸.

Идейные наследники левого народничества с классовым подходом к пониманию природы русской интеллигенции были категорически не согласны. Но в открытую полемику по этому вопросу вступили позже марксистов — в разгар Первой русской революции.

В ответе на вопрос «что такое интеллигенция?» неонародники проявляли редкое единодушие, заявив, что интеллигенция — явление по существу внеклассовое. Например, по словам С. Я. Елпатьевского, интеллигенция — это «общественно думающая и общественно чувствующая» часть общества, которая руководствуется в своих действиях не личными или групповыми (профессиональными, классовыми), а исключительно общенародными интересами⁹. При этом, по мнению неонародников, к интеллигенции мог принадлежать даже полуграмотный крестьянин, если он проникнулся ее идеями. Но никакой университетский диплом еще не давал право его обладателю причислить себя

к «истинной» интеллигенции¹⁰. «Я называю интеллигентом человека, живущего интеллектуальной жизнью во имя истины и справедливости», — писал по этому поводу А. Б. Петрищев, — «такова одна из старых, “народнических” дефиниций этого понятия»¹¹.

Наиболее подробное обоснование неонароднической концепция интеллигенции получила в трудах известного историка и социолога Иванова-Разумника (Р. В. Иванова), идейно близкого к эсерам. «Интеллигенция, — напишет он в 1906 г. в “Истории русской общественной мысли”, — есть этически-антимещанская, социологически-внесословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности»¹². Это определение интеллигенции обобщает три ее главных признака, отстаиваемые сторонниками социально-этического подхода: 1) внесословность, 2) преемственность (в борьбе за «освобождение» народа), 3) способность к социальному творчеству. Оригинальность концепции Иванова-Разумника придает тезис об антимещанской (т. е. антибуржуазной, альтруистической) морали интеллигенции, который он справедливо ставит на первое место. «Эгоист» не может целиком посвятить себя общественному служению и добровольно взвалить на свои плечи непомерный груз ответственности за судьбу страны. Поэтому «антимещанство» — это и есть главное отличие русской интеллигенции от западных «интеллектуалов».

Как уже отмечалось выше, неонародники, поставив своей ближайшей задачей сближение с народом, фактически отказались от старой народнической теории о всесиилии «критически мыслящей» интеллигенции. Но, по признанию современных исследователей, от этого их самоидентификация как особой социальной группы (со своими специальными задачами) не стала менее уязвимой для критики. С другой стороны, интеллигенция являлась основным субъектом российского освободительного движения. В этих условиях ее преувеличенные представления о собственной значимости действительно превращались в фактор практического действия¹³.

Итак, отстаивая свое право быть идейными вождями народных масс, неонародники по понятным причинам придерживались «идеологического» определения интеллигенции. И не только

они, но и многие их противники, включая Н. А. Бердяева, оказавшего значительное влияние на западную историографию русского народничества. Он тоже считал, что идейность — это главный отличительный признак русской интеллигенции, т. к. она всегда была «идеологической, а не профессиональной и экономической» группой¹⁴. С подачи Бердяева данное определение попало в современные отечественные учебники истории России¹⁵.

В начале XX в. в общественном сознании закрепилось и другое понимание феномена интеллигенции — как работников умственного труда. Развитие капитализма привело к появлению в стране буржуазной интеллигенции. Еще в начале 1880-х гг. этот факт большинством народников категорически отрицался, т. к. тогда это бросало тень на бескорыстность борьбы интеллигенции за расширение политических свобод¹⁶. Новый этап российского освободительного движения, на котором радикальная интеллигенция перестала быть единственной оппозиционной правительству силой, позволил неонародникам взглянуть на проблему социальной природы интеллигенции более объективно, признав неоднозначность и противоречивость этого феномена пореформенной русской жизни. По словам исследовательницы А. А. Жаворонковой, эсеры, а именно их главный теоретик — В. М. Чернов, обнаружили наличие у интеллигенции собственных экономических и политических интересов, чего не заметил в свое время Карл Маркс, а вслед за ним не сумели увидеть и российские социал-демократы¹⁷. Только здесь надо оговориться, что выводов Яна Махайского об интеллигенции как новом классе «умственных рабочих» неонародники не разделяли¹⁸. По признанию того же Чернова, интеллигенция не обладает единым самосознанием, т. к. распадается между различными общественными классами. Как идеологическая сила она может выработать собственное видение происходящих в стране процессов, но в большинстве своем отстаивает интересы тех классов, которым служит¹⁹. В этом вопросе неонародники были солидарны с марксистами, в свое время подвергшими «махаевщину» жесткой критике.

Проблема взаимоотношений неонароднической интеллигенции с народом

Резкий подъем народного движения во время революции 1905—1907 гг., впервые в русской истории проходивший не под монархическими знаменами, потребовал от неонародников заново определить свое отношение к народным массам. В качестве главной задачи они тоже впервые поставили *политическое пробуждение народа* путем внесения в его среду «света сознательной мысли», после чего сами массы (!) воплотят в жизнь идеалы демократической интеллигенции. При этом под «народом» понимались не только крестьяне и рабочие, но и представители демократической интеллигенции, добывающие средства к существованию собственным трудом²⁰.

Возобновив революционную агитацию и пропаганду в деревне партия социалистов-революционеров становится одной из самых больших и влиятельных политических сил начала XX в. В исторической литературе даже существует точка зрения, что пик своей активности эсеры прошли в годы Первой русской революции (участие в работе II Государственной думы, организация новой «террористической войны» против правительства, создание в деревне «крестьянских братств» и т. д.), а в 1917 г. они себя не проявили, отдав инициативу большевикам²¹. С этим трудно согласиться, хотя своя доля правды здесь есть.

Причины неудачных попыток опереться на массы у своих предшественников неонародники объясняли искусственной изолированностью интеллигенции от народа. По признанию энеса Афанасия Петрищева, до первой народной революции общие условия жизни надолго исключали для барина и мужика возможность «сойтись на совместном деле». Теперь, пишет публицист «Русского богатства», общее дело нашлось. И сошлись интеллигенция и народ — два «таинственных незнакомца». «Это решающее событие в русской истории XX в.». Революция создала некий общий язык, одинаково понятный и интеллигенту, и мужику. «Интеллигент-барин получил возможность стать идейным руководителем народного движения»²².

Примерно так же оценивал влияние революции на взаимоотношения интеллигенции с народом Иванов-Разумник. Как только исчезла «преграда штыков, вечно стоявшая между

“интеллигенцией” и “народом”... мы увидели, как близки идеалы народа к тем теоретическим воззрениям русской общественной мысли, которые двигали русской интеллигенцией от Герцена вплоть до Михайловского — вплоть до 1905 года». «Мы лишний раз убедились в том, что устами русской интеллигенции XIX века говорил сам народ, что само это противопоставление “интеллигенции” и “народа” есть чисто внешнее, лишенное внутреннего смысла»²³. Писатель даже высказал убеждение, что будущий историк революции 1905 г. назовет ее «народнической», настолько глубока была тогда вера у всех партий и групп в возможность немедленного осуществления старых идеалов народничества²⁴.

Многие неонародники надеялись, что со временем роль обновляющего фактора русской жизни возьмут на себя выходцы из самого народа — представители так называемой «народной интеллигенции». Ее появление считалось важным доказательством жизненности народнических идей. «Мы, — уверял своих читателей Иванов-Разумник, — “интеллигентный народ”, близко познакомились с “народной интеллигенцией” — с теми иногда безграмотными крестьянами, которые силой творческого духа иной раз превышают многих кабинетных пророков»²⁵. Эта новая интеллигенция, по утверждению другого известного эсеровского публициста — Н. И. Ракитникова, «плоть от плоти нашей, кровь от крови нашей». И она уже пережила наиболее острый период отчуждения, став в 1905 г. «вождем и руководителем остальной рабочей массы»²⁶.

Однако вера неонародников в творческие силы простого народа (якобы социалиста по инстинкту) уже не была такой безграничной как в 70-е гг. XIX в. Народ, писал по этому поводу Н. Ф. Богораза, также выдвигает интеллигенцию из своих рядов. Но, не имея необходимого образования, «эти личности не могут правильно поставить и привести в определенную форму партийные убеждения, а тем более соображать свои поступки с требованиями эпохи и случайностями борьбы». Поэтому в разработке новых идеалов и выяснении партийной программы интеллигенция «из рабов и плотников» должна играть подчиненную роль²⁷ — это весьма красноречиво свидетельствует о постепенном освобождении народнической интеллигенции от культа простонародья.

Стоит обратить внимание на пусть и незначительное преобладание в партии эсеров рабочих (до 50 %). Это позволяет некоторым исследователям сделать вывод, что новые народники были авангардом скорее пролетарской, нежели крестьянской партии²⁸.

Неонародники и веховская критика интеллигенции

Революция 1905—1907 гг. радикально изменила общую картину политической жизни страны. Вместе с появлением в 1906 г. парламента и легальных политических партий всевластие русского царя было ограничено, по крайней мере юридически. Партийная и общественная интеллигенция с лихвой воспользовалась полученными свободами слова, печати и собраний, занявшись организацией масс для борьбы за окончательную победу русского освободительного движения. Последние двенадцать лет императорская Россия напоминала бурлящий котел, готовый в любую минуту взорваться и разлететься на мелкие кусочки.

Как известно, противники Первой русской революции сразу же аттестовали ее как детище радикальной интеллигенции, которая стремилась к ней на протяжении всей пореформенной эпохи. Концептуальное обоснование эта позиция получила на страницах знаменитого сборника «Вехи» (СПб., 1909).

Семь веховцев, имена которых были хорошо известны общественности, обрушились на русскую интеллигенцию с резкой критикой за ее революционизм, космополитизм, атеизм, рациональный утопизм, нигилистический морализм и прочие «измы». Одним из самых обидных, с точки зрения защитников интеллигенции, было обвинение народников в ложной любви к народу, наиболее резко прозвучавшее из уст Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и М. О. Гершензона. Интеллигенция верила в народ и поклонялась ему как Богу. Народные желания она возвела в степень высших идеалов государственного строительства. На деле созданный культ народа привел к тому, что реальные нужды масс были принесены в жертву абстрактным идеалам интеллигенции. Поэтому вера в великое будущее русского народа, его особое предназначение — осуществить социальную правду, братство людей, Бердяев и Булгаков называли «народопоклонством», созданием себе кумира по своему образу и подобию²⁹.

Самый сильный антинароднический аргумент веховцев — отсутствие у радикальной интеллигенции поддержки народа, который ненавидит «свою» интеллигенцию «страстно», «с бессознательным мистическим ужасом». Закрывать такую рознь с помощью одного только просвещения было невозможно. «Каковы мы есть, — писал Гершензон, — нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»³⁰.

На сакральный вопрос «что делать интеллигенции?» веховцы отвечали так: отказаться от болезненной «тирании общест-венности» (т. е. перестать быть общественной интеллигенцией) и стать профессиональной интеллигенцией на западный манер. В Европе забота о личном благополучии являлась общепринятой нормой. Если интеллигенция хотела служить, то она должна слу-жить государству, а не химерам общественного блага.

Появление «Вех» спровоцировало в обществе такие идей-ные баталии, с которыми полемика по вопросу интеллигенции начала 80-х гг. XIX в. не идет ни в какое сравнение.

Позицию неонародников в спорах 1909—1912 гг. представ-ляли Иванов-Разумник, Н. И. Ракитников, И. И. Ясинский и дру-гие публицисты³¹. Всех их сильно задел тезис веховцев о непро-ходимой пропасти между интеллигенцией и народом, в существовании которой якобы виновата сама народническая ин-теллигенция. Все это, разумеется, отрицалось, включая и факт сохранения раскола с народом.

Главный контраргумент неонародников: невозможность противопоставления социально-экономического понятия «на-род» социально-этическому понятию «интеллигенция». По сло-вам Иванова-Разумника, это lapsuse, т. к. и в интеллигенции есть свой plebs, и в народе есть своя интеллигенция³². Ту же мысль развивал Ракитников. Интеллигенция — это та часть населения страны, в которой пробудилась потребность развития. Поэтому ее следует противопоставлять не народу, а «людям рутины, обычая, привычки, традиции, аффектов; людям, которые... всю жизнь свою устраивают по заветам старины, по требованиям обычая, моды и т. п.». Такие люди есть не только в народе, а во всех сословиях³³.

По убеждению неонародников, революция 1905 г. «не только не показала оторванности интеллигенции от народа, — напротив: она была огромным шагом на пути их сближения»³⁴. Наконец-то был сдвинут «тяжкий камень», загораживающий дорогу навстречу друг с другом. Разуверившись в царской власти, народ начал преодолевать вековую вражду и недоверие к людям, носящим партикулярное платье, чему в немалой степени способствовало появление в пореформенной деревне значительного слоя разночинной интеллигенции (учителя, врачи, агрономы и другие земские служащие) — проводников нового знания и идей³⁵. Большие надежды возлагались неонародниками и на так называемую «народную интеллигенцию». Она должна была ускорить процесс сближения двух различных мирозозерцаний, в чем, по убеждению неонародников, и заключался «корень» прежней розни.

Веховская критика интеллигенции, безусловно, имела свое рациональное зерно. Первая русская революция наглядно продемонстрировала, что если радикальная интеллигенция будет и впредь разжигать в народе «революционные инстинкты», то страну может постигнуть катастрофа. Тем не менее, предостережение «Вех» так и не было услышано. К сожалению, рассуждения веховцев о русской интеллигенции страдали явной односторонностью и тенденциозностью. Представленный в сборнике собирательный портрет интеллигенции был нарисован одной черной краской. Веховцы говорили только о недостатках интеллигенции, свалив на нее ответственность за все беды, и даже не упомянули о ее заслугах. А ведь наряду с радикальной интеллигенцией в России было немало культурных деятелей, давно и плодотворно занимающихся той работой, к которой призывали «Вехи». Кроме того, участники сборника поставили перед радикальной интеллигенцией заведомо невыполнимую задачу: перейти от конфронтации к сотрудничеству с властью, т. е. превратиться в свою противоположность. Иными словами, после поражения революции 1905 г. интеллигенции предлагалось сдать на милость победителю.

За пять десятилетий развития народнической мысли в России ее теоретики сумели выработать «железную» систему доказательств непогрешимости своих позиций. Сбить народническую

интеллигенцию на обочину русского освободительного движения не смогли даже марксисты, не говоря уже о веховцах. Трудно спорить с доктриной, которая оперирует набором «абсолютных догм», позволяющих интерпретировать в свою пользу любые факты. Такую доктрину могла опровергнуть только сама жизнь, а в начале XX в. она пока позволяла новому поколению народников «набирать очки».

1917 год и исторические судьбы народнической интеллигенции

Как известно, Февральская революция застала неонародников врасплох. В межреволюционный период все радикальные партии находились в «летаргическом сне»: и народники, и марксисты, и анархисты. Но первыми вышли из него именно эсеры. Развернув успешную агитационно-пропагандистскую кампанию (в 1917 г. выходило около сотни периодических изданий), они очень быстро добились своего: широкой поддержки масс и вхождения в новые «революционные» органы местной власти (городские думы, советы рабочих и солдатских депутатов, крестьянские советы).

Одна из главных причин этого успеха — очень привлекательная для трудового народа программа преобразований: ликвидация частной собственности на землю и ее последующая социализация (превращение в общенародное достояние); 8-часовой рабочий день, рабочий контроль на предприятиях; установление демократической республики с широкими демократическими свободами; федеративное государственное устройство с правом наций на самоопределение, «демократический мир всему миру»³⁶.

Завоевав в начале 1918 г. больше всех мест в Учредительном собрании, эсеры на деле доказали, что социалистические идеи интеллигенции, при умелом ведении дела, могут быть поддержаны не только городскими пролетариями, но и крестьянами. Хотя последние понимали народнический социализм по-своему, как передачу им земли и имущества помещиков.

Однако триумф народников продолжался недолго, как и работа Учредительного собрания. Очевидно, что поддержка эсеров со стороны народных масс была не такой прочной, как у большевиков, сумевших установить власть по всей стране.

Почему так получилось, попытался объяснить народный социалист А. В. Пешехонов. Одна из важнейших задач русского народничества, писал он в декабре 1917 г., состояла в том, чтобы сблизить интеллигенцию с народом, уменьшить пропасть между ними, которая была «вырыта историей». В этом отношении народничество, несомненно, сделало достаточно много. У значительной части интеллигенции было воспитано желание «слиться с народом» и отдать все свои силы делу его освобождения. Однако «широкие» (т. е. легальные) организационные формы для такого сближения, по мнению Пешехонова, созданы не были. В «критический момент народной жизни» с массами слилась незначительная (наиболее радикальная) часть интеллигенции, а основные ее силы оказались по другую сторону пропасти³⁷.

Современные народниковеды любят противопоставлять «демократический социализм» эсеров и энесов «казарменному» и «охлократическому» социализму большевиков³⁸. Здесь, конечно, не всё так однозначно, но в начале XX в. русское народничество в целом действительно стало более «цивилизованным», европейским. Его идеологи перестали верить в «один грандиозный прыжок» от капитализма к социализму³⁹. Они больше не доверяли «социальным инстинктам» масс, осознав необходимость для социалистических преобразований таких важных предпосылок, как развитая хозяйственная и политическая демократия (профессиональные союзы, кооперация, парламент, самоуправление). Поэтому во время Февральской революции эсеры добровольно отдали право формирования государственной власти представителям буржуазных партий, а потом вошли с ними в коалицию, рассчитывая на то, что политическая демократия и социализация земли со временем обеспечат мирный переход России к социализму⁴⁰.

На наш взгляд, отказ неонародников от идеи непосредственного введения социализма в России, чреватого гражданской войной и диктатурой, и попытка опереться на весь народ (крестьяне, рабочие, интеллигенция), а не на одну его фракцию — это показатели зрелости народнического движения, за полвека накопившего значительный опыт политической борьбы. Но, к сожалению, в условиях нарастания в стране революционной смуты, приведшей к захвату власти большевиками, расчетам неонарод-

ников на мирное, эволюционное развитие общества по пути социального прогресса не суждено было сбыться.

Примечания

- ¹ *Зверев В. В.* Русское народничество : учеб. пособие. М., 2009. С. 16.
- ² *Плеханов Г. В.* Сочинения : в 24 т. М. ; Л., 1927. Т. 24. С. 147.
- ³ *Ерофеев Н. Д.* Социалисты-революционеры // История политических партий России. М., 1994. С. 167, 184.
- ⁴ Подробнее см.: *Назаров В. В.* Идеология неонароднических партий: программно-тактические разногласия эсеров и энесов // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2011. № 2.
- ⁵ *Вандалковская М. Г.* К вопросу о содержании понятия «интеллигенция» в литературе начала XX в. // Интеллигенция и революция : XX век. М., 1985 ; *Соколов А. В.* Вопрос об интеллигенции в оппозиционной публицистике (1901—1904 гг.) // Общественно-политическая проблематика периодической печати России (XIX — начало XX в.) : сб. ст. М., 1989 ; *Мацубара Х.* Интеллигенция и мещанство : (полемика Иванова-Разумника и С. Л. Франка) // Иванов-Разумник : личность. Творчество. Роль в культуре : публицистика и исследования. СПб., 1998. Вып. 2 ; *Диденко Д. В.* Полемика вокруг сборника «Вехи» как явление общественной жизни России 1909—1912 гг. // Интеллигенция и мир. 2002. № 1—2.
- ⁶ *Изгоев А. С.* Интеллигенция как социальная группа // Образование. 1904. № 1. С. 75.
- ⁷ Подробнее см.: *Мокишин Г. Н.* Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007.
- ⁸ *Струве П.* На разные темы // Мир божий. 1901. № 6 ; *Туган-Барановский М. И.* Что такое общественный класс // Мир божий. 1904. № 1 ; *Адамович Ю.* [Воровский В. В.] Представляет ли интеллигенция общественный класс? // Правда. 1904. № 5 ; *Иорданский Н.* Еще о народничестве и марксизме : (ответ г. Пешехонову) // Образование. 1904. № 10. С. 72—73.
- ⁹ *Елпатьевский С.* По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3. С. 60.
- ¹⁰ *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли : в 2 т. СПб., 1911. Т. 1. С. 4.
- ¹¹ *Петрищев А.* Противотеченцы // Русское богатство. 1907. № 8. С. 129, 130, 140.
- ¹² *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. С. 12.

- ¹³ *Дворкин В. З.* Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // *Философия и освободительное движение в России : межвуз. сб. Л., 1989. С. 143.*
- ¹⁴ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 17.
- ¹⁵ См., напр.: *Кошман Л. В.* Интеллигенция и ее участие в общественно-культурной жизни // *История России XIX — начала XX в. : учеб. для ист. фак. ун-тов. М., 1998. С. 668.*
- ¹⁶ Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* Вопрос об интеллигенции в легальной печати начала 1880-х гг. // *Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 2005. Вып. 11.*
- ¹⁷ *Жаворонкова А. А.* Неонародническая интеллигенция 90-х годов XIX в. : (к истории идейного становления) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 53.
- ¹⁸ См.: *Вольский А. [Махайский Я. В.].* Умственный рабочий. СПб., 1906. Ч. 1—2.
- ¹⁹ *Чернов В. М.* Социалистические этюды. М., 1908. С. 339, 341.
- ²⁰ *Пешехонов А.* На очередные темы. Основные положения нашей программы // *Современность. 1906. № 1. С. 123, 125.*
- ²¹ *Гютюкин С. В.* Социалисты и революция // *Политическая история России : учеб. пособие. М., 1998. С. 355.*
- ²² *Петрищев А.* Указ. соч. С. 122.
- ²³ *Иванов-Разумник.* Литература и общественность : сб. ст. СПб., 1912. С. 41—43.
- ²⁴ Там же. С. 41. Подробнее см.: *Иванов-Разумник.* Характер русской революции : обзор литературы // *Критическое обозрение. 1907. № 2.*
- ²⁵ *Иванов-Разумник.* Литература и общественность. С. 43.
- ²⁶ *Ракитников Н.* Интеллигенция и народ // «Вехи» как знамение времени : сб. ст. М., 1910. С. 320.
- ²⁷ См.: *Жаворонкова А. А.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁸ *Хильдермайер М.* Представления партии социалистов-революционеров о рабочем классе (1900—1914 гг.) // *Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 — февраль 1917. СПб., 1997. С. 309.*
- ²⁹ Вехи ; Интеллигенция в России : сб. ст., 1909—1910. М., 1991. С. 30, 75.
- ³⁰ Там же. С. 101.
- ³¹ *Иванов-Разумник.* Об интеллигенции. Что такое махаевщина. Кающиеся разночинцы. СПб., 1909 ; *Ракитников Н.* Указ. соч. ; *Ясинский И. И.* Суд над интеллигенцией : (по поводу сб. «Вехи») // *Новое слово. 1909. № 8.*
- ³² *Иванов-Разумник.* Литература и общественность. С. 109, 110.

- ³³ *Ракитников Н.* Указ. соч. С. 291.
- ³⁴ Там же. С. 320.
- ³⁵ Там же. С. 315.
- ³⁶ *Ерофеев Н. Д.* Указ. соч. С. 157—158, 188, 189.
- ³⁷ *Пешехонов А.* Почему мы тогда ушли : (к вопросу о политических группировках в народничестве) // Русское богатство. 1917. № 11—12. С. 335—336.
- ³⁸ См., напр.: *Морозов К. Н.* «Партия трагической судьбы» : вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России : сб. материалов конф. М., 2014.
- ³⁹ *Пешехонов А.* Почему мы тогда ушли. С. 348.
- ⁴⁰ *Исхакова О. А.* Неонародничество // Общественная мысль России XVIII — начала XX века : энцикл. М., 2005. С. 338.

ББК 79.147.11

П. П. Послушаев

**Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ
И ДОМ-МУЗЕЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

«Высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине»¹, — так писал Н. Г. Чернышевский.

Великая Отечественная война, унесшая миллионы жизней советских людей, явилась большой трагедией для нашей страны, поэтому победа над фашистской Германией имела огромное историческое значение. Она досталась нам невероятными усилиями, героическими подвигами солдат на фронте и самоотверженным трудом советских людей в тылу. Огромный вклад в дело победы внесли рабочие, колхозники и интеллигенция. Деятели культуры старались сохранить в суровых военных условиях всё, что пред-

---

© Послушаев П. П., 2018

Послушаев Павел Павлович — старший научный сотрудник Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского (Саратов). poslushaevpp@gmail.com

ставляло историческую ценность для нашего народа. Сердца советских солдат обливались кровью при виде уничтоженных памятников архитектуры и разгромленных исторических музеев.

Саратовская интеллигенция, сотрудники музея Н. Г. Чернышевского сумели не только сохранить музей, но и обеспечить его постоянную работу все эти суровые годы. Одна из саратовских газет в 1943 г. писала: «Заслуженной известностью пользуется Саратовский Дом-музей им. Н. Г. Чернышевского. В дни войны он видит новых посетителей — героев-фронтовиков, которые по экспонатам музея знакомятся с жизнью и трудами нашего великого земляка»². Музей Н. Г. Чернышевского, возглавляемый внучкой писателя, Ниной Михайловной, был единственным в Саратове, непрерывно функционировавшим весь период Великой Отечественной войны. Собранные на музейной территории осколки зенитных снарядов дают возможность представить себе опасность, которой он подвергался. Всю территорию усадьбы изрезали траншеи. Музейные залы не отапливались, не действовал водопровод, был выключен свет. Нина Михайловна отмечала в своих дневниках, что «Дому-музею и его зданиям необходимы были дрова для отопления и керосин для освещения... Появились и бытовые трудности: карточки на хлеб и продукты — очереди за ними; продажа личных вещей на базаре... Все это требовало огромной энергии и больших затрат времени»³. В таких суровых условиях трудился весь коллектив во главе с его директором.

Н. М. Чернышевская всю жизнь посвятила хранению, изучению и пропаганде научно-литературного наследия своего деда. Являясь продолжательницей дела своего отца, Михаила Николаевича, с ноября 1921 г. она работала научным сотрудником Дома-музея Н. Г. Чернышевского, в мае 1924 г. уже была назначена заведующей музеем, а с 1941 г. стала его директором. Полностью отдавая все силы любимому делу, она считала, что работа в музее должна вестись «на должной высоте»⁴. Кроме основных обязанностей (административно-хозяйственных, лекционных, экскурсионных), она занималась научной, писательской деятельностью, принимала активное участие в общественной жизни своего города.

С самого начала войны у Н. М. Чернышевской «появилось... много неотложных дел в музее: надо было спрятать музейные ценности — зарыть их в подвале (под зданием музея);

выдать для эвакуации архив Н. Г. Чернышевского; пройти курсы ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона); руководить оборонной работой в музее (оборудование бомбоубежищ, рытье траншей... организация ночных дежурств и т. п.)»⁵. Война нарушила привычные формы научной и пропагандистской работы. Было приостановлено издание полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, отодвинуто на неопределенный срок создание бытовой экспозиции, «не удалось освободить от жильцов и оборудовать для музейных целей дом Пыпиных и флигель О. С. Чернышевской»⁶. Планы по приему посетителей на 1941 г. остались невыполненными, резко сократилось количество экскурсий⁷. Но заслугой коллектива музея была быстрая перестройка режима и форм работы: организовывались новые выставки, характеризующие Н. Г. Чернышевского как великого патриота русской земли, разрабатывались новые экскурсии, охватывающие все стороны его жизни и деятельности. Экскурсии проводились ежедневно с 10 часов утра до 1 часа дня, но также и вечером. Люди, пришедшие в музей, получали заряд бодрости и мужества. Крепла решимость солдат до конца стоять за независимость Родины. Воинов вдохновляли слова писателя: «Долг защищать отечество есть первая и священнейшая обязанность гражданина».

Всего за годы Великой Отечественной войны в музее побывало свыше 15 тыс. посетителей⁸. Многие офицеры, солдаты, даже целые воинские подразделения приходили перед отправкой на фронт «к Н. Г. Чернышевскому в его дом-музей». «...Я выношу из дома Чернышевского любовь к русской литературе, русской культуре, к русскому народу и его лучшим сынам. Смерть фашистским оккупантам!», — написал в книге отзывов Дома-музея командир Красной армии П. Ф. Гонтаренко 11 апреля 1943 года⁹. Среди посетителей музея военных лет были: артистка Украинского радиокомитета О. Сидоренко, писатель-фронтовик Ю. Г. Костюк, скульптор А. П. Кибальников, а также председатель колхоза «Стахановец» Ф. П. Головатый, на чьи личные сбережения были построены и отправлены на фронт 2 самолета. Феррапонт Петрович Головатый 28 июня 1944 г. оставил такой отзыв о музее: «Здесь в этом Доме-музее Н. Г. Чернышевского, на примере великого Русского патриота-революционера можно учиться, как нужно любить свою Родину, не жалея для нее ни сил, ни тру-

да, ни жизни. Мы, саратовцы, должны гордиться тем, что живем в городе, где родился и провел свои молодые годы наш великий земляк. Желаю коллективу музея успехов в его работе»¹⁰.

В книге отзывов музея, представляющей большой интерес, оставляли записи не только известные люди, но и рядовые красноармейцы, сержанты, лейтенанты. «Кто знает, вернусь ли я сюда. Но даже в самые грозные минуты моей жизни, я всегда буду помнить о непоколебимом упорстве и стойкости Н. Г. Чернышевского. Моим заветным желанием будет отныне жить так, чтобы можно было повторить слова Чернышевского: “Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ею”» (П. Гончаров)¹¹. Учитель-красноармеец оставил всего две, но имеющие огромное значение, строчки: «Родина признательна тебе, великий Чернышевский!»¹². Журналист и инженер-строитель, которые уезжали на восстановление Сталинграда, написали: «Ознакомившись с материалами дома-музея Н. Г. Чернышевского, хочется сказать: “Слава человеческому разуму! Жизнь продолжается. Да здравствует жизнь!”»¹³. Лектор ЦК ВКП (б) А. П. Холопова в июне 1943 г. оставила такой отзыв: «Молодежь Страны Советов, воспитанная на примерах борьбы, мужества и стойкости Николая Гавриловича, сейчас с оружием в руках отстаивает свою родину и отстоит от проклятых захватчиков»¹⁴. Н. М. Чернышевская считала книгу отзывов ценнейшим памятником Великой Отечественной войны: «...Все эти отзывы говорят о том, как нам близок сейчас Чернышевский, какими крепкими нитями связана наша общественность и наша Красная Армия с его домом»¹⁵.

Коллективом велась активная массово-просветительская работа и за стенами дома-музея, организовывались передвижные выставки. «В 1943—1944 гг. в распоряжении музея были 3 выставки на тему: “Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского как великого патриота своей родины”. В феврале 1943 года... в библиотеке Дома Красной Армии экспонировались музейные выставки: “Героическое прошлое русского народа”, “Гражданская война”, “Великая Отечественная война советского народа с германским фашизмом”, на 13 щитах объединившие 200 экспонатов. Их посетили более 3000 человек»¹⁶. За один 1944 г. было проведено около 150 выставок-передвижек.

В 1941—1945 гг. большой размах приняла лекционная работа коллектива музея, превзошедшая в масштабах довоенный период. «Всего за военные годы сотрудниками Дома-музея было прочитано 1958 лекций на заводах и фабриках, в школах и ремесленных училищах, в лектории Ленинградского государственного университета, находившегося в Саратове, в эвакуации»¹⁷. Особое внимание уделялось саратовским госпиталям. В них за один 1943 г. количество слушателей достигло 25 тыс. человек¹⁸. Специально для раненых рядового состава коллектив музея разработал лекции на темы: «Н. Г. Чернышевский — великий патриот нашей Родины», «Роман “Что делать?”», «Н. Г. Чернышевский и война»¹⁹. Сама Нина Михайловна в военное время читала лекции и проводила беседы в 11 саратовских госпиталях. По воспоминаниям дочери, Веры Самсоновны, она приходила «не с пустыми руками: кроме иллюстраций и фотографий, она приносила раненым зеленый лук, помидоры и другие овощи, выращенные ею на своем небольшом огороде, писала за раненых письма к их родным, по-матерински утешала... вселяя в них бодрость и веру в жизнь»²⁰. Раненые бойцы с нетерпением ждали внучку Чернышевского, бывали случаи, когда лекции о Н. Г. Чернышевском изъясляли желание слушать бойцы сразу же после хирургической операции. Профессор А. П. Скафтымов отмечал «простоту и изящество» бесед Нины Михайловны, отсутствие в них «искусственной приспособленности к слушателям»²¹. За годы войны Н. М. Чернышевская провела 155 лекций, 1251 беседу, 40 чтений художественной литературы. «По несколько раз, — вспоминала она, — приходили слушать одни и те же “истории”. Молодых бойцов, уже прошедших испытание на верность Родине, необычайно волновали хронологические события жизни Чернышевского, сила его духа»²².

С самого начала войны с Ниной Михайловной работали приехавшие из Москвы сотрудники так и не созданного Московского музея Н. Г. Чернышевского: Шульгин Виктор Николаевич и бывший личный секретарь Н. Г. Чернышевского — Константин Михайлович Федоров. Он привез с собой много фотографий семей Чернышевских и Пыпиных и самого Николая Гавриловича в разные периоды жизни. За время работы Константин Михайлович создал много карт («Путешествие Чернышевского в Сибирь и оттуда», «Чернышевский в “Современнике”»), делал и историче-

ские карты²³. Заместителем директора стал В. Н. Шульгин, затем его сменил приехавший из Ленинграда знакомый семьи Чернышевских — профессор Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов. В штат сотрудников музея входили Полина Александровна Супоницкая, Валентина Григорьевна Березина, Екатерина Павловна Дьякова. «Вместо ушедшего на фронт завхоза Макарова Гавриила Федоровича, в музее появился эвакуированный железнодорожник Гришин Захар Абрамович с женой Анастасией Ивановой и внучкой Галей. Все они получили должность в музее: Гришин З. А. — сторож (исполняющий функции завхоза), Анастасия Ивановна — уборщица, Галя — швейцар»²⁴. Дворником работал Василий Федорович Быстров, бухгалтером — Василий Павлович Боженко, занимавшийся параллельно фотографией. В музей пришли художник Евгений Федорович Тимофеев, выполнявший функции бойца пожарного звена при музее, и научная сотрудница Белла Израилевна Лазерсон. «Художник Тимофеев был общественником музея Чернышевского: делал выставки, дежурил на крыше музея во время вражеских налетов. За этим делом его и сфотографировал В. П. Боженко: Тимофеев сидит на крыше музея с щипцами от зажигательных бомб в руках»²⁵. С 1944 г. хранителем фондов и библиотекарем была Марианна Михайловна Чернышевская (вместо Валентины Григорьевны Березиной), а машинисткой — Валерия Владиславовна Чепинога (жена знаменитого летчика-истребителя, Героя Советского Союза Павла Иосифовича Чепиноги). В том же году В. Е. Евгеньева-Максимова сменил на посту заместителя директора профессор Саратовского государственного университета Александр Павлович Скафтымов. Работал в музее и известный фотограф Александр Владимирович Леонтьев, организовавший здесь вместе с братом Виктором фотолабораторию²⁶.

В годы войны крепло содружество сотрудников музея с известными учеными — профессором Н. Ф. Познанским, И. В. Страховым, Г. А. Гуковским, Е. И. Покусаевым. Активно работали в музее профессора В. Е. Евгеньев-Максимов и А. П. Скафтымов. Сама же Нина Михайловна, несмотря на свою огромную занятость и нагрузку, не прекращала научной деятельности. В 1944 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского».

На заседании Ученого совета Ленинградского университета, в годы войны эвакуированного в Саратов, ей была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. «Присутствовавший на защите виднейший советский литературовед профессор В. Е. Евгеньев-Максимов писал: «Эта защита превратилась в подлинный триумф диссертанта. Оба официальных оппонента, представляющие два университета — Ленинградский и Саратовский, — Г. А. Гуковский и А. П. Скафтымов и несколько неофициальных оппонентов отмечали выдающееся достоинство нового труда»²⁷. А. П. Скафтымов высоко оценил эту работу, как «имеющую большую научную ценность. Кроме тщательного использования печатных материалов, автор обогатил “Летопись” многими новыми данными, почерпнутыми из неопубликованных архивных документов»²⁸.

Во время войны активно велась и научно-экспозиционная деятельность. В 1944 г. в музее была развернута экспозиция по теме «Н. Г. Чернышевский и война»²⁹. В этом же году под руководством В. Е. Евгеньева-Максимова и А. П. Скафтымова были разработаны планы новой расширенной экспозиции. Предполагалось существенно дополнить историко-литературную экспозицию 1939 г.³⁰ Прежде всего, ставилась задача расширить экспозиционную часть, связанную с астраханским периодом деятельности Н. Г. Чернышевского, который ранее практически не был освещен³¹. Раздел «О. С. Чернышевская как жена и друг Н. Г. Чернышевского» предполагалось разместить во флигеле музея, где она жила. Тема «Н. Г. Чернышевский в Саратове» должна была продолжить и обобщить начатую еще в 1943 г. работу по выявлению и увековечению памятных мест³². Всё это было наметено для перспективной разработки на длительный срок³³.

В условиях тяжелого военного времени, явившегося испытанием для всего нашего народа, маленький провинциальный музей продолжал жить, работать и делать свое великое дело. Благодаря самоотверженному труду сотрудников музея были спасены от гибели около 30 тыс. архивных листов, личные вещи Н. Г. Чернышевского, книги с его автографами, подлинные фотографии³⁴.

Своей деятельностью в трудные для Родины годы работники саратовского музея, возглавляемого Н. М. Чернышевской, подтвердили мысль Н. Г. Чернышевского, что русский человек

«не может быть ничем иным, как патриотом... все остальные интересы его деятельности подчиняются... великой идее служения на пользу своего отечества»³⁵.

Примечания

- ¹ *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1906. Т. 2. С. 120.
- ² День нашего города // Коммунист. 1943. 20 июня.
- ³ Дневниковые записи Н. М. Чернышевской о работе Дома-музея в годы войны // Музей Н. Г. Чернышевского (далее — МНГЧ). ОФ. № 7347/3498. С. 3.
- ⁴ Черновик письма Н. М. Чернышевской к А. М. Панкратовой от 1946 г. // МНГЧ. ОФ. № 7347/3627.
- ⁵ Дневниковые записи Н. М. Чернышевской... С. 1.
- ⁶ *Смирнова В. В.* Шла Великая Отечественная... // Пропагандист великого наследия. Саратов, 1984. Вып. 1. С. 37.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 38.
- ⁹ Дневниковые записи Н. М. Чернышевской... С. 1.
- ¹⁰ *Головатый Ф. П.* Отзыв о посещении Дома-музея Н. Г. Чернышевского 28 июня 1944 г. // МНГЧ. ОФ. № 887.
- ¹¹ См.: *Чернышевская Н. М.* В доме великого патриота // Коммунист. 1943. 10 авг.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Смирнова В. В.* Указ. соч. С. 38.
- ¹⁷ Там же. С. 39.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Чернышевская В. С.* Воспоминания о матери — Нине Михайловне Чернышевской : (к 85-летию со дня рождения) // МНГЧ. ОФ. № 7347/4749. С. 4—5.
- ²¹ *Смирнова В. В.* Указ. соч. С. 39.
- ²² *Чернышевская Н. М.* Семья Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1980. С. 149—150.
- ²³ Дневниковые записи Н. М. Чернышевской... С. 4.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 5.
- ²⁶ Там же. С. 4—5.

- ²⁷ См.: *Чернышевская Н. М.* Семья Н. Г. Чернышевского. С. 147.
- ²⁸ См.: Там же.
- ²⁹ *Смирнова В. В.* Указ. соч. С. 42—43.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 36.
- ³⁵ *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 138.

ББК 63.3(2)6-283.2

Р. Т. Москвина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — СОВЕТСКИЙ ФЕНОМЕН XX ВЕКА

На протяжении XX века в России дважды коренным образом были преобразованы базисные общественные отношения, а именно: собственность, власть, социальный строй и идеология. Целью всех этих преобразований провозглашалось решение социальных вопросов (нищеты, голода, безработицы, бесправия и др.). Государственный социализм, избранный в начале XX века для решения этой задачи, был заменен государственным капитализмом в конце XX века. И в том и в другом случае происходило «насильственное, комплексное замещение одной культурной системы другой, проводимое политической элитой в историческом плане одномоментно»¹. Можно ли это рассматривать как культурную катастрофу? В отличие от культурного кризиса, который характеризуется потрясениями и напряжением исключительно

© Москвина Р. Т., 2018

Москвина Раиса Тимофеевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург). raisa.moskvina@ya.ru

ментального поля, культурная катастрофа сопровождается резким взломом экономического и социального поля. Культурный кризис — естественный этап развития общества, изменения созревают в рамках той же культурной системы. Происходит постепенное замещение элементов одной системы, элементами другой, вызревшей внутри нее. Коммунизм (военный), позднее государственный социализм не мог вырваться в рамках феодально-буржуазного строя России начала XX века, так же как ростки капитализма на почве государственного социализма. Но возникает вопрос, почему оказалось возможным такое комплексное, насильственное, одномоментное замещение культурной системы, было ли это катастрофой, и если да, то для кого? Был ли 1917 год катастрофой для крестьян? Революция 1917 года была по сути крестьянской. «Декрет о земле», принятый 26 октября 1917 года на Втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, отменивший частную собственность на землю, является ключом к истории России XX века. Декрет базировался на 242 крестьянских наказах. «Крестьянский наказ о земле», составленный редакцией эсеровской газеты «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», гласил: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней»². Дорыночное, дотоварное, докапиталистическое российское крестьянство и антирыночная, антикапиталистическая доктрина большевиков сомкнулись в 1917 году. Российское крестьянство осталось на докапиталистической стадии развития потому, что реформа, отменившая крепостное право, с экономической точки зрения освободила фактически крестьянскую общину, а не личность отдельного крестьянина. Попытка П. А. Столыпина разрушить крестьянскую общину не удалась по причине нищеты и малоземелья крестьян. Крестьянство, составлявшее 80 % населения России в 1917 году, решило исход Гражданской войны. В положении рабочего класса изменения про-

изошли, прежде всего, на ментальном уровне. Ему внушили, что он источник всякой законной власти и хозяин страны. Формально рабочий класс входил во властные структуры всех уровней, но при этом реальная власть, то есть право решать, оказалась у небольшой группы людей, а в итоге у одного человека. По классовому признаку власть была рабоче-крестьянской. И только для интеллигенции, которая сыграла особую роль в событиях 1917 года, это явилось культурной катастрофой. И в начале, и в конце XX века интеллигенция выступала одновременно и актором и жертвой данных катастроф. Понятие интеллигенции рассматривается в данном случае в интерпретации В. С. Меметова в широком и узком смысле. В широком смысле интеллигенция понимается, с одной стороны, как носитель культурного кода общества, то есть как «лица любых социальных слоев и профессий, живущие интеллектуальными интересами и составляющие культурную среду общества»³; с другой стороны, как «социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным и художественным творчеством и получающим доход от этой деятельности»⁴.

В узком смысле интеллигенция рассматривается, если можно так выразиться, как нравственный «корсет» общества, «духовный пастырь» и как своеобразный суррогат структур гражданского общества, «выразитель интересов народа» перед властью⁵. С этой точки зрения «феномен интеллигенции имеет четкую цивилизационно-хронологическую российскую “привязку” и должен исследоваться в рамках особой российской культуры, особого российского политического режима, особой цивилизационной традиции»⁶. В этом смысле интеллигенция как морально-этическая группа, объединенная социальной позицией ментального происхождения, является специфически российским явлением, которое коренится в особенностях политического развития России. На протяжении всего исторического развития власть в России имеет авторитарную природу и персоналистский характер, несмотря на субъективные желания народа или политиков. Персоналистскому характеру власти соответствовал и персоналистский характер его отрицания. В европейских странах, одновременно с утверждением идеи прав и свобод граждан соответственно институционально оформляются и структуры,

амортизирующие отношения индивида и власти (политические партии, профсоюзы, органы местного самоуправления и др.). В России же идеи прав и свобод укоренились в узком слое образованных людей, за неимением социальной базы в лице буржуазии, так как в ходе российских модернизаций заимствовались военно-технические достижения, которые не сопровождались соответствующими переменами в экономической и социальной сферах. Место российского буржуа заняло государство (которое ставило заводы казенные и военные), а также иностранный капиталист. Узкий слой образованных людей сосредоточил в себе оппозицию власти, своеобразную метаморфозу гражданского общества.

Культурные катастрофы начала и конца XX века затронули российскую интеллигенцию во всех вышеперечисленных ипостасях. Результатом катастрофы начала XX века явилось тотальное огосударствление интеллигенции, в конце же XX века начался обратный процесс, ставший не меньшей катастрофой для интеллигенции, чем в начале века.

Тема тотального огосударствления советской интеллигенции имеет обширнейшую историографию⁷ и, казалось бы, не требует пояснений. Тем не менее следует выделить ряд моментов, имеющих значение для ее интерпретации. В частности, нуждаются в уточнении хронологические рамки данного процесса, а также его содержательная сторона с учетом специфики того политического режима, который утвердился в СССР на рубеже 20—30-х годов XX века. Процесс огосударствления интеллигенции, начавшийся в 1917 году, завершился на рубеже 20—30-х годов массовыми и произвольными репрессиями в отношении дореволюционной интеллигенции. Что же касается содержательной стороны огосударствления, то впервые в истории власть заявила претензию на то, чтобы контролировать содержание индивидуального и массового сознания на предмет его идентичности официальной идеологии. Власть также претендовала на такую степень поведенческого контроля населения, которая исключала даже пассивную лояльность («кто не с нами, тот против нас»). От подвластных уже требовалась постоянная демонстрация преданности и поддержки правящего режима и его идеологии. Средством достижения поставленных целей в отношении интеллигенции явилась кампания травли «старых» специалистов,

«спецеество» и фабрикация судебных процессов против интеллигенции по «контрреволюционным, вредительским организациям», которые по замыслу власти должны были охватывать все отрасли народного хозяйства: металлургию, угольную и машиностроительную промышленность, энергетику и строительство, сельское хозяйство. Показательные процессы «Шахтинского дела», «Процесса Промпартии», «Академического дела» — это всего лишь верхушка айсберга, основанием которого были сотни дел, сфабрикованных по указанию Политбюро ЦК ВКП (б) по обвинению интеллигенции в контрреволюционной, вредительской, диверсионной деятельности во всех регионах СССР. По «Шахтинскому делу» весной 1928 года осудили большую группу горных инженеров Шахтинского района Донбасса. В 1929—1931 годах Полномочным Представительством Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе было сфабриковано «Академическое дело» («Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России») по обвинению в контрреволюционной, шпионской деятельности большой группы известных ученых, академиков С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачева, М. К. Любавского, пяти членов-корреспондентов АН СССР и более 100 человек по линии Академии наук СССР. В ноябре — декабре 1930 года в Москве проходил процесс по делу «Промпартии», мифической подпольной контрреволюционной организации «буржуазной технической интеллигенции», которую представят уже в качестве разветвленной организации всероссийского масштаба. В 1930—1931 годах ОГПУ подготовило закрытый процесс по делу вымышленной «Трудовой крестьянской партии», была арестована большая группа специалистов-аграрников, в их числе известные экономисты Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов. Судебные процессы в регионах являлись калькой с этих показательных процессов и в большинстве случаев напрямую увязывались с ними. Так, с 1930 по 1934 год было сфабриковано 31 дело по Свердловской области, 50 дел в Москве, Московской области и Ивановской промышленной области, в Новосибирской области — 11 дел только в 1931 году⁸. Обвинение во всех случаях является фальсификацией от начала и до конца, а его формула стандартна во всех процессах. В частности, в Обвинительном заключении Экономического Управления ПП ОГПУ по Уралу

по делу «Контрреволюционной вредительской и диверсионной организации инженеров на предприятиях черной металлургии Урала» 1931 года (якобы связанной с «Промпартией») говорится: «Организация ставила своей целью: свержение советской власти и реставрацию капиталистического строя путем интервенции со стороны иностранных держав при содействии к.р. организации»⁹. По этому делу был осужден 31 человек, ведущие инженеры Треста «Уралмет» во главе с техническим руководителем Правления треста «Уралмет», членом Президиума Уралоблсовнархоза Крапивиным Валерианом Петровичем, а также инженеры ряда уральских металлургических заводов: Златоустовского, Кушвинского, Салдинского и др. Дела штамповались по единой технологии. По каждому делу привлекалось, как правило, 15—30 человек. Обвинительное заключение было стандартным и отражало собственные страхи и опасения власти. Интервенция и реставрация — две угрозы, подстерегающие любую революцию. Страх перед такими угрозами и кодировала власть в этих обвинениях. Сравните обвинительное заключение Военной коллегии Верховного суда СССР от 2—13 марта 1938 года по делу «Правотроцкистского блока» (Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Г. Ягода, Н. Н. Крестинский, А. П. Розенгольц, Г. Ф. Гринько, В. Ф. Шарангович, Ф. Ходжаев, А. Икрамов и др.): «Право-троцкистский блок поставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпионско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и оборонной мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в поражении и расчленении СССР»¹⁰. Собственно говоря, процессы против интеллигенции в конце 20 — начале 30-х годов XX века были генеральной репетицией процессов 1936—1938 годов.

На рубеже 20—30-х годов, как правило, ОГПУ еще отпускало часть обвиняемых на свободу с тем, чтобы продолжить с ними оперативно-розыскную деятельность, используя их в качестве осведомителей или своеобразной «наживки» для фабрикации очередного дела, по которому привлекались те, кто так или иначе соприкасался с этой «наживкой».

Судя по материалам следственного производства, все обвиняемые, за редким исключением, признавали свою вину в сфабрикованных против них обвинениях. Уже в 1928 году «царицей» доказательств являлось собственное признание обвиняемого, для получения которого применялись меры морального и физического воздействия (угроза ареста родственников, лишение сна и т. д.).

В силу авторитарной природы власти, механизм государственного насилия в России отработан веками. Так, после подавления восстания в Польше в 1860 году, А. И. Герцен писал: «В Петербурге террор, самый опасный и бессмысленный из всех, террор оторопелой трусости, — террор, в котором угорелому правительству, не знающему откуда опасность, не знающему ни своей силы, ни своей слабости и потому готовому драться зря, помогает общество, литература, народ...»¹¹

В травле интеллигенции на рубеже 20—30-х годов XX века также участвовали общество, литература, пресса, с той разницей, что масштабы были несопоставимы с царскими временами. Кампания «спецедействия» на производстве, массовая истерия в печати и других средствах массовой информации, организация собраний инженерно-технических работников с обязательным осуждением репрессированных коллег были призваны психологически сломить обвиняемых и «воспитать» тех, кто еще оставался на свободе.

Существует проблема бессознательно доверчивого отношения населения к печатному слову, к пропаганде. Общество было не готово к такому уровню демагогии и лжи, который представляла советская пропаганда. Так, выдающийся металлург В. Е. Грум-Гржимайло, справедливо отрицая обвинения во вредительстве привлеченных по Шахтинскому делу инженеров, допускает, тем не менее, возможность связей нескольких мошенников с бывшими владельцами промышленных предприятий с целью вымогательства у них денег на вредительство. Следует заметить, что эти трафаретные обвинения предъявлялись на всех процессах против интеллигенции во всех регионах с 1928 по 1934 год, что доказывает их полную абсурдность. Предвидя неизбежность паралича административной системы, В. Е. Грум-Гржимайло писал: «Что должен делать я, для которо-

го ясно куда мы идем? Я честный человек. Писать, говорить, печатать? Свободного слова нет, свободной печати нет... Сейчас в России независимых людей нет. Все интеллигенты сделались людьми “20 числа”, голодом принуждены быть послушными рабами. Поэтому все молчат...»¹² Владимир Ефимович Грум-Гржимайло писал эти строки в 1928 году, в том же году он скончался от тяжелой болезни и даже представить себе не мог, что интеллигенции придется прервать свое молчание, отказаться от пассивной лояльности и говорить и делать то, что прикажет власть, демонстрируя полную преданность ей и поддержку.

Катастрофа дореволюционной интеллигенции состояла именно в том, что она менее всего была способна удовлетворить претензии власти как с точки зрения идентификации индивидуального сознания и официальной идеологии, так и постоянной демонстрации преданности и поддержки правящего режима. Роль репрессий против интеллигенции в переходе политического режима в новое, тоталитарное качество не получила адекватной оценки потому, что эти события заслонила трагедия раскрестьянивания российской деревни, жертвами которой оказалось 100 млн крестьян и членов их семей, из них около 6 млн было репрессировано¹³.

Репрессивная политика в отношении интеллигенции отличалась кажущейся бессмысленностью, в то время как репрессии в отношении крестьян были обусловлены экономическими и политическими причинами. Мелкотоварное производство не могло обеспечить сырьем легкую промышленность, прокормить армию и городское население. Но, самое главное, мелкотоварное производство порождало капитализм, по словам В. И. Ленина, «ежедневно, ежечасно, повсеместно и в массовом масштабе». Кулак, мироед, эксплуататор вырастал из середняка, а это было прямой угрозой советской власти. Кроме того, раскулачивание создавало материальную базу колхозов и способствовало успеху коллективизации.

Зачем в ходе индустриализации уничтожать и без того немногочисленный слой образованных людей? Заметим, что, к примеру, российская инженерно-техническая интеллигенция к 1917 году представляла сравнительно небольшой социальный слой, насчитывающий «около 20 тыс. инженеров и технологов, 2/3 из них происходило из обеспеченных слоев»¹⁴. Репрессии

против интеллигенции формировали идентичность индивидуального сознания и официальной идеологии подвластных.

Суть огосударствления в образной форме была изложена в одной из троцкистских листовок 1928 года, где Советское государство сравнивалось с Левиафаном, «оно захватило под свою жестокую опеку все области общественной жизни, культурные учреждения, хозяйственная область — всё находится под пятой государства. Государство держит в своих руках не только силу, но и желудок, но и разум своих подданных»¹⁵. Национализация основных средств производства оставила подвластным только государственный кусок хлеба, на обладание которым и была направлена вся их сила. Разум подданных в руках государства требует некоторых комментариев. Краткое пояснение содержит немецкая поговорка «чей хлеб ешь, того песню поешь». Проблема заключалась в том, что государственной интеллигенции предстояло петь единственную социалистическую песню, создавая ее утопичность.

Утопичность попытки решения социальных проблем путем государственного социализма предвидел еще А. И. Герцен, положивший свою жизнь и состояние на освобождение крестьян от крепостной зависимости, потому что в этом заключалось решение социального вопроса для России в XIX веке. Анализируя декрет французского социалиста Гракха Бабефа, он писал: «Жаловаться трудно, чтобы в этом проекте не доставало правительства: обо всем попечение, за всем надзор, надо всем опека, всё устроено, всё приведено в порядок.

И для чего, вы думаете, всё это? Для чего кормят “курами и рыбой, обмывают, одевают и утешают” этих крепостных благосостояния, этих приписанных к равенству арестантов? Не просто для них: декрет именно говорит, что всё это будет делаться скучным образом. Одна Республика должна быть богата, великолепна и всемогуща»¹⁶. Далее он указывает на ахиллесову пяту социализма — отсутствие стимулов к труду. Из чего работник будет работать? Для себя — получит скучным образом. Для общего блага. А кто мне его поручал? Не могла этого не видеть и российская интеллигенция. В 1928 году В. Е. Грум-Гржимайло писал, что «не видит нужды в насильственном переходе к социализму», что учение Маркса о диктатуре мозолистых рук, созданное во время отсутствия технической науки, устарело. Заметим, что в

образе и судьбе В. Е. Грум-Гржимайло отразились типологические черты русского интеллигента на рубеже XIX—XX веков.

Контроль идентичности индивидуального сознания и официальной идеологии качественно отличал советский политический режим от царского. При этом нельзя было не «петь социалистическую песню», так как степень поведенческого контроля, в свою очередь, исключала «пассивную лояльность», то есть невозможно было отсидеться в стороне, требовалась постоянная демонстрация преданности и поддержки правящего режима и господствующей идеологии.

В ситуации жесткого контроля информационных потоков и лживой пропаганды наиболее уязвимым слоем населения была именно интеллигенция, необходимым условием существования которой является интеллектуальная, творческая, информационная свобода. Таким образом, та часть дореволюционной интеллигенции, которая не эмигрировала, не умерла от голода, эпидемий и не была убита в годы Гражданской войны, должна была исчезнуть или переродиться в своей основной массе в результате репрессий и кампании «спецедействия» на рубеже 20—30-х годов.

Новая, советская государственная интеллигенция являлась носителем уже нового социалистического культурного кода. Природа развития культуры в советское время определялась, по мнению В. Л. Соскина, «двумя ведущими тенденциями — демократической и антидемократической (авторитарной, тоталитарной)»¹⁷. Политика власти в области культуры имела двухуровневый характер: на уровне ликвидации безграмотности, школьного образования — самая широкая поддержка со стороны государства (индустриальному обществу нужны грамотные работники). На уровне интеллектуальной, творческой, информационной свободы действовал самый жесткий контроль и диктат, прямые репрессии в отношении инакомыслящих. Интеллигенция была лишена возможности (до начала «оттепели») защищать интересы народа перед властью, так как действовал механизм индивидуального приобщения к власти, что исключало всякую возможность сопротивления. Роль «духовного пастыря», после того как советская власть практически уничтожила церковь и духовенство, сохранилась за интеллигенцией в рамках нового социалистического культурного кода.

В полной мере советская интеллигенция смогла реализовать себя в качестве интеллектуалов, то есть социального слоя, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным и художественным творчеством и получающих доход от этой деятельности. При этом следует оговориться, что и на этом поприще контроль ментальности (системы ценностных ориентаций, побуждающих к действию), осуществляемый государством, ограничивал творческую, информационную интеллектуальную свободу, что, в конечном счете, обернулось торможением научно-технического прогресса, падением производительности труда, необходимостью перестройки и в результате сменой культурного кода в конце XX века. Социалистическая система ценностей, которая базировалась на государственной собственности на средства производства, директивном планировании и монополии одной партии на власть и предполагала бескорыстный, самоотверженный труд на общее благо, следование моральному кодексу строителей коммунизма, атмосферу товарищества, сменилась на капиталистическую систему ценностей по принципу инверсии. Задача интеллигенции перед лицом этих перемен — не упустить цель преобразований, а именно человека, т. е. решение социальных проблем, социальную справедливость.

Примечания

- ¹ *Комлева Н. А.* Россия как политическая гомоморфоза // Дискурс ПИ. 2005. № 5. С. 30.
- ² Крестьянский наказ о земле // Хрестоматия по истории России, 1917—1940 / под ред. *М. Е. Главацко*. М., 1994. С. 76.
- ³ *Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 8.
- ⁶ *Сибиряков И. В.* Современные теоретико-методологические проблемы изучения феномена интеллигенции // Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности / отв. ред. *В. С. Меметов, В. Л. Черноперов*. Иваново, 2014. С. 41.
- ⁷ *Меметов В. С.* К первым итогам становления «интеллигентоведения» как самостоятельной отрасли научного знания // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. Иваново, 1996.

- С. 11—13 ; *Соскин В. Л.* О новых концептуальных подходах к изучению истории советской интеллигенции // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии. Иваново, 1993. С. 18—20 ; *Красильников С. А.* Интеллектуальный труд в постреволюционном обществе: основные тенденции и формы реализации // Интеллигенция России и Запада в XX—XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004. С. 36—38 ; и др.
- ⁸ *Москвина Р. Т.* Фонд «многотиражных печатных изданий ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ» как исторический источник // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика. Иваново, 2014. С. 212.
- ⁹ Архив Управления ФСБ по Свердловской области. Фонд многотиражных печатных изданий ВЧК — НКВД. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 1.
- ¹⁰ Судебный отчет по делу антисоветского «Право-троцкистского блока». М., 1938. С. 378.
- ¹¹ *Герцен А. И.* Избранные публицистические произведения 1853—1869 годов // Собр. соч. : в 8 т. М., 1975. Т. 8. С. 143.
- ¹² Владимир Грум-Гржимайло : Хочу быть полезным Родине / под ред. *М. Е. Главацко*. Екатеринбург, 1996. С. 269.
- ¹³ О ходе исполнения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» : доклад Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий. М., 2000. С. 3.
- ¹⁴ *Гараевская И. А.* Миссия инженерно-технической интеллигенции России в начале XX века // Российская интеллигенция : XX век : тез. докл. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 34.
- ¹⁵ IX Уральская областная конференция ВКП (б) : стенограф. отчет. Свердловск, 1929. С. 24.
- ¹⁶ *Герцен А. И.* Былое и думы // Собр. соч. : в 8 т. М., 1975. Т. 7. С. 225.
- ¹⁷ *Соскин В. Л.* История культуры и история интеллигенции — две стороны единого научного комплекса // Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения : тез. докл. науч. конф. Екатеринбург, 2003. С. 46.

ББК 63.3(2)6-283.2

И. Н. Федотова

К ИСТОРИИ МОНАСТЫРСКИХ ТЮРЕМ В РОССИИ: СУЗДАЛЬСКАЯ СПАСО-ЕВФИМИЕВА ОБИТЕЛЬ КАК МЕСТО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА)

К числу главных достопримечательностей города Суздаля, жемчужины «Золотого кольца» России, относятся несколько великолепных монастырских ансамблей. Крупнейший из них — мужской Спасо-Евфимиев монастырь, включенный в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Он был основан более шестисот лет назад преподобным Евфимием, учеником и сподвижником Сергия Радонежского. Историческое прошлое этой обители отличается таким богатством, что ей посвящаются специальные научные семинары, конференции, выпускаются сборники статей. Однако, несмотря на пристальное внимание со стороны исследователей, история монастыря до сих пор хранит в себе немало загадок. В частности, один из наиболее интригующих сюжетов связан с тем, что в течение длительного времени (с конца XVIII и вплоть до начала XX в.) на территории монастыря существовало арестантское отделение, получившее известность под названием «религиозной Бастилии».

Актуальность обозначенной темы определяется тем, что Суздальская «религиозная Бастилия» наряду со знаменитыми

© Федотова И. Н., 2018

Федотова Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, полковник внутренней службы, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. inf2306@yandex.ru

Соловками относилась к числу наиболее крупных монастырских тюрем Российской империи, поэтому материалы, касающиеся ее функционирования, позволяют вполне наглядно судить о том, какое место занимали монастыри в дореволюционной тюремной системе нашей страны.

Источниковую базу работы составляет широкий круг опубликованных материалов монастырского архива, имеющихся в фонде отдела краеведческой библиографии Владимирской областной универсальной научной библиотеки. Эти публикации были подготовлены при активном участии Владимирской губернской ученой архивной комиссии и вышли в свет в начале XX в.¹ На их страницах представлены документы, отражающие количество и социальный состав заключенных, условия их содержания, режимные требования и другую важную информацию о функционировании монастырской тюрьмы.

Анализируя научно-историческую литературу, можно выделить три этапа изучения избранной темы: дореволюционный, советский и постсоветский. В рамках первого этапа были опубликованы краеведческие исследования Н. А. Маклакова и Л. Сахарова, в основу которых положены материалы из фондов архива Спасо-Евфимиева монастыря². Наибольший интерес среди работ дореволюционного периода представляет фундаментальный труд А. С. Пругавина³, где систематизирован обширный фактический материал о существовавших в России монастырских тюрьмах и Суздальская тюрьма характеризуется в сравнении с местами принудительного содержания, действовавшими при других монашеских обителях.

Ведущим советским исследователем истории русских тюрем является М. Н. Гернет. Его перу принадлежит пятитомное сочинение «История царской тюрьмы», в котором представлена как общая характеристика монастырских тюрем, так и описание тюрьмы Спасо-Евфимиева монастыря⁴. Главное достоинство монографии М. Н. Гернета состоит в том, что автор ввел в научный оборот большое количество неопубликованных источников, изученных им в архивных фондах, в частности документы Святейшего синода и Министерства внутренних дел. Из числа краеведческих исследований советского времени была использована опубликованная в 1970-е гг. статья Н. М. Кургановой⁵.

В постсоветский период среди историков-краеведов наблюдается рост интереса к материалам, касающимся деятельности арестантского отделения Спасо-Евфимиева монастыря. Работы, посвященные данной тематике, были подготовлены сотрудниками Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Среди этих публикаций — одно сочинение обобщающего характера⁶ и несколько статей⁷. Обращает на себя внимание тот факт, что в статьях монастырское заключение освещается главным образом в контексте борьбы светских и духовных властей с религиозным инакомыслием.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы дать развернутую характеристику Спасо-Евфимиева монастыря как места лишения свободы и на его примере попытаться определить роль монастырских тюрем в проведении карательной политики государства.

Указ о создании тюрьмы в Спасо-Евфимиевом монастыре был подписан императрицей Екатериной II в 1766 г. Выбор, сделанный в пользу этого монастырского комплекса, объяснялся особенностями его архитектуры. Монастырь представлял собой хорошо укрепленное сооружение, окруженное высокой крепостной стеной с двенадцатью сторожевыми башнями. Как отмечается в исследовании М. Н. Гернета, Спасо-Евфимиев монастырь имел выраженное сходство с Шлиссельбургской крепостью⁸.

Тюрьма учреждалась в качестве места заключения для «безумствующих колодников», т. е. преступников, страдающих психическими расстройствами⁹. Однако на практике данное ограничение не соблюдалось, так что наряду с душевнобольными арестантами сюда направляли и здоровых. В тюрьме за всё время ее существования содержалось около 380 человек, из них 63 были помещены в монастырь в период до 1800 г., а остальные — в XIX — начале XX в.¹⁰

Контингент узников монастыря делился на несколько категорий в зависимости от того, по какому поводу применялось лишение свободы. Наиболее многочисленную группу заключенных (примерно одну треть) составляли лица духовного звания, наказанные за аморальное поведение и нарушения по службе. Такого рода проступками могли быть пьянство, драки, блуд, невыходы

на службу без уважительной причины, совершение богослужений в нетрезвом виде, неповиновение начальству, растрата церковного имущества. Среди духовных лиц, отбывавших наказание, преобладали монахи, приходские священники и дьяконы. Вместе с тем в монастырском архиве сохранились сведения и о высокопоставленных заключенных из среды духовенства — архимандритах, епископах, архиепископах и даже одним митрополите¹¹.

Вторая по численности категория — духовные и светские лица, признанные виновными в преступлениях против православной веры и Церкви. В эту группу входили главным образом старообрядцы и сектанты. В арестантском отделении в разное время содержались несколько старообрядческих епископов, отбывавших очень длительные сроки заключения — по двадцать лет и более. В тюрьму попадали также духовные лица православной Церкви, которые решили примкнуть к старообрядчеству либо, по крайней мере, отказывались признавать над собой власть Святейшего синода¹².

Относительно сектантов следует сказать, что узниками монастыря являлись представители почти всех сектантских объединений, существовавших в России в рассматриваемый период: скопцы, духоборы, молокане-прыгуны, хлысты, субботники, еноховцы, трезвенники, подгорновцы и др. Интересно отметить, что среди сектантов были не только рядовые последователи этих религиозных движений, но и их лидеры, в том числе предводитель скопцов Кондратий Селиванов, молокан-прыгунов — Максим Рудомёткин, подгорновцев — Василий Подгорный, трезвенников — Иван Чуриков, а также основатель секты «Десное братство» Николай Ильин¹³.

Особую категорию заключенных составляли узники по политическим делам. Основными политическими мотивами ссылки в монастырь являлись самозванство и «хульные слова на высочайшую особу». Встречались среди арестантов и авторы челобитных царю, в которых изобличались бесчинства судов и злоупотребления чиновников, содержались предложения осуществить те или иные государственные преобразования, в частности отмену крепостного права. К этой же категории относились православные священники, которые в своих проповедях критиковали политику правительства¹⁴.

Коротко остановимся на личностях наиболее известных политических заключенных Суздальской тюрьмы. Одним из них был монах-прорицатель Авель, «вина» которого состояла в том, что он предсказал судьбу Екатерине II, ее сыну Павлу, его детям Александру и Николаю, а также целый ряд других важных событий, включая Отечественную войну с Францией и взятие Москвы Наполеоном. Напуганная весьма нелицеприятными прогнозами императрица распорядилась отправить Авеля в Шлиссельбургскую крепость, откуда начались его многолетние скитания по тюрьмам. Через некоторое время он был переведен из Шлиссельбурга в Петропавловскую крепость, затем на Соловки и наконец в 1826 г. в Спасо-Евфимиев монастырь, где умер в глубокой старости спустя пятнадцать лет¹⁵.

В 1829 г. в тюрьме появился государственный преступник князь Федор Петрович Шаховской, осужденный по делу о восстании декабристов. В соответствии с обвинительным приговором он был лишен дворянства, чинов и сослан на пожизненное поселение в Туруханск, однако суровые климатические условия Сибири подорвали его здоровье, и по просьбе супруги Ф. П. Шаховского перевели в арестантское отделение Спасо-Евфимиева монастыря. Здесь вместо политического ссыльного он оказался на положении заключенного, полностью изолированного от внешнего мира. В знак протеста против таких условий содержания Ф. П. Шаховской объявил голодовку и через три недели скончался¹⁶.

К трем вышеперечисленным категориям относилась основная масса заключенных. Помимо этого, в некоторых случаях в тюрьму попадали уголовные преступники. Они, как правило, принадлежали к привилегированному дворянскому сословию, и помещение в монастырскую тюрьму было для них способом избежать судебного разбирательства. Иногда монастырское заключение применялось также к взрослым детям по просьбе их родителей за пьянство, разврат, расточительство и другие пороки¹⁷.

В большинстве случаев помещение узников в арестантское отделение осуществлялось не по приговору суда, а в обход судебной власти. Основанием для тюремного заключения могло послужить повеление императора, постановление Святейшего синода, а также решение владимирского губернатора или Владимирской духовной консистории¹⁸. Обращает на себя внимание

тот факт, что лица, признанные вольнодумцами, нередко попадали в тюрьму по постановлению Синода, а вероотступники, напротив, по «высочайшему повелению», т. е. по воле государя. Таким образом, духовная и светская власть поддерживали друг друга в борьбе с теми, кто представлял для них опасность. Сопроводительные документы на заключенных часто содержат указание, что тот или иной арестант страдает душевным расстройством и направлен в тюрьму «для поправления в уме». В действительности же многие из этих людей были совершенно здоровы, а ярлык сумасшедших требовался для того, чтобы списать на этот счет политическое или религиозное инакомыслие.

При назначении наказания срок лишения свободы не устанавливался. Эта неопределенность фактически означала, что пребывание в монастырских застенках может оказаться пожизненным. Так, в монастырском архиве сохранились сведения о 102 узниках, содержащихся в тюрьме за период с 1772 по 1835 г. В общей сложности им довелось провести в заключении 932 года, причем 39 человек (почти 40 %) умерли в тюрьме.

Согласно Инструкции, изданной в 1766 г. одновременно с Указом об учреждении тюрьмы, заключенных надлежало не выпускать «вплоть до исправления»¹⁹. Освобождение арестантов производилось по решению специальной комиссии из числа должностных лиц Синода. Комиссия же, в свою очередь, руководствовалась мнением архимандрита — настоятеля обители, который по должности являлся начальником монастырской тюрьмы. Рассчитывать на освобождение могли в основном духовные лица, отбывавшие наказание за служебные нарушения и безнравственное поведение. Их выпускали на свободу, если архимандрит давал им положительную характеристику. Что же касается заключенных, которым инкриминировались преступления против Церкви и государства, то в большинстве случаев они оставались в тюрьме до конца своих дней. Это вполне закономерно, поскольку власти были заинтересованы в том, чтобы навсегда изолировать таких людей от общества²⁰.

Порядок и условия отбывания наказания в монастыре регламентировала Инструкция 1766 г. Охрана колодников была вверена караулу под командованием унтер-офицера. Предписывалось содержать арестантов без применения оков. Запрещалось

давать им орудия, которыми они могли причинить вред себе и другим. В число запрещенных предметов входили также письменные принадлежности. В качестве мер дисциплинарного воздействия должны были использоваться одиночное заключение и лишение пищи.

Смирных разрешалось выводить в церковь на богослужение, но под надзором караульных. Питание заключенным полагалось выделять такое же, как и жившим в обители монахам. В целом солдатам надлежало обращаться с заключенными «сколь возможно без употребления строгости», учитывая, что это были психически больные люди²¹.

Однако на практике всё выглядело иначе. В частности, ревизор, посетивший монастырь в 1773 г., обнаружил, что в тюрьме широко применялись телесные наказания, наказания голодом, арестантов сажали на стенную цепь, надевали кандалы и наручники. Заключенные содержались в тесноте. Совершенно недостаточной была сумма в 9 руб. на питание и одежду арестанта в течение всего года, поскольку только на хлеб приходилось затрачивать больше 7 руб.²²

В конце XVIII — начале XIX в. тюрьма располагалась в больничном корпусе монастыря. Узников в количестве 25—30 человек размещали в двух палатах, причем душевнобольные находились вместе со здоровыми. В 1826 г. был выстроен специальный арестантский корпус. С этого времени в тюрьме вводится одиночное заключение.

В зависимости от источников получения средств к существованию арестанты делились на два класса. В первый входили те, кто находился на собственном обеспечении, а во второй — содержавшиеся за казенный счет. Заключенных, относившихся к первому классу, насчитывалось немного. Как правило, это были дворяне. Они жили на доходы от своих земельных владений или на деньги, присылаемые родственниками. Уровень материальной обеспеченности этих заключенных позволял им покупать любые продукты питания, одежду и обувь, другие вещи и даже содержать при себе прислугу. К тому же за деньги удавалось добиться существенных послаблений режима. Арестанты первого класса могли свободно перемещаться по территории монастыря и иметь неограниченное количество свиданий.

Заклученные второго класса, напротив, находились в бедственном положении. Средства из казны на их содержание поступали с перебоями, так что денег не хватало даже на питание, не говоря уже о других предметах первой необходимости. Любое неповиновение подавлялось путем физического насилия. Непокорных избивали, морили голодом, надевали на них колодки или за шею приковывали цепью к стене. Помимо хронического недоедания и жестоких наказаний, силы заключенных подрывало и соседство психически нормальных с душевнобольными, среди которых были буйнопомешанные. В итоге нередко случалось так, что здоровые люди спустя несколько лет пребывания в тюрьме сходили с ума. Регулярного врачебного наблюдения за арестантами не было. Государство не видело нужды в том, чтобы тратить на это деньги, поскольку в больном состоянии вероотступники и вольнодумцы были для него менее опасны, чем в здоровом²³.

На монашескую братию возлагалась задача способствовать нравственному исправлению арестантов. Оказывать воспитательное воздействие монахи пытались в первую очередь богослужебными средствами. В воскресные и праздничные дни всех заключенных обязывали присутствовать на божественной литургии в тюремной церкви. Естественно, это требование готовы были выполнять далеко не все. Старообрядцы и сектанты категорически отказывались от посещения церкви и даже в том случае, если их приводили туда силой, в общей молитве не участвовали.

В середине XIX в., т. е. спустя восемьдесят лет после основания тюрьмы, для арестантов была устроена библиотека. Однако Святейший синод, давая соответствующее разрешение, выдвинул условие, чтобы в библиотеке были представлены только книги Священного Писания и издания самого Синода. Такой подход к комплектованию библиотеки вполне закономерно обернулся полным отсутствием интереса к ней со стороны заключенных. В отчетах архимандрита монастыря отмечается, что арестанты, как правило, ничего не читают, а если и берут в руки священные книги, то толкуют их «превратно и по своему мудрованию», т. е., проще говоря, вразрез с церковными канонами.

Еще одним способом перевоспитания служили «душеспасительные беседы». За каждым узником закреплялся духовник из числа монахов, который должен был увещевать своего подопечного,

избавляя его от опасных заблуждений. На практике же зачастую оказывалось, что наставники едва умели читать и писать, не говоря уже о владении богословским знанием. Так, исследователь истории русских тюрем А. С. Пругавин в работе, изданной в начале XX в., указывает: «Образовательный уровень монашеской братии стоит на самой низкой степени развития. Например, в Спасо-Евфимиевском монастыре... нет ни одного не только окончившего духовную академию, но даже ни одного окончившего семинарию... многие монахи — почти совсем неграмотные»²⁴. Между тем среди старообрядцев и сектантов, содержащихся в тюрьме, было немало высокообразованных людей, которые прекрасно разбирались в вопросах христианского вероучения. Поэтому навязчивые увещания со стороны монахов в лучшем случае не вызвали никакой реакции, а в худшем — доводили арестантов до бешенства, после чего приходилось прибегать уже к совсем иным средствам воздействия, таким как кандалы и шейные цепи²⁵. В итоге «душеспасительные беседы» оказывались не просто бесполезными, но и мучительными для арестантов, поскольку представляли собой назойливое вторжение в их духовный мир.

Тюрьма в Спасо-Евфимиевом монастыре просуществовала до 1905 г. Закрытие арестантского отделения следует рассматривать как уступку, которую самодержавная власть была вынуждена сделать обществу в обстановке начавшейся революции²⁶.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что тюрьма Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря представляла собой специфическое место лишения свободы. Здесь содержали главным образом тех, кому инкриминировались преступления против Церкви и государства, и лиц духовного звания, наказанных за нарушения по службе. Полномочия, закрепленные за императором и Святейшим синодом, позволяли им применять ссылку в монастырь, во-первых, в обход суда и, во-вторых, без установления конкретного срока заключения. Такая политика вполне соответствовала стремлению властей искоренить религиозное и политическое инакомыслие.

Режим содержания в тюрьме определялся уровнем материального достатка узников, а возможность выхода на свободу зависела от мнения настоятеля монастыря, что фактически означало

произвол тюремной администрации по отношению к арестантам. Большинство заключенных находились в тяжелых материально-бытовых условиях, которые усугублялись применением жестоких наказаний, а также насилием над человеческой совестью под видом «душепопечения».

Пример Суздальской «религиозной Бастилии» наглядно свидетельствует о том, что монастырское заключение в дореволюционной России не имело гуманистического пенитенциарного содержания и было рассчитано на достижение лишь карательно-охранительных целей.

В настоящее время Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, т. е. относится к числу памятников общемирового значения. Весь ансамбль монастыря входит в состав Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. В здании бывшего тюремного корпуса расположена экспозиция, материалы которой рассказывают о функционировании монастырской тюрьмы²⁷. Приглашаем читателей нашего журнала посетить Суздаль и побывать в Спасо-Евфимиевом монастыре, где всем желающим предоставлена уникальная возможность перелистать малоизвестные страницы истории российских тюрем.

Примечания

¹ Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря : (по данным монастырского архива). Владимир, 1912 ; Суздаль и его достопамятности / Владимир. губерн. ученая архив. комиссия. М., 1912.

² *Маклаков Н. А.* Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1900. Кн. 2. С. 21—37 ; *Сахаров Л.* Историческое описание Суздальского первоклассного Спасо-Евфимиева монастыря. М., 1905.

³ *Пругавин А. С.* В казематах : очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб., 1909.

⁴ *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы : в 5 т. М., 1951—1961.

⁵ *Курганова Н. М.* Из истории тюрьмы Спасо-Евфимиевского монастыря (1766—1829 гг.) // Суздалью — 950 лет. Ярославль, 1977. С. 71—78.

⁶ Узники Суздальской Бастилии / авт.-сост. *С. П. Гордеев.* Владимир, 2012.

⁷ *Большакова Н. В.* Спасо-Евфимиев монастырь как место ссылки лиц духовного звания // Рождественский сборник. Ковров, 2000. Вып. 7.

- С. 56—61 ; *Волкова М. Н.* Сектанты тюрьмы Спасо-Евфимиева монастыря (1829—1905 гг.) // Материалы исследований Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее — ГВСИАХМЗ). Владимир, 2004. Сб. 10. С. 23—30 ; *Агеева Е. А.* Старообрядцы в Спасо-Евфимиевом монастыре // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России : материалы науч.-практ. конф. Владимир, 2003. С. 130—137 ; *Прибылов Ю. А.* Лидеры русского сектантства — узники арестантского отделения Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря в XIX — начале XX века // На пороге тысячелетия : Суздаль в истории и культуре России : сб. ст. Владимир, 2015. С. 60—67 ; *Он же.* Последователи русских сект — узники арестантского отделения Спасо-Евфимиева монастыря в XIX — начале XX века // Материалы исследований ГВСИАХМЗ : сб. ст. Владимир, 2016. Вып. 21. С. 28—34.
- ⁸ *Гернет М. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 232.
- ⁹ Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. С. 25.
- ¹⁰ Суздаль и его достопамятности. С. 36.
- ¹¹ *Большакова Н. В.* Указ. соч. С. 58—59 ; *Курганова Н. М.* Указ. соч. С. 76 ; *Гернет М. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 237 ; Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. С. 29—30 ; Суздаль и его достопамятности. С. 36.
- ¹² *Агеева Е. А.* Указ. соч. ; Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. С. 31—32.
- ¹³ *Волкова М. Н.* Указ. соч. ; *Прибылов Ю. А.* Лидеры русского сектантства... ; *Он же.* Последователи русских сект...
- ¹⁴ *Курганова Н. М.* Указ. соч. С. 72—74.
- ¹⁵ *Гернет М. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 153—154 ; *Курганова Н. М.* Указ. соч. С. 72—74 ; Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. С. 32.
- ¹⁶ Узники Суздальской Бастилии. С. 25—27.
- ¹⁷ *Гернет М. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 235 ; Т. 2. С. 483 ; Суздаль и его достопамятности. С. 36.
- ¹⁸ *Пругавин А. С.* Указ. соч. С. 202.
- ¹⁹ *Курганова Н. М.* Указ. соч. С. 76.
- ²⁰ *Гернет М. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 455, 475—476, 480—483.
- ²¹ *Большакова Н. В.* Указ. соч. С. 57.
- ²² *Курганова Н. М.* Указ. соч. С. 74.
- ²³ *Гернет М. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 233, 237 ; Т. 2. С. 467—471 ; Т. 3. С. 332—333, 335 ; *Аксенова А. И.* Вехи истории Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России. С. 9—10 ; *Курганова Н. М.* Указ. соч. С. 74—77 ; Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. С. 27 ; *Маклаков Н. А.* Указ. соч. С. 25 ; *Пругавин А. С.* Указ. соч. С. 174—177, 204.

²⁴ Пругавин А. С. Указ. соч. С. 159.

²⁵ Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 476—477; Т. 3. С. 335; Пругавин А. С. Указ. соч. С. 160.

²⁶ Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 337, 347.

²⁷ ГВСИАХМЗ: офиц. сайт. URL: <http://www.vladmuseum.ru> (дата обращения: 12.03.2018).

ББК 63.3(2)53-72

А. А. Соловьев

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ИДЕИ ТРЕТЬЕГО РИМА В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

Монах Филофей, старец псковского Спасо-Елеазарова монастыря, предполагаемый автор религиозно-мессианской концепции *Москва — Третий Рим*, в XVI в. в *Послании великому князю Василию* писал: «...ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится... два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать»¹. Как убедительно показывает Б. А. Успенский, концепции *Москва — Третий Рим* на рубеже XV—XVI вв. предшествовали, по крайней мере, две важные темы в эсхатологическом переживании эпохи, выраженном в мистическом соответствии 1492 г. по библейскому летоисчислению 7000 г. от сотворения мира, провиденциально долженствующему закончиться Страшным судом. Во-первых, речь идет о восприятии *Москвы как Нового*

© Соловьев А. А., 2018

Соловьев Андрей Авенирович — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета. anh7@rambler.ru

Иерусалима, отраженном в первоначальной версии «Изложения пасхалии» в 1492 г. главой Русской православной церкви (далее — РПЦ) митрополитом Зосимой Брадатым. Во-вторых, провозглашение *Москвы как Нового Константинополя*, и соответственно как *Нового Рима*, представленное в переработанном варианте «Изложения пасхалии» 1495 г., который восходит к окружению игумена Троице-Сергиева монастыря Симона Чижя, ставшего в том же году митрополитом всея Руси².

Развитие историософской концепции *Москвы* в преломлении антитезы *Иерусалим — Константинополь/Рим* в исторической точке бифуркации XVI в. предопределяло различную перспективу антиномии *священства и царства*, соотношения сакрального и мирского начала. Возобладавшая, в сущности своей, теократическая симфония *царства и Церкви*, выразителями которой в данный исторический период, в частности, были Иосиф Волоцкий, митрополиты Даниил и Макарий, книжник Ермолай-Еразм и др., в значительной степени трансформирует миссию РПЦ, переосмысляя ее в религиозно-политическом контексте *Святой Руси*. Этому способствует и затяжной процесс становления не только *de facto*, но и *de jure* автокефалии РПЦ, начавшийся со времен неприятия Флорентийской унии 1439 г. и завершившийся учреждением Московского патриархата в 1589 г. Смещение доминирующего вектора развития РПЦ в духовном измерении от *Иерусалима к Риму*, от первоначального, собственно теологического смысла восприятия *Москвы как Третьего Рима* к идейно-политическому обоснованию имперского притязания, замыкает русское православие в национальных границах, институализирует РПЦ как, прежде всего, национальную Церковь. Попытки пересмотра основной линии духовных истоков Руси, перемещения сакрального центра русской ментальности из *Рима/Константинополя в Иерусалим*, актуализировавшиеся при патриархе Никоне в XVII в., символически представленные основанием Воскресенского Новоиерусалимского монастыря в 1656 г., практических следствий не имели.

Справедливости ради следует заметить, что сама идея *Москвы как Третьего Рима* вплоть до второй половины XIX в. была сколь-нибудь значимой разве что в среде старообрядцев. Напротив, начиная с конца 70-х гг. XIX в. коннотации идеи Филофея,

впрочем, ничего общего с первоначальным смыслом доктрины псковского старца не имеющие, стали приобретать всё большую популярность. Новое прочтение *Третьего Рима* становится характерным признаком интеллектуальной жизни религиозных философов, близких к кругам славянофилов и панславистов. Новая семантика смысла идеи нашла выражение в работах Вл. С. Соловьёва и представителей идеалистической философии конца XIX — начала XX в. Тем самым, именно в светском обществе была осуществлена своеобразная мифологизация доктрины *Третьего Рима* как *русской идеи*, имеющей религиозно-политический и мессианский характер. Множественность и различие интерпретаций средневекового сочинения псковского монаха в среде интеллигенции — от прочтения В. С. Иконниковым в его докторской диссертации «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» (Киев, 1869) *Третьего Рима* как рождения новой московской имперской идеологии до концепции христианского универсализма в работах Вл. С. Соловьёва — не находили отклика в собственно церковном мире, в отличие, например, от дня сегодняшнего. Трансформация идеи *Третьего Рима* в каком бы то ни было формате основывалась, в первую очередь, на симфонии *священства и царства* — симфонии, которая в начале XX в. была уже во многом утрачена и, как свидетельствует основополагающий тренд церковно-государственных отношений в современной России, обретена на иных основаниях лишь в начале XXI в.

В начале же XX в. Православная Греко-Российская Церковь, как официально именовалась РПЦ до Поместного собора 1917—1918 гг., в интеллектуальном поле русской культуры олицетворяла эсхатологическую атмосферу уходящей эпохи, исполненной апокалипсическими предчувствиями *fin de siecle*.

Инкорпорированность РПЦ в государственные структуры на протяжении длительного периода русской истории моделировала церковное общество в имманентном мире человеческой культуры и тем самым размывала понятие границ Церкви, приводила к неправомерному отождествлению Священного Предания как такового с человеческими преданиями, стремящимися его монополизировать в рамках определенной идеологии. Доминирующей тенденцией в области церковного строительства

продолжала оставаться конфессионализация общественной жизни. Методы реформирования церковного института были напрямую взаимосвязаны с методами реформирования государства, так как империя была конфессионально ориентирована, а РПЦ считалась господствующей. Заметим, что внеконфессионального состояния на начало XX в. не предусматривалось. *Эра Победоносцева* выражала собой принцип сохранения церковно-государственных отношений в рамках византийской идеи симфонии властей, однако интеллектуальный климат эпохи и происходившие общественно-политические изменения объективно отражали необходимость реформирования института РПЦ.

Активизация общественно-политической мысли в годы Первой русской революции 1905—1907 гг. естественным образом затронула и *церковный вопрос*, который в определенной степени был не менее, а возможно и более острым, нежели доминирующие в отечественной историографии аграрно-крестьянский и рабочий. В ходе заочной полемики относительно церковных преобразований между основными ее участниками в лице С. Ю. Витте, К. П. Победоносцева, а также группы профессоров Петербургской духовной академии под руководством митрополита Антония (Вадковского) были выявлены довольно-таки различные векторы дальнейшего церковного пути.

Записка С. Ю. Витте «О современном положении православной Церкви» и «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви», составленные под руководством первенствующего члена Св. Синода митрополита Антония, интенционально дополняли друг друга. Констатируя несоответствие религиозных стеснений инакомыслящих духу Церкви, вялость внутренней церковной жизни, проявлявшейся в отчуждении прихода и образованных слоев общества от священнослужителей, а также слабость пастырской деятельности, ограничивающейся в большинстве случаев лишь совершением богослужений и требоисполнениями, авторы усматривали причину общего упадка РПЦ в исчезновении соборного начала. Соборность как сущностная черта *единства во множественности* была подменена в церковном управлении коллегиальностью, которая имманентна системе внутренней бюрократической организации.

Именно поэтому деятельность Св. синода носила «внешний, бюрократически-полицейский характер»³.

Среди первоочередных задач реформирования церковно-государственных отношений выделялись: устранение или ослабление контроля государства над Церковью, предоставление РПЦ внутреннего самоуправления, признание прихода юридическим лицом с правом собственности, выборность причта и др.

Вопросы, поставленные в записках, могли быть компетентно разрешены в «Особом совещании» (митрополит Антоний) или при созыве Поместного собора (С. Ю. Витте), который должен был стать «не замкнутой архиерейской коллегией, а собранием всех лучших сил Церкви — как клира, так и мирян»⁴.

Предложения, подготовленные в Комитете министров и Петербургской духовной академии в феврале 1905 г., диссонировали с «Соображениями статс-секретаря Победоносцева по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви» (записка датирована 12 марта 1905 г.). Обер-прокурор Св. Синода, в свою очередь, обращал внимание на отрицательные последствия разрыва или даже ослабления связи между государством и церковным институтом для общественной жизни в России. Затрагивая российскую историю конца XVII — начала XVIII в., К. П. Победоносцев выдвигал тезис об опасности патриаршего правления для государства, тем более что главной заботой последнего являлось «попечение о просвещении и воспитании народа в духе веры и нравственности»⁵. Государство, по мнению обер-прокурора, продолжало создавать благоприятные условия для постепенного развития приходской жизни, о чем свидетельствовали учреждения различных церковных попечительств и расширение сети церковно-приходских школ. Самостоятельность же церковной жизни как на местном, приходском уровне, так и в общероссийском масштабе была невозможна по причине материальной зависимости РПЦ от государства. По своему мировоззрению К. П. Победоносцев был традиционалистом, в определенной мере идеалом взаимоотношений Церкви и государства в его воззрениях выступала церковная реформа Петра I и сложившаяся с XVIII в. синодальная система. Характерно в этой связи замечание, высказанное в письме Победоносцеву 15 февраля 1882 г. (написанном совершенно по другому

поводу — о патриотической речи М. Д. Скобелева в Париже перед студентами-сербам) писателем и публицистом, издателем газеты «Русь» И. С. Аксаковым: «...а если бы ты, любезный мой друг Константин Петрович, жил — ну, хоть бы в IV веке, как изныла бы твоя душа, чутко слыша всяческую неправду в душе Константина! Если бы в те времена спросили тебя — созывать ли вселенские соборы, которые мы признаем теперь святыми, ты представил бы столько основательных критических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, и не состоялись...»⁶ Обер-прокурору была свойственна сакрализация самодержавной власти, которая в его понимании являлась церковным служением. В основе данной концепции лежала сформулированная и реализованная в Восточной Римской империи идея *симфонии властей*, которая, как нами было замечено ранее, к началу XX в. приобретает в России характерные черты национального мифа, воссоздающего *Третий Рим* в формате *Святой Руси*.

Однако в контексте исследуемого периода можно вести речь лишь о мифологизации симфонии *священства и царства*, о чем свидетельствуют в том числе достаточно противоречивые оценки личности и деятельности самого К. П. Победоносцева со стороны церковного общества. Так, митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях писал, что «Победоносцев не доверял русской иерархии (и вообще мало кому доверял), не уважал ее и признавал лишь внешнюю государственную силу»⁷. Разногласия между обер-прокурором и церковной иерархией касались, прежде всего, непререкаемой сущности самодержавного принципа правления, которому в церковном аспекте, по мнению Победоносцева, более всего соответствовала синодальная форма взаимоотношений государства и Церкви. Справедливости ради отметим, что именно Победоносцевым была возрождена традиция проведения окружных архиерейских соборов, собиравшихся, в частности, в 1884 г. в Киеве и Санкт-Петербурге, а в 1885 г. в Казани и Иркутске. Однако на них было категорически запрещено касаться вопросов высшего церковного управления. «Как бы ни была громадна власть государственная, — писал Победоносцев, — она утверждается не на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной...»⁸. По своей сути политика обер-прокурора была

направлена на сохранение стабильности и противодействие участию церковного института в реальной общественно-политической жизни. Как замечает о. Г. Флоровский, Победоносцев «верил в охранительную прочность патриархальных устоев, но не верил в созидательную силу Христовой истины и правды. Он опасался всякого действия, всякого движения, — охранительное бездействие казалось ему надежнее даже подвига»⁹. Последнее замечание о. Флоровского в целом справедливо в отношении разночтения позиции обер-прокурора с традицией оптинского старчества, т. к. исихастская духовная практика на рубеже XIX—XX вв. была своеобразной реакцией оптинских прихожан и паломников на кризис синодальной системы, который поразил основу церковного организма — приход. Заметим, положительная оценка синодального периода была типичной в среде светской интеллигенции, однако акценты в интерпретации его смыслов, в отличие от К. П. Победоносцева, были несколько иными. Например, последний обер-прокурор Св. Синода, первый министр вероисповеданий Временного правительства А. В. Карташёв уже в Париже, будучи в эмиграции, характеризуя синодальную эпоху как «высшее, исторически-восходящее выявление духовных сил и достижений русской церкви», констатируя «просветительно богословский подъем» в этот период, отмечает в позитивном духе и глубоко изменившуюся и исказившуюся «нормальную для Востока “симфонию” между церковью и государством»¹⁰.

Возвращаясь к фабуле проблемно-хронологического поля нашего исследования, отметим, что в результате дискуссии и предварительной работы в «Особом совещании Комитета министров и председателей департаментов Государственного совета» под руководством С. Ю. Витте были подготовлены положения, которые и были выражены в Именном Высочайшем Указе «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Согласно ему, всем подданным разрешалось исповедовать любое вероучение, а все религии уравнивались в правах, соответственно, РПЦ оставалась единственной в империи конфессией, неразрывно связанной с государством.

Вследствие несовпадения позиций участников диалога относительно институционального оформления РПЦ решение проблемы, по ходатайству Победоносцева, было передано *Высочайшим*

повелением от 13 марта 1905 г. в ведение Св. Синода. В Синоде же результатом обсуждения вопроса о преобразовании церковного управления явился «Всеподаннейший доклад», в котором утверждалось, что основной канонической формой правления является Собор епископов во главе с митрополитом или патриархом. Относительно существующего в России синодального управления члены Св. Синода признали, что оно носит государственно-бюрократический характер и что состав Синода во многом случаен и никак не обусловлен интересами РПЦ. Предлагалось ввести в него, наряду с постоянными членами, временных — из иерархов, а также возглавить Св. Синод патриарху со всеми каноническими полномочиями епархиального архиерея Патриаршей области (Московская епархия и ставропигиальные монастыри). Декларировалась необходимость созвать в Москве Поместный собор всех епархиальных архиереев РПЦ, предварительно организационно подготовив его. На приведенном докладе Николай II 31 марта 1905 г. написал резолюцию о невозможности созыва Поместного собора «в переживаемое тревожное время», ибо для этого требуется, в первую очередь, «спокойствие и обдуманность», но обещал дать «этому великому делу движение, когда наступит благоприятное для сего время»¹¹.

Таким образом, церковный вопрос так и оставался в маргинальном положении, что, на наш взгляд, стало фактором хотя в конечном итоге и расположенной к власти, но в целом отстраненно-аполитичной позиции Св. Синода в контексте революционных событий 1905—1907 гг. Заметим, что в переживаемое Россией обостренно политизированное время проблемы РПЦ воспринимались несколько отчужденно и в немалой части светской интеллигенции. Так, близкие по духу, эмоционально окрашенные сентенции относительно минимизации роли и места церковного института прослеживаются в неоконченной статье одного из крупнейших мыслителей эпохи, первого выборного ректора Московского университета князя С. Н. Трубецкого «О современном положении русской церкви», в которой, в частности, отмечалось: «...безверие и равнодушие в просвещенных слоях общества; приниженное состояние духовенства; его бессилие и деморализация; официальное лицемерие вместо живой нравственной силы... и полицейское насилие, вместо духовного убеждения...

За пределами храма церковь прекращается... в общественной жизни она не занимает никакого места...»¹². Своеобразным контрфорсом, выражающим позицию ученого монашества, являются слова одного из самых знаковых иерархов РПЦ, архиепископа Антония (Храповицкого), произнесенные им на общем собрании Предсоборного Присутствия 12 мая 1906 г.: «Не либеральная часть общества может грозить отпадением от Церкви: она и так к ней не принадлежит... огромное большинство нашей светской либеральной интеллигенции с таким равнодушием и безучастием относится к вере и Церкви, что тот или иной состав Собора не может произвести на нее никакого впечатления... Не от либералов, не от газетчиков, не из академической или университетской среды должны мы опасаться разделения, а от той твердо преданной истинному православию части нашей паствы, которая уже более года с глухим ропотом негодования взирает на то, что делается у нас в церковной печати, на духовных съездах...»; далее архиепископ замечает, что «лучшим представителям интеллигенции решительно нет никакого дела до истины веры... верьте, в какую бы сторону мы или предстоящий Собор ни направляли свои решения, сколько бы мы ни старались либеральничать и угождать им, все равно ничего не дождемся, кроме ушатов с помоями на свою голову и всяческого издевательства над христианской верой»¹³.

Вместе с тем следует отметить достаточно позитивный опыт сотрудничества иерархии РПЦ, наиболее авторитетных представителей церковной интеллигенции, части светской интеллигенции и белого духовенства в работе Предсоборного Присутствия, собравшегося под юрисдикцией верховной власти императора и выработавшего в своих заседаниях, проходивших с марта по декабрь 1906 г., программные положения по всем вопросам к предстоящему Поместному собору. В целом данные материалы выражали консервативно-стабилизирующее направление в области церковных преобразований, что являлось компромиссом участников собраний. Воплощенные на практике церковные проекты позволили бы вести речь о церковной реформе в России начала XX в. без сослагательного наклонения. В конечном же итоге резолюцией царя от 25 апреля 1907 г. созыв Собора был опять-таки отложен на неопределенное время.

Происшедшие *атмосферные* перемены в РПЦ не привели к институциональным изменениям в ее отношениях с государством. Следующим этапом на пути созыва Собора стало учреждение Предсоборного совещания в 1912 г. Обсуждались вопросы о синодальном и епархиальном управлении, о периодических церковных Соборах, о порядке избрания патриарха, о церковном суде, об учреждении митрополичьих округов. Реальных последствий заседания Совещания не принесли, перспективы созыва Собора оставались весьма туманными. Празднование 300-летия дома Романовых в 1913 г., которое при определенных условиях могло быть использовано иерархией с целью изменения церковно-государственных отношений, каких-либо принципиальных сдвигов в данном вопросе также не имело. При всей значимости таковыми нельзя считать дарование духовным академиям наименования *Императорских*, прославление патриарха Гермогена, решение Св. Синода об открытии с 1914 г. в Московском Скорбященском монастыре женского богословского института. Двусмысленность и противоречивость положения РПЦ в системе государственного устройства оставалась неизмеримо более весомым фактором, предопределявшим ее развитие. Достаточно заметить, что из 34 обер-прокуроров Св. Синода, возглавлявших ведомство с 1722 по 1917 г. (с перерывом в 1726—1741 гг.), 10 приходится на время 1905—1917 гг.

Амбивалентная роль церковного института, выражавшаяся, в том числе, в социокультурной антитезе *окраины — центра* (несоответствие притязаниям духовного пастырского порядка), обусловила в целом позитивное восприятие со стороны РПЦ свержения монархии в результате Февральской революции 1917 г., о чем свидетельствует ряд правовых документов Св. Синода. Определением № 1207 от 6 марта «Об обнародовании в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.» Синод, в частности, приказывает отныне возглашать «многолетия Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству»¹⁴. Определениями Синода от 6 марта № 1215 «Об установлении новой формы определений и указов Святейшего Синода», от 7 марта № 1223 «Об исправлении богослужебных чинов ввиду происшедшей перемены в государственном управлении», от 7—8 марта № 1226 «Об изменениях в церковном богослужении в связи

с прекращением поминовения царствовавшего дома» приводились к единой форме делопроизводственные формуляры и богослужебные каноны посредством исключения любого упоминания бывшего *Помазанника Божьего* и всего царствующего дома¹⁵. Определением № 1280 «Об обращении к чадам Православной Церкви с посланием» от 9 марта 1917 г. Св. Синод благословил начинания новой власти: «Временное Правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением. Ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству, все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы»¹⁶. В тот же день Определением Синода № 1277 была объявлена новая форма присяги на «верность службы Российскому Государству для лиц христианских вероисповеданий»¹⁷. Таким образом, событиям февраля 1917 г. придавался божественный промысел.

Фигура нового обер-прокурора Св. Синода В. Н. Львова во многом свидетельствует о недооценке церковного вопроса в общем контексте преобразований Временного правительства, что подтверждается в целом негативными суждениями о его личности совершенно различных по взглядам современников. Митрополит Евлогий (Георгиевский), описывая события 1917 г., дает следующую характеристику Львову: «Он держался диктатором и переуволнил немало архиереев... вносил в деловую атмосферу наших заседаний (Предсоборного совета. — А. С.) раздраженный, истерический тон, предвзятую недоброжелательность по отношению к архиереям — он не помогал работе, а мешал»¹⁸. Еще более негативное отношение к личности обер-прокурора прослеживается в воспоминаниях П. Н. Милюкова: «...долговязый детина с чертами дегенерата, легко вспыхивавший в энтузиазме и гнев

и увеселявший собрание своими несуразными речами»¹⁹. Член Св. Синода, протопресвитер военного и морского духовенства о. Г. Шавельский был непосредственным свидетелем первых заседаний духовной коллегии с участием В. Н. Львова, его воспоминания достаточно красноречивы: «...он своим деспотизмом затмил всех своих предшественников. Некоторым оправданием его действий и выходок могло служить лишь несомненное отсутствие у него душевного равновесия... Нервный, непоследовательный, взбалмошный, сумбурный — обер-прокурор Львов был подлинной Божьей карой для Синода. Многие его действия поражали своей дикостью и оскорбляли Синод»²⁰.

Отсутствие глубины и необходимых профессиональных знаний, авторитарный и поверхностный стиль руководства, нетерпимость и имитирующий характер деятельности В. Н. Львова, что являлось абсолютно неприемлемым в специфике конфессиональной сферы, предопределили судьбу прежнего состава Синода. Указом Временного правительства от 14 апреля 1917 г. на имя Св. Синода, состав членов зимней сессии 1916—1917 гг. был освобожден от своих обязанностей и на летнюю сессию 1917 г. вызван новый состав, в котором из прежнего сохранил свое место лишь архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский). Отметим, что специальным Актом от 15 апреля 1917 г. члены прежнего состава Синода, выражая повиновение Временному правительству, тем не менее, декларировали необходимость формирования нового состава Св. Синода «способом каноническим, т[о] е[сть] архиереи должны быть избраны архиереями, а члены от белого духовенства — голосом последнего»²¹.

Таким образом, методы воздействия новой власти по отношению к РПЦ, в сущности, оставались прежними, и противоречия между декларативными либеральными интенциями Временного правительства, с одной стороны, и de facto господствующим положением РПЦ в системе государственно-церковных отношений, осложненных институциональной незавершенностью реформирования Церкви, с другой стороны, всё более усугублялись.

Тем временем внутри самого церковного института усиливались многочисленные противоречия, критическая масса которых после утраты, пусть и формальной, религиозно-мистической связи с верховной властью материализовалась в хаосе

центробежных тенденций. Так произошло восстановление явочным порядком на Мцхетском соборе грузинского духовенства 12 марта 1917 г. автокефалии Грузинской православной церкви и соответственно смещение с кафедры экзарха Грузии, архиепископа Карталинского и Кахетинского Платона (Рождественского), что, естественно, не было признано РПЦ, однако утверждено 27 марта 1917 г. Временным правительством. Официальное признание этой автокефалии Московским патриархатом и восстановление общения состоялось лишь в 1943 г.

Актуализация церковно-политических вопросов, остро дебатировавшихся еще в эпоху Первой русской революции, порождает образование различных союзов в среде, как правило, пресвитерианского духовенства. Так, 7 марта 1917 г. в Петрограде был создан «Всероссийский союз православного демократического духовенства и мирян», инициатива возникновения которого принадлежала части бывших членов группы 32 петербургских священников, стихийно зародившегося в 1905 г. движения, получившего тогда неофициальное название «Союза церковного обновления». Как и в 1905 г. их идеи отражали требования радикальных церковных реформ, воплощавшихся в демократизации церковной жизни, введении выборного начала в Церкви, переводе богослужения на русский язык, переходе на григорианский календарь и т. д. В 1905 г. отношение к данному кругу идей со стороны верховной власти и иерархии РПЦ было более чем негативным. Позиция епископата, например, красноречиво выражена архиепископом Антонием (Храповицким) в письме к обер-прокурору Св. Синода П. П. Извольскому от 10 марта 1907, где владыка по поводу «записки 32-х петербургских священников» заметил: «...я не хотел даже коснуться рукой печатного листка, как чего-то крайне нечистого... Это уже совсем грубость и дерзость по отношению к Синоду». Далее архиерей обозначал течение «обновленцев» как «вывеску кадетского направления духовенства», подчеркивая отрицательное влияние данного «союза» на православное духовенство в целом²². В 1917 г. контекст *церковного вопроса* во многом изменился, и избранный 19 апреля на общем собрании «Всероссийского союза православного демократического духовенства и мирян» новым председателем профессор, доктор богословия, протоиерей А. Рождественский вошел

незадолго до этого и в новый состав Св. Синода. Покровительствовал Союзу и обер-прокурор В. Н. Львов, в доме которого на Литейном проспекте в Петрограде часто проходили его заседания. Отметим, что так же как и в 1905 г. *обновленцы*, представители Союза выступали против восстановления патриаршества, предлагая широкую децентрализацию РПЦ. Подобная мысль в начале XX в. высказывалась и в среде церковной интеллигенции. В частности, Н. Н. Глубоковский в письме к В. В. Розанову замечает, что «патриаршая система исторически обусловлена, но во все не “богоучрежденная”». Достаточно вспомнить, по мнению богослова, историю патриаршества в России в сравнении с синодальным периодом — и станет очевидным следствие «умственного застоя и моральной спячки» при восстановлении первого в современных общественных условиях. «Иерархия пала во всех отношениях и никак не может служить образцом даже благочестия или добродетелей»²³ — данный тезис Н. Глубоковского подчеркивает противоречия, сложившиеся на рубеже XIX—XX вв. в системе РПЦ, разделяющие, с одной стороны, ее иерархию и, с другой стороны, белое духовенство и церковную интеллигенцию.

Осознание необходимости проведения канонических преобразований в РПЦ, восстановления соборного начала в ее управлении признавались в 1917 г. как церковной, так и светской властью. Как отмечал историк церкви И. К. Смолич, «Святейший Синод и духовенство убеждались в том, что из недели в неделю для Церкви возникали новые трудности, что революция слишком глубоко вторглась в церковную жизнь и что религиозное и нравственное состояние народа расшатывалось всё больше и больше... При общей ситуации того времени, когда у народа не оставалось авторитетов, новая реформа могла принести успех и пользу лишь в том случае, если бы она вводилась в жизнь Церкви органом подлинно авторитетным в глазах духовенства и мирян. Только Поместный Собор, которого уже давно ждали в этих кругах, мог выполнить такую задачу»²⁴.

29 апреля 1917 г. Св. Синод опубликовал за № 16-А пастырское послание «Возлюбленным о Христе братьям архипастырям и всем верным чадам Св. Церкви», в котором признавалось необходимым в самое ближайшее время созвать Поместный собор»²⁵. Одновременно создавался Предсоборный

совет — специально учрежденный церковный орган, в задачу которого входила подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению на Поместном соборе. Он состоял более чем из 60 членов — иерархии РПЦ, пресвитерианского духовенства, профессуры духовных академий, а также некоторых мирян. Благодаря детально разработанной концепции Поместного собора еще Предсоборным Присутствием 1906 г., Предсоборный совет в довольно-таки ограниченные сроки (до конца июля 1917 г.) выработал все необходимые проекты, которые должны были обсуждаться на Поместном соборе. Как вспоминал митрополит Евлогий, член Предсоборного совета, одним из самых остро дебатировавшихся был вопрос восстановления патриаршества: «Либеральные профессора стояли за синодальное, коллегиальное, начало и высказывались против патриаршества, усматривая в нем принцип единодержавия, не отвечающий якобы требованиям данного исторического момента. Этот взгляд одержал верх [в Предсоборном совете]....»²⁶

Во время заседаний Предсоборного совета произошел ряд серьезных преобразований, касающихся как внутривластных, так и внутрицерковных нововведений. Св. Синод принял Временные положения о православном приходе, выборности епархиальных архиереев, создании церковно-епархиальных советов. Вместе с тем, 1-е коалиционное Временное правительство 20 июня принимает Постановление об объединении всех учебных заведений, включая церковно-приходские школы, в ведение Министерства народного просвещения, а 14 июля — декрет «О свободе совести», провозглашавший отмену правовых ограничений по конфессиональному признаку, свободу перехода из одной конфессии в другую и выхода из любой конфессиональной общины, признание гражданской регистрации браков и т. д. В связи с образованием 24 июля 2-го коалиционного Временного правительства во главе с А. Ф. Керенским, пост обер-прокурора вынужден был оставить В. Н. Львов. 25 июля последним обер-прокурором Св. Синода был назначен А. В. Карташёв, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, где впоследствии он преподавал историю русской Церкви. А. В. Карташёв был активным участником Религиозно-философских собраний 1901—1903 гг., председателем Религиозно-философского общества в Петербурге (1909—1917 гг.), деятельным сотрудником издания «Новый путь»,

редактировавшегося Д. С. Мережковским, что, кстати, стоило ему в 1905 г. места в академии. Именно А. В. Карташёв преобразовал синодальную обер-прокуратуру в Министерство исповеданий, которое было создано 5 августа, и в должности министра приветствовал участников Поместного собора, членом которого, естественно, являлся и сам.

Поместный собор торжественно открылся 15 августа в Успенском соборе Московского Кремля под несмолкаемый в течение всего дня звон колоколов всех московских храмов, в день Успения Божией Матери, что имело символический смысл. 228 лет длилось его ожидание — последний Поместный собор собирався в 1689 г. Вера в возможность претворения церковных реформ и повышения роли Церкви была очень высока. Поместный собор 5 ноября Божественным провидением избрал Патриархом Московским и всея России 52-летнего митрополита Московского и Коломенского святителя Тихона (Беллавина), однако историческое время для обретения РПЦ подлинного соединения религиозно-философского и церковно-богословского значений понятия соборности было упущено. В советский период, несмотря на «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый СНК 20 января 1918 г., РПЦ попала под тотальный контроль государства. В настоящее время при юридической санации ограничений советского прошлого в конфессиональной сфере, его экзистенциальное преодоление продолжается поныне.

Поместный собор интронизацией патриарха 21 ноября 1917 г. знаменовал формальное завершение синодального периода в истории русской Церкви. Для исследователя это чрезвычайно интересный период духовного самосознания России, религиозно-философских концепций, обретения нравственного и эстетического идеала в многоуровневой матрице российского социума. Это время соотносено в русской церковной истории с эзотерическими прорывами в сферу трансцендентного опыта *умного делания* (русское старчество), удивительными образцами личной святости и непререкаемого авторитета — митрополит Филарет (Дроздов) и епископ Игнатий (Брянчанинов), глубокими историческими исследованиями митрополита Макария (Булгакова) и академика Е. Е. Голубинского, постановкой проблемы философии

всеединства и воплощения Вселенской Церкви (Вл. С. Соловьёв). Вместе с тем, едва ли не определяющей чертой синодального периода является тенденция разобщения, в том числе противопоставление самоидентификации интеллигенции и Церкви как социокультурных феноменов русской истории. Модели интерпретации религиозно-мессианской концепции *Москва — Третий Рим*, выраженные в интеллектуальном поле конца XIX — начала XX в., а ргіогі основывались на симфонии *священства и царства* и, в конечном итоге, олицетворялись в идее *Святой Руси*. Однако в исторической ретроспективе синодального периода к началу XX в. *симфония властей* во многом исчерпала себя, характеризовалась преимущественно формальным, внешним свидетельством. Разобщенность *священства и царства* стала реальностью. Поэтому мы склонны вести речь о мифологизации национальной идеи *Третьего Рима*, которая, заметим, в современном российском как светском, так и церковном истеблишменте приобретает определенный религиозно-политический подтекст. Конструирование новых и актуализация старых мифов слишком характерны для настоящей эпохи, поэтому демифологизация, в том числе истории церковно-государственных отношений, является насущной задачей. Симфония предполагает гармонию, которая, в свою очередь, возможна лишь при умении слушать, уважать и творчески восполнять друг друга.

Примечания

- ¹ Послания старца Филофея / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения: 17.07.2017).
- ² Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 92—99.
- ³ А. Р. Историческая переписка о судьбах православной церкви. М., 1912. С. 12.
- ⁴ Там же. С. 24.
- ⁵ Там же. С. 37.
- ⁶ К. П. Победоносцев и его корреспонденты : воспоминания. Мемуары : в 2 т. Мн., 2003. Т. 1. С. 284.

- ⁷ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни : воспоминания. М., 1994. С. 154.
- ⁸ К. П. Победоносцев : pro et contra : личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Петровича Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей / изд. подгот. С. Л. Фирсов. СПб., 1996. С. 80.
- ⁹ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 412—413.
- ¹⁰ *Карташёв А. В.* Очерки по истории русской церкви : в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 320, 319, 311.
- ¹¹ Церковные ведомости. 1905. № 14. С. 99.
- ¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 74. Л. 1, 3.
- ¹³ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. 2. С. 421, 426, 468—469.
- ¹⁴ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году : (материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М., 2006. С. 23.
- ¹⁵ Там же. С. 28—29.
- ¹⁶ Там же. С. 32.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 267, 269.
- ¹⁹ *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859—1917) : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 296.
- ²⁰ *Шавельский Г., протпресв.* Русская Церковь пред революцией. М., 2005. С. 145, 146.
- ²¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. С. 42.
- ²² Архиепископ Антоний (Храповицкий) — П. П. Извольскому // Российский государственный исторический архив. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 34. Л. 18 об., 19.
- ²³ Н. Глубоковский — В. Розанову. 26.III.1905 // Сосуд избранный : сб. док. по истории Русской Православной Церкви. СПб., 1994. С. 72.
- ²⁴ *Смолич И. К.* Русская Церковь во время революции : с марта по октябрь 1917 г. и Поместный Собор 1917 / 1918 гг. : (к истории взаимоотношений между государством и Церковью в России) // Смолич И. К. История Русской Церкви, 1700—1917 : в 2 ч. М., 1997. Ч. 2. С. 728.
- ²⁵ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. С. 45—46.
- ²⁶ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 268.

К. Г. Соколовский

**ПОДВИГ ВЕРЫ КАЗАХСТАНСКОГО
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА АЛЕКСАНДРА ДАГАЕВА:
«НОВАЯ ВЛАСТЬ» И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ
СВЯЩЕННИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Число жертв репрессий 1930-х годов оказалось столь велико, а ставшие их результатом духовная и гуманитарная катастрофы столь масштабны, что на этом фоне последовавший за Октябрьской революцией «красный террор» первых лет Гражданской войны в обыденном сознании представляется не таким значимым.

Между тем, он унес большое количество жертв, которыми в провинции стали, в первую очередь, представители священнической интеллигенции, практически сразу же записанные в разряд классовых врагов новой власти.

Ныне покойный профессор Православного Свято-Тихоновского университета Н. Е. Емельянов, создатель базы данных «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века», на основе выявленной зависимости числа арестов и расстрелов по религиозным мотивам предложил периодизацию¹, согласно которой первая волна гонений (всего им выделено четыре) пришлась на 1917—1919 годы. Несмотря на то что маховик репрессий в этот период только начал раскручиваться, первые священномученики своим подвигом веры уже продемонстрировали силу российского православия и крепость духа Церкви.

Проведенные на казахстанском материале исследования показывают главную особенность гонений этого периода и их

© Соколовский К. Г., 2018

Соколовский Константин Геннадьевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Гуманитарно-технической академии, член Конгресса религиоведов Казахстана. k_sokolovskiy@fastmail.com

отличие от последующих — отсутствие какой бы то ни было нормативно закреплённой уголовно-правовой базы, которая появится только в середине 1920-х годов. Отметим, что принятые в 1919 году Руководящие начала по уголовному праву РСФСР в современной трактовке выполняли, скорее, роль общей части Уголовного кодекса. Сам крайне несовершенный Уголовный кодекс РСФСР, как известно, вступил в силу только в 1922 году, а, например, Положения о революционных трибуналах подписывались в 1920 году трижды².

Поэтому «красный террор» против священнической интеллигенции может быть истолкован как развязанный акт агрессии новой власти³ против Церкви. Видный исследователь истории новомученичества Л. А. Головкова, рассуждая о причинах террора против священства, говорит о его «мистической непознаваемости», подчеркивая тем самым масштабы такового и невозможность логического объяснения явленной в те годы жестокости⁴.

Нельзя не согласиться с О. И. Хайловой, которая, рассуждая о первых годах становления Советской власти, показывает, что в период «красного террора» «рухнули почти все институты Российской империи: дворянство, офицерство, купечество, крестьянство — и только Церковь устояла», что названо ею «необъяснимым историческим явлением»⁵.

В основе этого, как представляется, лежит многочисленное мученичество (думаю, невозможно ошибиться, если утверждать, что такая массовость была явлена впервые со времен становления и утверждения христианства в Древнем Риме). Канонизация Освященным Архиерейским Собором в 2000 году около 1 500 мучеников и исповедников XX века не только прославила новых святых, но и через их духовный подвиг позволила под иным углом взглянуть на суть отношений между Русской Православной Церковью и советским государством.

Приведённая цифра характерна, поскольку известно, что, например, за период правления Николая II русской Церковью было канонизировано всего семь святых (патриарх, четыре епископа, один священномученик, один монах), в 1918 году Московский поместный собор для местного почитания прославил двух епископов⁶.

Согласимся с митрополитом Екатеринбургским и Верхотурским Кириллом (Наконечным), который отмечает, что «история Церкви (XX века. — К. С.) — это в первую очередь история святости»⁷.

Поиск данных и восполнение лагун в жизнеописании новомучеников является важной частью как церковной истории, истории страны, так и современного местного краеведения. В то же время особенность настоящей работы заключается в том, что со дня интересующих нас событий прошло в масштабах истории ничтожно малое количество времени, что обуславливает целый ряд сложностей, как-то: недостаток работ по теме, постоянное обновление информации, превалирование публицистических материалов над научными, привлекательность темы для СМИ и предпочтение ими непроверенной одиозной информации, отрывочность сведений и т. д.

Знакомство с архивными документами, а также работами восточно-казахстанских, томских и омских исследователей позволяет более полно узнать о судьбе одного из первых казахстанских священномучеников (по дате мученической кончины) — благочинном Усть-Каменогорских городских и уездных церквей протоиерее Александре Владимировиче Дагаеве — типичном представителе местной священнической интеллигенции.

Отметим, что в то время названное благочиние относилось к Томской и Енисейской епархии (с 1895 года — к выделившейся Омской епархии)⁸, а в уездном Усть-Каменогорске (нынешний центр Восточно-Казахстанской области) действовало шесть церквей⁹, среди которых центральным был Троицкий храм (в 1923 году занят обновленцами, с 1928 года закрыт, в 1991 году передан Русской Православной Церкви с утраченными колокольней, куполами, алтарной аспидой и интерьером), а с 1888 года — Покровский собор (закрыт в 1928 году, разрушен в 1936 году).

В Троицком храме до своей мученической кончины в 1918 году при захвате власти в городе большевиками служил также причисленный к лику святых протоиерей Сергей Феноменов (по другим данным, о. Сергей был настоятелем Преображенской церкви дисциплинарной роты в Усть-Каменогорской крепости)¹⁰.

О географическом масштабе благочиния можно судить по тому, что только один из приходов — Убинский — охватывал

16 сел и поселков¹¹. Материалы исследований Ж. Ж. Каирбековой показывают, что в ведении благочинного А. Дагаева находились, помимо церквей в г. Усть-Каменогорске, Александровская церковь в г. Зайсане, Николаевская в пос. Убинском, церкви ряда селений Томской губернии — Тарханского, Красноярского, Глубокого, Прапорщиково¹².

Будущий священномученик родился в 1862 году (или 1861, данные разнятся) в г. Бийске в семье священника Владимира Дагаева, который смог привить сыну веру в Бога, христианскую любовь к ближнему и верность своему долгу.

Вообще отметим, что жития новомучеников наглядно показывают, что их столь сильная вера в Христа глубоко обусловлена: она закладывалась в семье, из которой ими были вынесены основные религиозные и этические представления. Именно родители и восприемники формулировали нравственные идеалы, не позволившие им отречься от Бога и решить сверхзадачу сохранения человеческого и христианского достоинства в период гонений и невообразимых физических испытаний.

Имеющиеся архивные материалы, а также нарративные источники свидетельствуют, что до Октябрьской революции именно священническая интеллигенция решала в провинции задачи формирования духовного и нравственного облика народа, миссионерской деятельности, пропаганды и распространения образования.

Несколько забегая вперед, отметим, что протоиерею А. Дагаеву удалось воспитать достойных детей. Его сын Михаил также был рукоположен во иерея, а зять, впоследствии протоиерей, Алексей Порфирьевич Подойников, избежав уклонения в обновленчество, стал настоятелем церкви г. Риддер (крупный город Восточно-Казахстанской области), и уже в 1937 году был арестован и расстрелян.

Завершив в 1884 году обучение в Томской духовной семинарии по первому разряду, А. Дагаев женился на купеческой дочери Стефаниде Дробининой, после чего был рукоположен епископом Бийским Макарием (Невским), будущим святителем. В 1888 году молодой иерей назначается благочинным Змеиногорского уезда Омской епархии, а с 30 декабря 1891 года переводится в Покровский собор г. Усть-Каменогорска, где ему было

определено быть благочинным церковей Усть-Каменогорского, Змеиногорского и Зайсанского уездов Семипалатинской области и Томской губернии. Здесь он прослужил до своей мученической гибели в 1918 году¹³.

Время служения протоиерея А. Дагаева отмечено активной просветительской и миссионерской деятельностью, а также строительством храмов во вверенном ему благочинии. Будущий священномученик сумел завоевать любовь прихожан и имел беспрекословный авторитет в уезде. Очевидно, это станет одной из причин его поспешной казни в 1920 году.

Современники отмечают, что протоиерей А. Дагаев «был человеком горячей веры, ревнителем православия, искренне любящим Бога и свою Родину. Он неукоснительно соблюдал церковный устав и как благочинный был в меру строг. А в свободное время увлекался изучением истории Церкви и Российского государства и игрой на музыкальных инструментах, что было любимым занятием его многочисленной семьи»¹⁴.

Свидетельств о его служении в официальных документах сохранилось немного. Так, по данным Ж. Ж. Каирбековой, впервые имя священномученика упомянуто в 1897 году: как особо потрудившемуся в сборе пожертвований в пользу бедных ему объявлена архипастырская благодарность¹⁵. Кроме того, обнаружены свидетельства о нем в «Памятной книжке» Семипалатинской области за 1899 год как о преподавателе Закона Божьего в Трехклассном городском и Мужском городском училищах г. Усть-Каменогорска, а также в Ведомостях регистрации по Покровскому собору (с 1890 года) наряду с именами других священнослужителей — П. Г. Павловского, В. Ф. Пешехонова и др.¹⁶

Как удалось установить исследователю новомученичества в Восточном Казахстане епископу Усть-Каменогорскому и Семипалатинскому Амфилохию (Бондаренко), «труды отца Александра на благо Церкви и Отечества были отмечены императорскими наградами. Он был кавалером орденов: Св. Анны II и III степеней и св. Владимира IV степени, имел медали: “В память государя Александра III”, “В честь 25-летия образования церковно-приходских школ”, Крест на Владимирской ленте и медаль “В память 300-летия дома Романовых”, а также по благословению преосвященнейшего Гавриила, епископа Омского,

от прихожан был преподнесен драгоценный золотой наперсный Крест за труды по строительству Трехсвятительского храма в городе Усть-Каменогорске и другие награды»¹⁷.

Сказанное наглядно рисует картину направлений деятельности типичного представителя провинциальной священнической интеллигенции начала XX века.

Всё меняется в 1918 году. После Октябрьской революции в Усть-Каменогорск из Петрограда по направлению РКП (б) прибывает талантливый организатор Я. В. Ушанов, создавший и возглавивший уездный комитет партии. В марте 1918 года власть в Усть-Каменогорске переходит к Совдепу, председателем которого он избирается. Совдеп просуществовал 97 дней: в июне 1918 года Усть-Каменогорск был взят отрядами войскового старшины Сибирского казачьего войска Б. В. Анненкова (т. н. «дтуовская прорубка»), а члены Совета арестованы.

Находившиеся под командованием атамана войска вошли в историю своей чрезвычайной жестокостью и массовыми карательными акциями по отношению к большевикам и им сочувствующим, что подтверждено в том числе многочисленными современными деидеологизированными исследованиями¹⁸. Более 30 комиссаров укома были подвергнуты страшным пыткам, а самого Я. В. Ушанова заживо сожгли в топке парохода «Монгол»¹⁹.

Ответом на зверства анненковцев стал развязанный большевиками после восстановления в Усть-Каменогорске 19 декабря 1919 года Советской власти «красный террор», жертвой которого не мог не пасть протоиерей А. Дагаев, не пожелавший поступиться ни своей верой, ни своими убеждениями.

По имеющимся свидетельствам, в период первого Совдепа, а также после поражения в уезде контрреволюции благочинный в своих проповедях выступал с обличением Советской власти и призывами не признавать ее. При этом он являл собой пример пастырской кротости, лично встречался с революционерами, вел с ними беседы, разъяснял губительность сделанного ими выбора как для страны, так и для своей души.

Протоиерей А. Дагаев не раз беседовал с Я. В. Ушановым, убеждая покаяться и не развязывать братоубийственную войну в уезде — и когда тот занимал должность председателя Совдепа, и когда находился в тюрьме. По преданию, впрочем,

документальными свидетельствами не подтвержденному, благочинный был одним из последних, кто беседовал с ним накануне казни анненковцами.

Несмотря на попытки примирить враждующие стороны, не вызывает сомнения, что А. Дагаев, с учетом его авторитета как протоиерея, представлял серьезную опасность для большевиков. Уже 1 января (по другим данным — 11 января) 1920 года он был арестован. Как показывают изыскания известного восточно-казахстанского краеведа иеромонаха Иустина (Ларионова), «в это время аресты приняли повальный характер, их жертвами стали многие известные и уважаемые в Усть-Каменогорске люди: городской голова Сидоров, генерал Веденин, отказавшийся сотрудничать с большевиками владелец типографии Горлов (его открыткам мы благодарны за возможность иметь представление о дореволюционном городе), многие оставшиеся в городе солдаты и офицеры Царской и Белой армий»²⁰.

Согласно сохранившимся свидетельствам, собранным иеромонахом Иустином, протоиерей А. Дагаев без следствия и суда был приговорен к казни. Его вывезли за город и изрубили шашками. На следующий день в целях устрашения населения тело благочинного с отсеченными руками волочили по улицам Усть-Каменогорска²¹.

Спустя два месяца супругу священника вызвали на опознание найденного в проруби р. Иртыш тела с отсеченными руками и головой, в котором она признала своего мужа. Немаловажной деталью было то, что пальцы правой руки благочинного были сложены в иерейском благословении. Даже в мучении перед смертью протоиерей Александр Дагаев молился о своих палачах и благословлял их.

Выданное тело убитого было похоронено, по одним данным, возле церкви Покрова Пресвятой Богородицы (разрушена в 1930 году, в настоящее время на этом месте разбит городской парк), по другим данным — на местном кладбище. Могила священномученика утрачена.

Сложившаяся в связи с произошедшим обстановка заставила семью протоиерея покинуть Усть-Каменогорск и выехать в Павлодар.

А. Дагаев был полностью реабилитирован в 1993 году в соответствии с Законом Республики Казахстан № 2143-ХІІ «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», в 2000 году его причислили к лику святых новомучеников и исповедников российских.

Священномученик Александр Усть-Каменогорский — один из сотен, принявших мученическую кончину в годы становления Советской власти и сталинских репрессий. Например, только в «Книге скорби» Восточно-Казахстанской области, содержащей расстрельные списки карательных органов, приводятся имена 34 «церковников» (в том числе, «священнослужители» и «служители религиозного культа» — 24 человека, церковные старосты и церковные служащие — 6 человек, а кроме того — 3 муллы и 1 баптистский проповедник)²².

Восполнение «белых пятен» необходимо не только для церковного прославления достойных, но и для уяснения роли каждого в произошедших событиях. Историческая правда такова, что далеко не все представители священнической интеллигенции сохранили веру в Бога и не оставили своего служения в годы Гражданской войны и период массовых репрессий. Архимандрит Ианнуарий (Нечадин), со ссылкой на священномученика епископа Ефрема Селенгинского, пишет: «А сколько духовных лиц оставило свое служение Святой Церкви и ушло на служение революции — в комитеты, кооперативы, милиции, на политическую деятельность в рядах социалистов до большевиков включительно, не снимая, на всякий случай, священного своего сана»²³.

Тем самым, такая исследовательская работа должна продолжаться. Известный церковный историк игумен Дамаскин (Орловский) так оценивает ее значимость: «Когда-то русская литература, будучи по существу христианской, давала человеку образцы нравственного поведения. Теперь... (они. — К. С.) даны нам в житиях новомучеников, которые, может быть, единственное безоговорочное созидующее достояние ближайшего к нам по времени исторического периода... Образцы и примеры их жизни являются созидательными компонентами не только для конкретных людей, но и для общества и государства»²⁴.

Кроме того, рассуждая со светской позиции, именно в священнической интеллигенции рубежа эпох мы видим столь

необходимые сегодня примеры патриотизма, образы героизма, в них «сосредоточен опыт общественной, социальной, политической истории... (в которой. — К. С.) есть мощный социальный опыт, удержавший важные социальные ценности для народа, для общественного сознания»²⁵. Новомученики являют собой пример сакрального, высших духовных идеалов, которые они сподобились стяжать, а их образы способны формировать столь необходимые сегодня культурные и социальные стереотипы.

Если же говорить о казахстанской земле, где явили подвиг веры и священномученик Александр Усть-Каменогорский, и десятки его братьев и сестер по вере, то, как представляется, их деяния оказали значительное влияние не только на местную Церковь, но и на культуру и духовность многонационального и многоконфессионального Казахстана, делая их уникальными, самобытными и, что много важнее, закладывая скрепы традиционных общечеловеческих ценностей, без которых сегодня невозможно представить стабильное и гармоничное развитие страны.

Примечания

- ¹ *Емельянов Н. Е.* База данных «Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века» как исторический источник // *Церковь в истории России* : сб. тр. / Ин-т рос. истории РАН. М., 2007. Вып. 7. С. 327.
- ² *Яковлева Л. В.* История становления уголовно-процессуального законодательства в России // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2015. Т. 7. № 6, ч. 1. С. 102.
- ³ Подробнее со ссылкой на работы В. И. Ленина см.: *Помогаев В. В.* «Красный террор»: происхождение и сущность // *Вестник Тверского государственного университета.* 1999. № 4. С. 70—76.
- ⁴ Цит. по: *Кострюков А. А.* Конференция «Подвиг новомучеников и исповедников Церкви Русской XX века» в Ярославле // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета* (далее — ПСТГУ). Сер. 2, История. История РПЦ. 2013. № 55 (6). С. 160.
- ⁵ *Емельянов Н. Е., Хайлова О. И.* Гонения на Русскую Православную Церковь (1917—1950-е годы) // *Россия и современный мир.* 2008. № 4 (61). С. 118.

- ⁶ *Цытин В. А., прот.* О канонизации святых в XX веке (до 1988 года) // Канонизация святых в XX веке : сб. / Комиссия Синода по канонизации святых. М., 1999. С. 13—15.
- ⁷ *Кирилл (Наконечный), митр.* Выступление на открытии III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 1 (9). С. 18.
- ⁸ *Герасимов Б. Г.* Старинные церкви Семипалатинской области // Герасимов Б. Г. Избранные труды. Усть-Каменогорск, 2000. С. 117.
- ⁹ *Каирбекова Ж. Ж.* Покровский собор : страницы истории // Сайт Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея заповедника. URL: http://www.vkoem.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=349%3A2010-07-15-10-13-21&catid=85%3A2010-03-09-10-07-22&Itemid=93&lang=ru (дата обращения: 18.05.2017).
- ¹⁰ Священномученик протоиерей Сергей Феноменов // Православие в Прииртышье : офиц. сайт Семипалатинского благочиния Усть-Каменогорской и Семипалатинской епархии. URL: http://pravsobor.kz/Eparhiya/Y-K_blagochinie/sv_sv_y-k/Fenomenov.html (дата обращения: 18.05.2017).
- ¹¹ *Щербик Г. А.* Усть-Каменогорские предания. Усть-Каменогорск, 2003. С. 55.
- ¹² *Каирбекова Ж. Ж.* Указ. соч.
- ¹³ Дагаев Александр Владимирович // Древо : открытая православ. энцикл. URL: <https://drevo-info.ru/articles/11914.html> (дата обращения: 17.05.2017).
- ¹⁴ *Амфилохий (Бондаренко), еп.* Священномученик протоиерей Александр Дагаев // Православие в Прииртышье.
- ¹⁵ *Каирбекова Ж. Ж.* Указ. соч.
- ¹⁶ Православие в Прииртышье.
- ¹⁷ *Амфилохий (Бондаренко), иером.* Священномучениче Александре, моли Бога о нас // Православный вестник. Усть-Каменогорск, 2003. № 1 (18). С. 3.
- ¹⁸ *Бармин В.* О морально-психологическом состоянии войск атаманов Б. В. Анненкова и А. И. Дутова накануне их разгрома (сентябрь 1919 — январь 1920 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири : пятое науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2005 ; *Попов А. В.* Несостоявшийся поход в Индию : атаман Борис Владимирович Анненков и его отряд в Синьцзяне // Вестник ПСТГУ. Сер. 2, История. История РПЦ. 2007. № 1 (22). С. 7—21.

- ¹⁹ *Байшин А. А.* Яков Васильевич Ушанов // Борцы за советскую власть в Казахстане. Алма-Ата, 1982. Вып. 1. С. 223.
- ²⁰ *Ларионов М. М.* Покровский храм: история и современность // Макарьевские чтения : сб. материалов седьмой междунар. конф. Горно-Алтайск, 2008. С. 38.
- ²¹ *Ларионов М. М.* Троицкий храм города Усть-Каменогорска : 200 лет истории (1809—2009). Усть-Каменогорск, 2011. С. 102.
- ²² Книга скорби Восточно-Казахстанской области : расстрельные списки. Семипалатинск, 2001.
- ²³ *Ианнуарий (Нечадин), архим.* Духовенство Смоленской епархии в гонениях конца 1917 — начала 1919 года. М., 2013. С. 290.
- ²⁴ *Дамаскин (Орловский), игум.* Феномен личности новомученика XX столетия : психолого-религиозный дискурс // Развитие личности. 2012. № 4. С. 144.
- ²⁵ *Ильина Е. А.* Особенности феномена новомученичества: проблемы и перспективы // Апробация. 2014. № 5. С. 57.

ББК 74.200.52

С. В. Коваленко

ПЕДАГОГИКА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблемой исследования является разработка антропологической методологии как педагогической технологии снятия противоречия между ценностями индивидуализма, прагматизма, потребительского отношения к своей стране и традиционными духовно-нравственными ценностями отечественной культуры, прежде всего сохранением среди учащихся чувств национальной идентичности.

Задачи исследования:

1. Выявить потенциал антропологической методологии модернизации инклюзивного образования, которая могла бы создавать условия формирования национальной идентичности ученика как субъекта созидания общественно-значимых ценностей развития.

2. Обосновать возможности антропологической педагогики использовать энергию архетипов коллективно-бессознательного в процессах обучения и воспитания гражданственности у учащихся системы инклюзивного образования.

3. Показать синергетический потенциал антропологической методологии на основе согласования архетипов бессознательного

© Коваленко С. В., 2018

Коваленко Сергей Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры специальной педагогики и инклюзивного образования Московского государственного областного университета. kovalenkosv2014@gmail.com

и потребностей ученика в самореализации посредством личного участия в созидании ценностей национальной идентичности.

Распад в конце XX века советской системы наглядно показал неизбежность и закономерность перехода к институтам западноевропейской цивилизации, эффективность которых была доказана. Одним из таких институтов стала система инклюзивного образования — организация совместного обучения учащихся с различным уровнем физических, психических и иных возможностей. В настоящее время в России насчитывается более 2 млн детей с ограниченными возможностями (8 % всей детской популяции), из них около 700 тыс. составляют дети с инвалидностью. По статистическим данным, в Российской Федерации проживает около 10 млн инвалидов¹. Еще Л. С. Выготский отмечал, что при всех достоинствах наша специальная школа отличается тем основным недостатком, что она замыкает своего воспитанника в узкий круг школьного коллектива, в котором всё фиксирует его внимание на телесном недостатке и не вводит его в настоящую жизнь². Главный вопрос развития системы инклюзивного образования заключается в разработке антропологической методологии совместного обучения с тем, чтобы не снизить общий уровень образования и решить проблемы социально-психологической адаптации детей с ограниченными возможностями.

Фундаментальным вопросом антропологической методологии является определение, что есть человек. В современной антропологической философии можно выделить парадигму «жизнь», согласно которой человек есть составная часть природного процесса. Из этой парадигмы вытекают различные концепции социал-дарвинизма. Альтернативная парадигма восходит к тезису о человеке как субъекте сознания, целеполагания. Антропологическая методология предполагает синтез данных подходов. В этом контексте академик Л. Киселев утверждает, что человек как биологический вид до сих пор фактически не стал объектом научного познания. Частные науки, изучающие человека, по существу, не ставят «перед собой ключевую задачу — понять, как биология человека определяет его “надбиологические”, социальные свойства». Более того, попытки вывести социальное поведение человека из его биологической основы объявлялись идейно порочными. Между тем, материалистический взгляд на мир

не может уйти от этой задачи. «Разрыв между гуманистическим и естественно-научным подходами к познанию человека бесперспективен и, если пользоваться старой философской терминологией, идеалистичен»³.

Снятие альтернативности естественно-научной и гуманитарной методологий возможно на основе использования общенаучного принципа исследования — постулата Бора. Согласно ему, исследователь имеет право считать существующим лишь то, что наблюдаемо или может быть таковым с помощью тех средств, которыми располагает (или будет располагать) человек⁴. Историческое исследование процессов формирования систем духовных ценностей, которые становятся основой самоорганизации этноса, должно быть основано на принципе: ничто не возникает из ничего и не исчезает бесследно. С позиций философии естествознания В. И. Вернадский утверждал, что самоорганизация человека определяется его способностью использовать материально-энергетические взаимодействия биосферы Земли и Космоса⁵. Сущность человека как субъекта этого взаимодействия заключается в его способности преобразовать биогеохимическую энергию в новую форму энергии — энергию человеческой культуры⁶. Следовательно, методологическим принципом антропологического исследования системы инклюзивного образования является изучение эволюции способности ученика преобразовать биогеохимическую энергию в энергию человеческой культуры, т. е. участия в созидании материальных и духовных ценностей, необходимых для развития России.

Существенным методологическим недостатком преподавания в системе инклюзивного образования стало акцентирование внимания на изучении сущности, структуры, функции педагогических систем, способов их конструирования и управления. Человек как предмет и цель педагогической системы не получал должного осмысления в теоретической педагогике, а сама система всё больше теряла черты человекообразности⁷. В своей совокупности традиционное восприятие ученика инклюзивной системы обучения в качестве объекта показало, что учителя из традиционных школ не знают специфики работы коррекционных педагогов, тех, кто помогает реабилитации учащихся с ограниченными возможностями здоровья⁸. Сохранению традиционной

методологии, по мнению таких педагогов, как Н. В. Касицина и Н. Н. Михайлова, благоприятствует узкая профессиональная специализация. Она порождает разобщенность усилий конкретных специалистов⁹. Антропологическая методология внедрения инклюзивного образования, по мнению Н. М. Назаровой, заключается в том, чтобы ученик с ограниченными возможностями в полной мере реализовал свои образовательные потребности, но при этом не был бы снижен общий уровень образования других учащихся¹⁰.

Антропологическая методология должна не только преодолеть разрыв между гуманистическим и естественно-научным подходами к познанию человека, но и поставить человека в центр социокультурной системы обучения на основе активизации бессознательных программ коллективной и индивидуальной самоорганизации, которые сформировались в гигантском биосоциальном эволюционном диапазоне, включающем и человеческое общество. В результате миллионов лет отбора сложились «биосоциальные архетипы». Они предписывают индивиду следующее: а) необходимость сохранения жизни, б) продолжение рода, в) реализацию потенциала своих задатков и способностей. Самореализация индивидуальности возможна только через архетипы коллективно-бессознательного К. Г. Юнга или групповые бессознательные программы жизнедеятельности. Групповая генетическая программа предписывает членам сообщества: а) необходимость самоорганизации в группы для производства энергетических ресурсов жизнедеятельности; б) группа делится на управляющих, которые должны стимулировать созидательную активность, и управляемых, непосредственно участвующих в созидании энергетических ресурсов жизнедеятельности; в) управляемые, как правило, поддерживают управляющих, способствующих развитию общества, повышению уровня и качества жизни. Действие этих бессознательных программ оказывает определяющее влияние на готовность ученика к усвоению учебного материала¹¹.

Антропологическая методология совместного обучения предполагает активизацию бессознательных программ эмоционально-психологического взаимодействия субъектов общения, которое порождает у его участников психологическое поле контактов. По мнению К. Левина, движущей силой мотивации к самореализации является противоречие субъектов общения в рамках

класса, кружка и других форм организации образовательного пространства. Между учащимися возникают феномены валентности, вызывающие энергетическое напряжение, требующее разрядки¹². Эта разрядка в ходе учебного процесса, при условии его опоры на архетипы коллективно-бессознательного, становится стимулом самоутверждения ученика во время беседы, дискуссии по сюжетам народных сказок, былин, преданий и их популярных версий. Психологическое поле взаимодействия осуществляется на основе биогенетических инструментов импринтинга — инстинктивного запечатления эмоций и чувств национальной идентичности, стимулируя ребенка — ученика к усвоению базовых коммуникативных навыков и системы социально-культурных ценностей. Их значение заключается в том, что они запускают в действие готовность к подражанию, сотрудничеству, доброжелательности, на основе которых бессознательно формируются системы ценностей национальной идентичности.

Отказ от использования сюжетов сказок, былин и созданных на их основе мультфильмов в учебном процессе и их историко-культурного анализа приводит к утрате ценностей эмоций и чувств национальной идентичности и препятствует готовности к развитию коммуникативных связей и отношений между поколениями. Разрыву этих связей способствует высокая степень узкой специализации преподавания, которая порождает отчуждение части учащихся системы инклюзивного образования от педагогического процесса. Это отчуждение усиливается вследствие действия средств массовой информации, пропагандирующих ценности индивидуализма и асоциальных форм поведения. В результате прослеживается тенденция к увеличению числа подростков с девиантным поведением, целью которых стало достижение материального благополучия любой ценой. В итоге в сознании ученика, утратившего способности к самоутверждению в педагогическом процессе, возникает конфликт между ценностями сюжетов народных сказок и средствами массовой информации, пропагандирующими антисоциальные ценности.

Важнейшим инструментом снятия этого конфликта ценностей является умение учителей естественно-научных и гуманитарных дисциплин внушить уважение к своим прашурам, к их способности использовать энергетику природно-климатических

условий и родовой, этнической, а затем и национальной идентичности. Формирование эмоций и чувств идентичности осуществляется на основе генетических программ, о бессознательном значении которых свидетельствуют десятки слов русского языка с корнем «род». Они донесли до нас представления предков о значении рода, осуществляющего деление всего мира на «своих» и «чужих». «Свои» — это кровные родственники, связанные единством рода, т. е. последовательностью поколений. Все, кто вне рода, определяются как «отродье», т. е. инородцы. Все отошедшие от рода становятся «уродами» — лишенными психической силы рода. Конкретное место рождения рода, где предки смогли заключить союз с матерью-землей, стало обозначаться словом «родина». Участок, где производили и хранили жизненные припасы, был назван словом «зарод», а всё окружающее пространство, обеспечивающее существование рода, было названо термином «природа». Значение этого термина заключается в активизации антропологических установок членов рода на защиту Родины как своего отечества¹³.

Природно-климатические условия жизнедеятельности определяют цивилизационную специфику самоорганизации, менталитет этноса. Этот тезис должен быть связан с интересами ученика и сопровождаться доступными для его понимания примерами. Предки древних русов, как и их потомки, всегда жили среди лесов, ассоциируя своих дев с серебряными березами, а мужчин с медведями — защитниками леса, присваивая им имена типа: Миша, Михаил Иванович, Михаил Потапыч. Наблюдения за хозяином языческого леса, живущего за счет как растительной, так и плотоядной пищи, явились основой способности русского народа использовать разнообразные ресурсы леса. Недаром имя медведя трактуется как «мед ведающий». Освоение огромных лесов Евразии стало возможным только за счет характерной черты мировосприятия русского народа, а именно: общинности, соблюдения принципа справедливости — необходимости обеспечить взаимную выгоду интересов с другими лесными народами. Свидетельством мирного освоения лесных просторов могут служить такие характеристики русского менталитета, как игнорирование в фольклоре сюжетов агрессии, завоевания, этнического превосходства. В сказках и былинах богатыри из крестьян заняты

исключительно обороной, а на участие в военном походе по приглашению князя, как это показано в былинне «Вольга и Микула», пахарь соглашается, только признав, что там «живут мужики разбойники»¹⁴.

В отличие от наших прашуров, англичане и германоскандинавские этносы обозначали медведя термином «bear» («бурый»), фиксируя внешние признаки. Скорее всего, им были неизвестны потенциальные возможности медведя разыскивать улья пчел с медом, необходимым для жизнедеятельности человека. Если народы, жившие среди лесов, почитали медведя, то народы, вышедшие из степей, своим тотемом считали волка. Тотемными символами греков, римлян, германцев и скандинавов, основавших западноевропейскую цивилизацию, стали волки. Различные тотемные символы обусловили появление альтернативных духовных ценностей и соответственно методов и способов достижения эмоций и чувств как индивидуальной, так и национальной идентичности. Следствием действия ментальности тотема волка стала заповедь германоскандинавских викингов эпохи завоевательных походов: «Конунг должен воевать, а не пахать землю»¹⁵. Архетип волка проявился в теориях расового превосходства и готовности вести колониальные войны, за счет которых передовые страны Западной Европы добились привлекательности потребительского образа жизни. Они же контролируют глобальные компьютерные сети и ведут информационные войны, направленные на искажение сознания подростков, принимающих виртуальность компьютерных игр за реальность.

Специфика психологии подростков заключается в готовности к радикальным моделям самоутверждения и мировосприятия. Слепое заимствование подростками чуждых символов идентичности создает некую символическую среду, в которой доминируют установки на копирование образцов моделей поведения и символы, чуждые традиционным ценностям отечественной культуры. В итоге подростки переживают состояние психологического раздвоения, потери твердых социальных ориентиров, что ведет к воспитанию патриотов чужой страны¹⁶. В сознании подростка возникает конфликт между сформированными системой импринтинга установками русского фольклора и англоязычными кальками, навязанными средствами массовой информации, с их ценностями

индивидуализма и насилия. Результатом этого конфликта является энергия измененного сознания, которая в условиях блокировки эмоций любви и добра ударяет по внутри органическим автоматически регулируемым процессам, что приводит к нарушению их функционирования и различным патологиям (кардиологическим, язве желудка и т. д.)¹⁷. Снятие конфликта рассогласования ценностей у подростков часто решается психотропными средствами. В этих условиях задачей преподавателей системы инклюзивного образования становится пропаганда традиционных ценностей сказок как моделей самореализации, прежде всего для учащихся с ограниченными возможностями здоровья.

Обеспечить освоение традиционных ценностей сказок в качестве моделей самореализации возможно через методику уроков объяснительного чтения как составной части пропедевтики. Ее использование предполагает анализ социально-экономических и духовно-культурных мотивов созидательной деятельности героев сказок с выветрившимся, забытым реализмом. Образы Марьи-искусницы, Микулы Селяниновича, Данилы-мастера, Ильи Муромца средствами массовой информации игнорируются, но нужно помнить, что эти герои русских сказок несут в себе разнообразные модели самореализации через трудовую деятельность. Особое место среди героев русских сказок занимает такая личность, как Иван-дурак. Роль этого народного образа раскрывается на уроках объяснительного чтения, показывается, что его значение заключается в честности, готовности добросовестно выполнить свой долг и обязательства, не связанные с насилием, войной, грабежом. Методика пропедевтики как способа сохранения и передачи традиционных духовных ценностей должна начинаться с детского сада и продолжаться в классах системы инклюзивного образования и в специальных (коррекционных) школах. Коррекционная роль преподавательской интеллигенции заключается в формировании субъективных факторов мотивации к созидательной деятельности учащихся с ограниченным интеллектуальным потенциалом, что является условием их успешной социально-психологической адаптации в обществе.

Наступившая эпоха рыночных отношений не устраняет действия архетипов, закодированных в мифах, сказках и преданиях. Поэтому исследование сказок как системы, определяющей

основы коммуникативного поведения учащихся исключительно с позиций филологов-фольклористов, представляется ограниченным и недостаточным¹⁸. Значение сказок заключается в том, что они сохраняют и воспроизводят архетипы восприятия и реагирования на происходящее вокруг человека. Эти архетипы определяют схожесть поведения людей, относящихся к некоторому «коллективу» филогенетического толка (например, к одному этносу). В данном аспекте рассматривал феномен этнической самоорганизации Л. Н. Гумилев, утверждая, что этнос — это «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности»¹⁹.

Исторический опыт воспитания идентичности показал, что общественная история есть всегда история индивидуального развития людей, их духовной самоорганизации, сознают они это или нет²⁰. Действия архетипов, сложившиеся под влиянием природно-климатических условий жизнедеятельности, сохраняют свое влияние в условиях перехода от духовных ценностей человека «природного» к новому типу менталитета «человека экономического», с его ценностями индивидуализма и рационального использования энергии задатков и способностей личности. М. Вебер показал, что доминирующей тенденцией развития менталитета граждан Западной Европы становится экономический рационализм, названный им «протестантской этикой»²¹. Очевидно, что этот закономерный процесс оказал свое влияние на радикальную ломку традиционных духовных ценностей и заимствование моделей поведения и ценностей западноевропейской идентичности. Задача отечественной интеллигенции заключается в создании образовательного пространства на основе антропологической методологии. Ее содержание заключается в поиске вариантов возрождения духовно-нравственных ценностей, заложенных в народных детских сказках, передаваемых на протяжении тысячелетий через поколения, и их популяризации через отечественные мультфильмы, фильмы, театральные постановки и праздники.

Педагогика на основе антропологической методологии создает образовательное пространство становления нового типа личности — «человека разумного». Содержанием этого типа

является движение к свободе как гармонии личности на основе синтеза архетипов коллективно-бессознательного и реализации интереса ученика в самоутверждении в качестве субъекта, ощущающего свою национальную идентичность. Такая самоорганизация ограничивает неоднократные попытки правящих элит России копировать ментальные ценности элит Западной Европы без учета национальной специфики. Значение антропологической методологии было отмечено К. Поппером, утверждавшим, что «только немногие социальные институты сознательно спроектированы, тогда как их абсолютное большинство просто “выросло” как не спроектированные результаты человеческих действий»²².

В этом контексте задача антропологической педагогики — способствовать становлению личности ученика как субъекта преобразования энергии конкретных природно-климатических условий жизнедеятельности социума и личности в энергию человеческой культуры, сохраняющей ценности национальной идентичности.

Примечания

- ¹ *Алехина С. В.* Инклюзивное образование в России // Материалы проекта «Образование, благополучие и развивающаяся экономика России, Бразилии и Южной Африки». URL: http://psyjournals.ru/edu_economy_wellbeing/issue/36287.shtml (дата обращения: 08.06.2017).
- ² *Выготский Л. С.* Основы дефектологии: учеб. для вузов. СПб., 2003. С. 81—82.
- ³ *Киселев Л. Л.* От редукционизма к интегратизму // *Человек*. 2003. № 4. С. 5—6.
- ⁴ *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации : Путь разума. М., 2000. С. 199.
- ⁵ *Вернадский В. И.* Живое вещество. М., 1987. С. 219.
- ⁶ *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста // *Научная мысль как планетное явление*. М., 1977. Кн. 2. С. 95.
- ⁷ *Инклюзивная практика в дошкольном образовании : пособие для педагогов дошкольных учреждений / под ред. Т. В. Волосовец, Е. Н. Кутеповой*. М., 2011. С. 91—93.
- ⁸ *Алехина С. В.* Указ. соч.
- ⁹ *Касицина Н. В., Михайлова Н. Н.* Педагогическое проектирование как практика повышения квалификации специалистов в инклюзивном образовании // *Инклюзивное образование: методология, практика, технология : материалы междунар. науч.-практ. конф.* М., 2011. С. 234.

- ¹⁰ *Назарова Н. М.* К проблеме разработки теоретических и методологических основ образовательной интеграции // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 8.
- ¹¹ *Коваленко С. В.* Мифы и сказки как система исторических свидетельств о происхождении русского этноса. М., 2016. С. 76—78. URL: <https://e.lanbook.com/book/> (дата обращения: 17.09.2017).
- ¹² *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000. С. 51—108.
- ¹³ *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 23—25, 63.
- ¹⁴ *Былины* / сост. *В. И. Калугин*. М., 1986. С. 98.
- ¹⁵ *Славяне и скандинавы* / под общ. ред. *Е. А. Мельниковой*. М., 1986. С. 37.
- ¹⁶ *Попова И. В.* Представления в настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // СОЦИС. 1998. № 10. С. 135—145.
- ¹⁷ *Белик А. А.* Измененные состояния сознания как междисциплинарная область исследования // Белик А. А. Личность, культура, этнос : современная психологическая антропология. М., 2001. С. 523—545.
- ¹⁸ *Афанасьев А. Н.* Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу. М., 2005 ; *Буслаев Ф. И.* О литературе : исследования. Статьи. М., 1990.
- ¹⁹ *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. URL: <https://mybook.ru/author/lev-gumilev/etnogenez-i-biosfera-zemli/> (дата обращения 20.05.2017).
- ²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 27. С. 402—403.
- ²¹ *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий : попытка сравнительного исследования в области социологии религий // Вебер М. Избранное : образ общества. М., 1994. С. 43, 65—66.
- ²² *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 111.

ББК 63.3(2)6-284.6

Л. В. Климович

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ЭМИГРАЦИИ: ПИСЬМА В. В. ВЕЙДЛЕ Г. Л. ЛОЗИНСКОМУ

Имя Владимира Вейдле почти не известно в России. Представитель молодого поколения российских эмигрантов, он прошел путь становления в изгнании заново. О ранних годах его эмигрантской жизни известно мало, ученые сосредотачивают свое внимание в основном на осмыслении творческого наследия Вейдле¹, которое оценивается высоко. Его представляют как оригинального философа, ученого с широкой эрудицией, выдающегося литератора². Формированию философских взглядов В. Вейдле посвящена статья В. В. Омелаенко, в которой анализируется влияние произведений А. Блока и его смерти на мировоззрение ученого³. В статье К. В. Обуховой основное внимание уделено теме кризиса искусства, как центральной теме творчества В. Вейдле⁴. Нами не обнаружено работ, специально посвященных жизненному пути философа. Хронологию его жизни проследил в своей статье И. Доронченков, опираясь на архивный фонд Вейдле

© Климович Л. В., 2018

Климович Людмила Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова. lusek84@yandex.ru

Работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК — 2144.2018.6).

Автор выражает благодарность профессору Сюзанне Шаттенберг и архивариусу Марии Классен из Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете за помощь в организации архивных поисков.

в Бахметьевском архиве в США⁵. Нам доступно интервью радиостанции «Свобода» 1964 года⁶, с воспоминаниями о русской революции 1917 г., и общедоступные сведения из биографического словаря «Русское зарубежье во Франции, 1919—2000»⁷.

Владимир Вейдле родился в 1895 году в Санкт-Петербурге, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, затем работал там доцентом по кафедре средневековой истории, некоторое время после революции работал в Пермском университете, который в первый год своего существования был филиалом Санкт-Петербургского университета. В 1924 году ему удалось эмигрировать через Финляндию, где у них была семейная дача, во Францию. Подробности отъезда раскрыты в публикуемых ниже письмах. Начиная с 1925 года четверть века преподавал в Богословском институте в Париже. Активно участвовал в общественной жизни эмигрантской общины: входил в состав различных литературных объединений эмигрантов, был членом Союза русских писателей и журналистов. Принимал участие в собраниях Братства Святой Софии, обществе «Икона» в Париже, Русском студенческом христианском движении (РСХД).

Свои произведения В. Вейдле помещал на страницах журналов «Современные записки», «Новый град», «Числа», «Встречи», газет «Последние новости», «Возрождение» (под псевдонимом Н. Дашков), «Россия и славянство» и др. После эмиграции во Францию ему удалось устроиться в отдел критики газеты (журнала) «Звено» в Париже, где он проработал 5 лет. Во второй половине 30-х годов в печати стали выходить его произведения: книга «Les abeilles d'Aristote» («Пчелы Аристотеля», 1936), «Умирание искусства: размышления о судьбе литературного и художественного творчества» (1937). Другие крупные работы появились только спустя тридцать лет: «Безымянная страна» (1968), «О поэтах и поэзии» (1973), сборник стихотворений «На память о себе» (1979).

После окончания Второй мировой войны В. Вейдле был директором тематических программ на радио «Освобождение» (позже «Свобода»). С 1946 года состоял в Обществе друзей русского искусства и литературы, в 1952 году был избран в правление Российского музыкального общества за границей. Последнее написанное В. Вейдле произведение «Эмбриология поэзии» вышло в свет в Париже в 1980 году уже после его смерти 5 августа 1979 года⁸.

Переписка играла огромную роль в жизни российских интеллигентов-эмигрантов. В письмах они были нередко более откровенны, нежели в открытых выступлениях или публикациях в прессе. Приводимая ниже подборка писем адресована Григорию Леонидовичу Лозинскому, с братом которого Михаилом Лозинским Владимир Вейдле был знаком. Григорий Леонидович Лозинский⁹ эмигрировал также через Финляндию в 1921 году. Талантливый переводчик, писатель, педагог во Франции работал преподавателем и инспектором Русской средней школы-гимназии в Париже. С 1922 по 1940 год он читал лекции по старофранцузскому языку на историко-филологическом отделении Русского научного института при Сорбонне. Лозинский был членом научно-философского общества, печатал научные статьи и рецензии на разных языках в периодических изданиях. Статьи на французском языке о русской истории и культуре способствовали ознакомлению французов с русской литературой, которую они знали мало. Лозинский продолжал публиковаться в издательстве «Петрополис», после революции в России тоже переместившемся в эмиграцию. Он был сотрудником парижского ежемесячника «Le Mois», товарищем председателя Общества друзей русской книги и редактором «Временника общества друзей русской книги». Как знаток русской литературы участвовал в подготовке издания на французском языке «Истории русской литературы с ее возникновения до наших дней».

Публикуемая подборка писем Владимира Вейдле охватывает период с 1924 по 1933 год, два письма 1924 года раскрывают его первые шаги в эмиграции, письма 1929, 1933 года касаются деловых вопросов и демонстрируют становление Вейдле в эмиграции как личности и профессионала, в них разговор идет на равных. Оригиналы писем хранятся в архиве исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете в личном фонде Григория Леонидовича Лозинского¹⁰.

Письма публикуются впервые в авторской редакции, с сохранением всех стилистических особенностей. Все письма рукописные, за исключением одного, о чем отмечено в примечании. Сложный почерк не всегда позволял разобрать слова, что оговорено в тексте. Подготовка к публикации и комментарии Л. В. Климович.

Райвола
26.VII.1924

Глубокоуважаемый
Григорий Леонидович,

С согласия Михаила Леонидовича¹¹, с которым последнее время мы были в очень дружеских отношениях, решаюсь обратиться к Вам с моей большой просьбой.

Может быть Вы и помните меня немножко: мы встречались с вами мельком в 1920-ом и 21-ом году. Надеюсь, что я не слишком затрудню Вас и не слишком неприятно Вам о себе напомню.

Дело в том, что я собираюсь теперь надолго остаться за границей и постараться устроиться в Париже. У меня полугодовая заграничная командировка от Петербургского Университета — безденежная, конечно, и просто «для научных занятий»; я предполагаю во всяком случае продлить ее на год, а если смогу найти себе дело в Париже, то остаться там и дольше. Я не совсем представляю себе, как добывается французская виза и в этом мне приходится всецело рассчитывать на Вашу помощь. Быть может Вы будете так добры написать мне и сообщить если понадобится какие-нибудь сведения или документы или, если я сам должен буду послать куда-нибудь какую-нибудь бумагу. Из сведений [нрзб.] сообщу Вам некоторые основные. Меня зовут Владимир Васильевич Вейдле, мне 29 лет, я православный, родился в Петербурге 1 марта 1895 г. Женат и имею сына 5 лет, но в Париж еду один. Окончил Петербургский Университет в 1916 г. и был отправлен И. М. Гревсом при кафедре средневековой истории¹². С 1920 г. был преподавателем в Пермск[ом] университете; с весны 1922 — по [нрзб.] преподавателем Петербургского по кафедре истории средневекового искусства. Я историк искусства (в последнее время много занимаюсь Рембрандтом), но и *homme de lettres* отчасти. Политикой отнюдь не занимался и ни в каких партиях не состоял.

Надеюсь, что этого достаточно, а может быть и слишком много. Пока я живу у своей матери в Райволе и пробуду здесь приблизительно до 1-го сент.[ября]; около этого срока предполагаю выехать в Париж, но задержаться в Германии недели на две

или три; впрочем эти негласные планы могут и перемениться и поэтому лучше если французскую визу мне прислали бы в Гельсингфорс, а не в Берлин. Ведь она вероятно будет действительна для выезда в течение месяца?

Если понадобится какой-нибудь знающий меня человек, то в Париже можно обратиться к Владимиру Иосифовичу Новицкому¹³, 10 rue Anatole de la Forge! Французских знакомств и связей у меня к сожалению нет. Впрочем может быть согласился бы что-нибудь для меня сделать Ferdinand Lot¹⁴ (91 rue Boucicaut 92260, Fontenay aux roses, France) если ему сказать, что я отчасти ученик и во всяком случае знакомый Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской¹⁵.

Вот и все мое скучное дело, которым мне так совестно Вас обременять. Из Петербурга выехал 20-го июля и еще вечером накануне отъезда видел Михаила Леонидовича¹⁶; он просил вас кланяться. Чувствует он себя хорошо и не теряет надежду этим летом попасть в Финляндию, хотя как и Татьяна Борисовна¹⁷ с детьми, он уже целые два месяца не может получить финской визы. Все же и я рассчитываю увидеть его у себя перед отъездом и рассказать Вам о нем самые положительные впечатления. Примите заранее, глубокоуважаемый Григорий Леонидович мою самую горячую благодарность и позвольте мне крепко пожать вашу руку.

Вл. Вейдле

Мой адрес: Finland. Raivola. Villa Weidle

2

Райвола
3.X.1924

Глубокоуважаемый,
Григорий Леонидович,

французская виза мною уже получена. Оказывается, я беспокоил вас напрасно, о чем очень сожалею. Консульство вовсе не послало мне бумаг в Париж, а ограничилось тем, что навело справки обо мне в Русском Комитете в Финляндии, когда получило наконец удовлетворительные сведения, выдало мне визу. Я узнал об этом только на днях и поэтому не мог приостановить Ваши хлопоты, за которые примите пожалуйста мою горячую благодарность.

Михаил Леонидович, который был у меня еще раз незадолго до своего отъезда, говорил мне, что Вы собираетесь переезжать. Если на Вашу комнату нет уже готовых кандидатов — мне кажется впрочем, что они имеются, то не мог ли бы я в нее въехать? Я приеду в Париж 21 или 22-го октября и сразу зайду к Вам. Если вы к этому времени переедете, Вы наверное оставите свой адрес на rue de Beaune?

Еще раз большое спасибо за Вашу любезность и готовность мне помочь. Радуюсь, что скоро смогу Вас поблагодарить лично.

Преданный Вам В. Вейдле

3

5.10.1929

Дорогой Григорий Леонидович,

Горячо благодарю Вас за Вашу такую любезную и во всех отношениях [нрзб.] рекомендацию. Она попала в цель: я оказался единственная кандидатура и по видимому в пятницу после нового «интервью» последует мое избрание¹⁸. Евг.[ений] Макс.[имович] уже не сомневается в нем, а я все не могу поверить такому своему счастью. После окончательного решения напишу Вам, но позвольте дорогой Григорий Леонидович, не дожидаться это, крепко пожать Вашу руку и от души Вас поблагодарить. Я обязан Вам глубоко и никогда этого не забуду. Желаю Вам всего самого радостного.

Ваш В. Вейдле

4

22.09.33

Дорогой Григорий Леонидович,

Мне поручено спросить Вас не согласились ли бы Вы в ближайшем акад.[емическом] году прочесть в Русск.[ой] Консерватории или [нрзб.] в Foyer de la Musique Russe лекцию на французском языке о франц.[узском] влиянии на русск.[ую] драму

и театр XVIII—XIX вв. или на какую-нибудь родственную тему. Лекция эта войдет в цикл лекций устраиваемой В. С. Нарышкиной¹⁹, организаторшей Russe (др.[угие] участники: [нрзб.], Бенау, Зайцев, Алданов и т. д.). Заработать за одну лекцию можно фр.[анков] 150—200.

Буду ждать Вашего ответа. Лучше по почте (28, rue de la [нрзбю]). И пожалуйста пришлите еще адрес К.В. [нрзб.]. Его тоже будут просить.

Жму Вашу руку

Ваш В. Вейдле

5

30.09.33

Дорогой Григорий Леонидович, спасибо за письмо и принцип.[ипиальное] согласие. Буду рад обговорить с Вами как можно поскорее: надо спешно составить список лекций. Между 12 и 1 ч.[асами] я вероятно все эти дни буду дома. Можно встретиться, если хотите и в Musi[que] (имеется в виду Foyer de la Musique Russe. — Л. К.) как-нибудь около 6-ти час.[ов] Но лучше загляните сюда, если Вам это удобно.

Всего хорошего.

Ваш В. Вейдле

6

24.10.33

Дорогой Григорий Леонидович,
Ваша лекция о Грибоедове и франц.[узском] влиянии на русск.[ий] театр в Консерв. [атории] назначена на вечер 1 декабря.

Гарантируем Вам 150 фр.[анков]. Говорят, что м. б. [может быть] выручите и больше.

Сообщите мне или в Foyer de la Musique Russe, 26, av[енue] de Tokio об окончат.[ательном] Вашем согласии.

Жму Вашу руку

Ваш В. Вейдле

28 rue de la [нрзб.]
 Boulogne [нрзб.]
 3.11.1933²⁰

Дорогой Григорий Леонидович,
 Пересылаю Вам только полученное письмо. Хотят, очевидно, чтобы я умиротворил Вас чтобы Вы не сердились на позднее предупреждение. Простите же их, если можете, и сообщите мне или прямо Ник.[олаю] Мих.[айловичу] Родзянко удобен ли Вам новый день и час.

Жалко очень, что происходит такая канитель.

Жму Вашу руку

Ваш В. Вейдле

Притиска в письме: По телефону Вы можете застать Родз.[янку] в Фоуег ежедневно от 4 до 7.

Париж, 2.12.1933

Дорогой
 Владимир Васильевич,

Я очень Вас прошу оказать мне помощь вот по какому поводу.

Дело в том, что благодаря отмене концерта памяти П. Чайковского, и переносу его на последующую дату, нарушилась вся последовательность наших лекций и концертов. По целому ряду обстоятельств, о которых долго писать, приходится обязательно перенести лекцию проф.[ессора] Лозинского на 23 декабря в 5 ½ час.[ов] дня. Очень Вас прошу переговорить об этом с Лозинским и уведомить меня, согласен ли он на этот перенос и на новую дату.

Заранее благодарю Вас.
 Сердечно Ваш Н. Родзянко²²

9

28 rue de la [нрзб.]

13.12.33

Boulogne [нрзб.]

Дорогой Григорий Леонидович,
письмо, это не по консерваторским делам на этот раз. — Я прочел сегодня в газете о смерти Ф. И. Ростовцева и мне пришло в голову, не мог ли бы я его заменить в качестве преподавателя истории в Русск. [ой] Гимназии. Как Вы думаете? Я бы был von Hause aus историк, а вообще говоря усердно ищу дополнительного заработка. Напишите мне, если эта идея не окажется Вам дикой, и сообщите что предпринять.

Простите за беспокойство. Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле.

Сверху письма приписка: ближайшие дни буду дома между 12-ти и 2-мя.

10

26.12.33

28 rue de la [нрзб.]

Boulogne [нрзб.]

Дорогой Григорий Леонидович,
Ваше второе письмо ободрило меня и я написал М. А. Макаковой²³. Что же касается Луссе [нрзб.], то тут я пока ничего не предпринял, так как не знаю с чего начать. Если Вы думаете, что еще стоит туда обратиться напишите мне два слова и скажите написать ли прошение по фр[анцузс]ки Leg[нрзб.] с surciculum или без [нрзб.] и одновременно послать письмо Ковалевскому²⁴ (с истор.[иком] я лично не знаком); или м.б. [может быть] отправить и Leg[нрзб.] лично (его я тоже никогда в глаза не видел). Буду Вам благодарен; простите за беспокойство.

Весьма огорчен, что к Вам на лекцию не пожаловали французы; с моим французским курсом историей искусства случилось то же самое, но относительно цикла в котором Вы участвуете, я этого никак не ожидал. Рад, что Вам хоть заплатили деньги.

Слышал, что Ваша дочка больна. Надеюсь, что ей уже лучше и желаю ей скорей поправиться.

Жму Вашу руку.

Ваш В. Вейдле

Примечания

- ¹ *Кантор В. К.* Русские европейцы на Западе : письма Ф. А. Степуна к Г. П. Федотову и В. В. Вейдле // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 106—128 ; *Усманов С. М.* Европа и Россия в историософии Владимира Вейдле // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4 (40). С. 140—153 ; *Он же.* Европа и «культурный пессимизм» Владимира Вейдле // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4 : История. С. 20—29.
- ² *Некрасов А. П.* Философско-эстетические воззрения В. В. Вейдле : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000 ; *Доронченков И. А.* «Поздний ропот» Владимира Вейдле // Русская литература. 1996. № 1. С. 45—68 ; *Он же.* Владимир Вейдле : воспоминания : публикация и комментарии // Диаспора III. Новые материалы. СПб., 2002. С. 7—159.
- ³ *Омелаенко В. В.* Две идентичности и две России Владимира Вейдле // Культурное пространство. 2015. № 7. С. 38—44.
- ⁴ *Обухова К. В.* Философия культуры В. Вейдле // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10. С. 101—103.
- ⁵ *Доронченков И.* Последняя книга В. Вейдле : поиск собеседника // Вейдле В. Эмбриология поэзии : статьи по поэтике и теории искусства. М., 2002.
- ⁶ Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen (далее — FSO). F. 43. D. 1. Владимир Владимирович Вейдле. Воспоминания о революции 1917 года. Интервью № 34. 1965.
- ⁷ Русское зарубежье во Франции, 1919—2000 : биограф. слов. : в 3 т. / под общ. ред. *Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской.* М., 2008. Т. 1.
- ⁸ Там же. С. 261.
- ⁹ Подробнее о жизненном пути Г. Л. Лозинского см.: *Климович Л. В.* Григорий Леонидович Лозинский: интеллигент и общественный деятель зарубежной России // Интеллигенция и мир. 2017. № 2. С. 102—113.
- ¹⁰ FSO. F. 01-045 (Г. Л. Лозинский).

- ¹¹ Михаил Леонидович Лозинский, брат Григория Леонидовича Лозинского, остался в Советской России.
- ¹² В книге «Русское зарубежье во Франции, 1919—2000: биографический словарь» указано, что он был доцентом по кафедре искусств, сам В. Вейдле в 1964 г. вспоминал, что работал на кафедре всеобщей истории (FSO. F.34). Но информация в письме от 1924 г. позволяет установить истину.
- ¹³ Владимир Иосифович Новицкий (1890—1968) — выпускник Императорского Александровского лицея. В 1917 г. направлен в США в составе Чрезвычайной комиссии Министерства финансов во главе с Б. А. Бахметьевым в качестве финансового агента. В 1919 г. был заместителем министра финансов в правительстве А. В. Колчака. С сентября 1920 г. в Лондоне занимался проблемами финансирования и снабжения Белого движения. С 1924 г. один из директоров London & Eastern Trade Bank в Лондоне. Член Объединения бывших воспитанников Императорского Александровского лицея.
- ¹⁴ Виктор Анри Фердинанд Лот (Ferdinand Lot, 1866—1952) — французский историк-медиевист, специалист по раннему Средневековью и поздней Римской империи. Наиболее известен работами, посвященными переходному периоду от Античности к Средневековью, главный труд — «Конец Древнего мира и начало Средневековья» (1927). Почетный профессор Сорбонны. Один из наиболее авторитетных исследователей периода раннего европейского Средневековья.
- ¹⁵ Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874—1939) — российский и советский историк-медиевист, палеограф и писательница, член-корреспондент АН СССР. Объектом научного изучения и преподавательской деятельности О. А. Добиаш-Рождественской было западноевропейское Средневековье.
- ¹⁶ Михаил Леонидович Лозинский — брат Г. Л. Лозинского.
- ¹⁷ Татьяна Борисовна Лозинская (Шапирова) — супруга М. Л. Лозинского.
- ¹⁸ Предположительно речь идет о попытке устроиться преподавателем славянских языков на Faculty of Medieval and Modern Languages (Slavonic Studies) в Оксфорде. На должность он избран не был и вынужденно вернулся в Париж. См.: *Доронченков И.* Последняя книга В. Вейдле. С. 429.
- ¹⁹ Вера Сергеевна Нарышкина-Витте (1883—1963) — музыкальный деятель, литератор, меценат. В 1917 г. эмигрировала, жила в Брюсселе и Париже. С 1931 г. член правления Российского музыкального общества за границей (РМОЗ), с 1932 г. товарищ председателя

правления. Оказывала финансовую поддержку Русской консерватории в Париже и РМОЗ.

²⁰ Скорее всего, ошибка в месяце, так как письмо В. В. Вейдле сопровождает письмо Н. Родзянко от 2.12.1933 г.

²¹ Письмо отпечатано на машинке.

²² Николай Михайлович Родзянко (1888—1941) — коллежский советник, общественный деятель. Сын политического деятеля М. В. Родзянко. В эмиграции жил в Париже. Организовал юридическую защиту русских эмигрантов. Генеральный секретарь Русского эмигрантского комитета (1935—1936), возглавлял отдел труда Центрального русского офиса, оказывал помощь русским эмигрантам в их устройстве на работу. Генеральный секретарь Российского музыкального общества за границей (1934).

²³ Мария Алексеевна Маклакова (1878—1957) — сестра Василия Алексеевича Маклакова. В эмиграции занималась общественной деятельностью.

²⁴ Предположительно Петр Ефграфович Ковалевский (1901—1978).

ББК 63.3(2)614-283.2

А. И. Маслова

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ УЧЕНЫЕ И ИНЖЕНЕРЫ В УСЛОВИЯХ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА «ПРОМПАРТИИ» 1930 ГОДА: КАК ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЛА СРЕДСТВА

На рубеже 1920—30-х гг. социальная группа научно-технической интеллигенции испытывала на себе мощнейшее политическое давление со стороны советской власти. Пик очередной репрессивно-дискриминационной кампании режима в отношении представителей квалифицированной интеллигенции, сопровождавшийся массовыми арестами в центре и провинции (почти 2 тыс. чел.), пришелся на конец ноября 1930 г., ознаменованный проведением показательного суда над «руководством» мифической, сконструированной чекистами, «Промпартии». Заданный «вредительский» формат судебного процесса призван был выполнить два основных функциональных назначения — поднять опасность «вредительства» на новый, «партийный» уровень, связав это с угрозой интервенции, и вновь, как и ранее в ходе Шахтинского процесса, поставить «старых спецов» в положение публичного политического выбора («с кем вы»).

При самых фантастических обвинениях и срежессированном характере всего судебного действия, на которое было выведено восемь профессоров и управленцев из среды технической интеллигенции, а под арестом находилось около 2 тыс. человек,

---

© Маслова А. И., 2018

Маслова Анжелика Игоревна — аспирант 2-го курса Новосибирского государственного университета. maslovaanzhelika@mail.ru

т. е. почти 5 % квалифицированных научно-технических кадров страны обязывались держать публичный ответ перед пролетарской/советской общественностью за свою сохранявшуюся (то есть априорно вменяемую) аполитичность, оторванность от рабочих масс и грандиозных планов реконструкции страны. В данном случае такого рода требуемая практически от каждого специалиста показательность (публичность) своей не просто лояльности, но и активной солидарности с властью, имела принципиальное значение инструмента, с помощью которого большевистское руководство обозначало новое качественное различие между «старыми спецами» («уходящее поколение») и новыми советскими инженерами, массовое производство которых втузами явилось одним из практических итогов «Шахтинского дела».

В целеполагании этого второго «Большого вредительского процесса» И. В. Сталиным предусматривалось не просто запустить мощный ресурс для дальнейшего размежевания внутри инженерно-технических работников (ИТР), используя формально демократический принцип (открытость обсуждения хода процесса и его результата в производственных и научных коллективах), но и канализировать, перенаправить социальное недовольство низов, в т. ч. рабочих, резким падением уровня жизни, повышением норм эксплуатации и тяжести труда на производстве, списав это на происки как выявленных, так и «скрытых врагов», одновременно направив протест в конструктивное для власти русло (прием повышенных производственных обязательств, подписки на займы для нужд обороны и индустриализации, вступление в партийно-комсомольские организации).

Целью данной публикации является анализ динамики настроения и поведения корпоративных групп инженеров, а также ученых в мобилизационной кампании, связанной с «делом “Промпартии”» (накануне, в ходе и по завершении судебного процесса). Объектом изучения выступают как арестованные специалисты, находившиеся под следствием и восемь из которых ставшие подсудимыми, так и те представители массовой технической интеллигенции, чьи позиции и оценки кампании оказались отраженными в различных источниках публичного характера (печать), а также в сводках и отчетах партийно-профсоюзных органов и спецслужб (ОГПУ). Данная проблематика есть часть

более общей темы, связанной с целями и средствами осуществления руководством страны громадного плана «социальной инженерии» и того, на каких условиях должно было проходить либо исключение, либо включение «старых спецов» во вновь создаваемое общество, т. е. своего рода «пропуск в социализм».

На показательном процессе по «делу “Промпартии”» подсудимые, среди которых оказались профессора и инженеры, занимавшие крупные управленческие посты, должны были «держат ответ» на обвинения о вменявшихся им и якобы имевших место преступлениях во вредительстве и подготовке интервенции совместно с политическими лидерами иностранных государств. Если для рабочей массы как базовой целевой аудитории, для которой прежде всего вершился постановочный процесс, восемь подсудимых выступали скорее абстрактными «спецами» и «вредителями», то для самого научно-технического сообщества речь шла о значимых фигурах: Л. К. Рамзин, В. А. Ларичев, И. А. Калинин, Н. Ф. Чарновский, А. А. Федотов были весьма известными в своей среде инженерами и учеными.

Вопрос о том, почему при постановке суда над «Промпартией» был задействован именно такой состав, видится актуальным, так же как выявление роли каждого из подсудимых на открытом суде. Из протоколов допросов обвиняемых (аресты проходили с марта по август 1930 г.) следовало, что все они занимали руководящие должности в структурах ВСНХ и Госплана, отраслевой науки. Показательный процесс проводился с прицелом на верхушку инженерно-технической интеллигенции — специалистов, задействованных в управлении промышленностью. Кроме того, они совмещали административную, преподавательскую и научную деятельность, работая нередко в нескольких образовательных и научно-технических учреждениях.

Главный обвиняемый по «делу “Промпартии”» инженер Леонид Константинович Рамзин — ученый с мировым именем в области теплофизики, профессор Московского высшего технического училища (далее — МВТУ), директор Теплотехнического института, член Госплана и ВСНХ СССР. Он был арестован летом 1930 г. (в возрасте 43 лет), сразу же после своей заграничной командировки; затем в течение двух недель находился в тюремном изоляторе без допросов, но, предположительно, подвергался

внутрикамерной обработке с помощью подсаженного к нему агента, после чего начал давать крайне масштабные «разоблачительные» показания, в которых фигурировали десятки специалистов различного профиля (в одном из первых таких протоколов от 21 сентября число фамилий достигало более 80)¹, причем зачастую весьма далеких от профессиональных интересов самого Рамзина. В научной исторической литературе фигура Рамзина обсуждалась неоднократно: его роль была категорично обозначена как «провокаатор»², учитывая последующее амнистирование в 1936 г. и получение Сталинской премии в 1946 г. Иностранцы корреспонденты, присутствовавшие в зале суда, отмечали, что речь Рамзина звучала абстрактно и академично, как лекция по технической дисциплине³, совсем не похожая на речь человека, который сознается в государственной измене. По оценке А. Я. Вышинского, сделанной уже после окончания судебного процесса, определяющими при выборе на роль лидера «Промпартии» стали такие личные качества Рамзина, как «колоссальная воля, недюжинный ум, крепкая психика и умение маневрировать»⁴, хотя до какого-то момента организаторы будущего суда выбирали между Л. К. Рамзиным и А. А. Федотовым, крупным ученым и организатором отечественной текстильной промышленности, некогда известным до революции кадетом.

Оценивая фигуру Рамзина на судебном процессе, следует подчеркнуть тот разрыв между личностью ученого-профессионала и создававшимся образом маститого контрреволюционера, который рисовали советские пропагандисты в своих очерках. Крыленко на публичных допросах, да и Вышинский, пытались возвысить его до уровня политического деятеля, жившего по соответствующему кодексу, едва ли не революционера: «Рамзин понимал, что если он пойман с поличным, то остальное будет уже мелким жульничеством и недостойно политического деятеля»⁵. Другой вопрос в том, способен ли был Рамзин отказаться от предложенной ему зловещей провокационной роли главного обвиняемого на процессе.

«Дело “Промпартии”» затронуло ученых и более старшего поколения: Николай Францевич Чарновский (привлечен к «делу» в 62 года) — заместитель председателя Научно-технического совета машиностроения при правлении Машобъединения ВСНХ

СССР, профессор; Александр Александрович Федотов (осужден в возрасте 66 лет) — председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института (НИТИ), профессор; Иван Андреевич Калинин (осужден в возрасте 56 лет) — заместитель председателя производственного сектора Госплана и профессор ряда вузов (в 1920—1921 гг. был ректором МВТУ).

А. А. Федотов запомнился присутствовавшим на процессе двойственностью своего поведения в судебном заседании: заостря иногда внимание на нестыковках «сшитого дела», в другом случае он начинал выражать благодарность чекистам за то, что они пресекли его «контрреволюционную деятельность», декларируя даже, что заключение «пошло на пользу его здоровью». В то же время, по отзывам ряда иностранных корреспондентов, Федотов производил впечатление человека, глубоко потрясенного своей ролью подсудимого на процессе. В период предварительного заключения Федотовым были написаны два стихотворения, отражавшие душевное состояние человека, который находится между жизнью и смертью: «И вот сижу я в строгом заключении, / В отчаянной тоске я выхода ищущу — / И нет его. И мучаясь, я жду решения / Жизнь или Смерть. Чего же я хочу?»⁶ С одной стороны, профессор испытывал мучительные переживания из-за утраты уважения, с другой — желание вернуться к работе, к своей обычной жизни, «вновь начать писать и творить»⁷. По мнению иностранных корреспондентов, Федотов был самой симпатичной и одновременно самой трагической фигурой на процессе. В один из дней суда аудитория услышала от него «красноречивую защиту морального права человека на честные, хотя и ошибочные убеждения»⁸, что особенно запомнилось корреспондентам.

Для Н. Ф. Чарновского судебный процесс «Промпартии» тоже давался тяжело: судя по кадрам снятой кинохроники, где в публичной речи подсудимого в ходе суда наблюдалось множество пауз и прерывистость интонаций, выдающих, как минимум, нежелание произносить предписанное. После завершения судебной кампании Вышинский охарактеризовал Чарновского как одного из «наиболее опасных», наряду с Рамзиным и Ларичевым, в то же время и «наименее раскаявшегося»⁹ из всех, впрочем оставив без комментариев подобную оценку.

Двое из подсудимых — Владимир Иванович Очкин (ученый секретарь Теплотехнического института и зав. отделом руководства научно-исследовательского сектора ВСНХ СССР, осужден в возрасте 39 лет) и Ксенофонт Васильевич Ситнин (инженер Всесоюзного текстильного синдиката, осужден в возрасте 52 лет) занимали менее ответственные административные посты в структурах ВСНХ и Теплотехнического института, относясь уже не к верхушке, а скорее к управленцам средней руки. Об этом косвенно говорит и вынесенный приговор. Ситнин изначально не был приговорен к смертной казни. Что же касается Очкина, то он в списке приговоренных к высшей мере наказания был, следует предположить, из-за своей роли «секретаря самого Рамзина».

Анализ социального статуса обвиняемых свидетельствует о том, что «верхушка инженерства», многократно упоминаемая советской пропагандой, представлена неоднородно. Среди привлеченных к «делу» специалистов по социально-профессиональному статусу были не только крупные управленцы, занятые в научно-исследовательской и профессорско-преподавательской деятельности, но и администраторы средней руки. Возраст подсудимых охватывает три поколения: от 39 до 66 лет. Фактор политических убеждений подсудимых не играл никакой роли, хотя в этом с пристрастием разбирался обвинитель Н. В. Крыленко. Разброс дореволюционных мировоззрений был широким: Рамзин какое-то время участвовал в социал-демократическом движении, а Федотов писал статьи в кадетских газетах. После революции и к моменту ареста все они были беспартийными. Но даже серьезные заслуги после 1917 г. перед советским государством не смогли уберечь их от скамьи подсудимых. Известно, что в профессиональном круге инженеров-теплотехников Л. К. Рамзина до его ареста считали одним из самых «открытых и откровенных последователей коммунистических идей»¹⁰; однако, по сценарию суда, ему отводилась роль авторитарного лидера замышлявшегося военного переворота¹¹.

Итак, начиная с 1928 по 1931 г. социальный статус «старого спеца» — инженера или ученого становился всё более политизированным, техническая интеллигенция испытывала на себе прямое давление со стороны власти. Показательный процесс над «Промпартией» в данном контексте следует рассматривать

как закономерный этап в регрессивной динамике развития отношений между властью и данной когортой «спецов». Причиной же подобного негативизма верхов по отношению к техническим специалистам служило их положение и место в структуре пост-революционного социума. Прежде всего это касается их функционального положения в системе производства — большинство «старых» инженеров продолжали занимать свое прежнее место работы. В силу высокого профессионализма и опыта они находились не только на руководящих производственных должностях, но и были задействованы в центральных звеньях управления промышленностью. Вся совокупность факторов указывает на то, что подсудимые инженеры обладали более высоким социальным капиталом и, как следствие, более высоким статусом в сравнении с советскими рабочими.

При отсутствии необходимого количества «красных кадров» в составе технических специалистов особое положение высококвалифицированного инженера сложно было отрицать. Во многом члены советского руководства открыто признавали неграмотность, уязвимость «красных» управленцев — хозяйственников и специалистов перед «старыми» инженерами. Так, на XVI съезде ВКП (б) Г. К. Орджоникидзе, давая оценку «вредительству», откровенно признавал, что последнее могло возникнуть и распространиться столь широко только при низком уровне подготовки инженеров-коммунистов и отсутствии необходимых знаний у управленцев¹². Осознание собственной уязвимости и одновременно зависимость большевиков от «старого кадрового инженерства» являлись главными факторами, расшатывающими социальные отношения инженеров и власти.

Кризис во взаимоотношениях со «спецами» у советских партийных лидеров (в форме синдрома «недоверия») превращался в перманентный, начавшийся двумя годами ранее. Тогда, в 1928 г., показательный судебный процесс над инженерами и управленцами Донбасса вызвал волну «спецеядческих» настроений, нарушение баланса и здоровой атмосферы в трудовых отношениях между рабочими и инженерами¹³. Однако следует признать, что масштабы деструктивных процессов оказались настолько велики, что самим же партийным верхам приходилось сдерживать социальную агрессию низов, но тактика власти

в лавировании между интересами рабочей массы и «старых спецов» начинала восприниматься как слабость и непоследовательность и теми и другими.

В конце 1930 г. партийными верхами были приняты попытки учесть ошибки прошлых лет. В стремлениях сдержать очередную волну «спецедействия» низов, вызванную очередным «вредительским» процессом, его организаторы попытались скорректировать направленность советской пропаганды. В частности, центральные советские издания в канун и в ходе процесса «Промпартии» делали упор на то, что *большинство* инженеров являются честными и добросовестными профессионалами своего дела, а «спецы-вредители» — явление «верхушечное»¹⁴.

Однако реальное положение в сфере воздействия пропаганды на массовое сознание оказывалось иным: нюансы и оттенки переставали восприниматься населением на фоне непрерывного нагнетания опасности «интервенционизма» и на фоне всё новых «разоблачений» того, что «вредительство» проникло и в сердцевину сферы управления экономикой (Госплан, ВСНХ и др.). В ситуации, когда самой пропагандой на вопрос о том, «кто виноват» в кризисах и неудачах экономики, давался ответ — «многоголикое вредительство». Задача сохранения режимом собственной социальной базы, которую большевики видели в лице рабочих, была куда важнее, чем политическая и правовая защита интересов специалистов. Но очередной процесс прошел, оставив, как и в конце 1928 г., дезорганизацию в сфере производства и новый виток недоверия рабочей массы к специалистам. При спаде мобилизационной волны советская власть пошла вполне прагматичным путем: понимая, что положение инженеров нуждается в директивном подтверждении, по обычаю, сверху, руководство весной — летом 1931 г. дает производственно-технической интеллигенции сигнал о том, что массовая «антивредительская» кампания завершена, значительную часть арестованных ранее специалистов ждет отмена приговоров и режим по-прежнему ценит лояльную интеллигенцию. Выступая с речью на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г., Сталин сформулировал свои знаменитые «шесть условий», выполнение которых даст импульс для движения промышленности вперед. Одним из условий (пятым) он назвал учет сдвигов в среде старой интеллигенции

в направлении сознательного участия в развитии страны вместе с рабочими и потребовал учесть этот поворот в партийной политике: «Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь каждого специалиста и инженера старой школы, как непойманного преступника и вредителя»¹⁵.

Нельзя не увидеть, что как и ранее в связи с «Шахтинским делом», так и в случае с «делом “Промпартии”», включая и систему Агитпропа, действовал принцип директивности с определением начала кампаний и их завершением. В ходе кампаний Сталин и его окружение по сути прагматически определяли границы возможного, переход за которые приобретал деструктивные формы. Когда кампания арестов и дискриминаций «старых» специалистов приобретала на производстве разрушительные масштабы, следовало осуждение допущенных «перегибов» и новая декларация о «доверии» к технической интеллигенции.

Строго говоря, советская пропаганда выступала таким инструментом, который мог быть использован в обоих направлениях — как по усилению разоблачительной линии, так и при необходимости смягчения «антиспецовского» накала. Однако непосредственно накануне процесса, в ходе судебных слушаний и при обсуждении вынесенного обвиняемым приговора центральные советские издания «Правда» и «Известия» (а вслед за ними и остальная печать) были наполнены резко негативным контентом, связанным с осуждением в адрес подсудимых.

Проведенный нами контент-анализ передовых статей газеты «Правда» (с 20 ноября по 10 декабря 1930 г.) показывает, что советская пропаганда гораздо усерднее и целенаправленнее рисовала образ восьми ученых и инженеров как «лакеев буржуазии» и «пособников интервенции»; о «добропорядочном советском большинстве» среди технических специалистов говорилось лишь в 18 % оценок, зафиксированных передовицами партийной газеты, против 82 % суждений негативного характера о подсудимых в Колонном зале Дома союзов, где шел суд.

На этом фоне важная установка, проводившаяся советской пропагандой, о долженствовавшей быть «смычке» рабочего класса и «старых» специалистов попросту тонула в общей массе конфронтационного контента. Тем более гротескно звучал на суде из уст подсудимого Ларичева тезис о том, что «инженерство должно

слиться с рабочей средой...»¹⁶. Очевидно, что достижение пропагандируемой «смычки» в какой-либо форме в условиях, когда рабочие выходили на массовые демонстрации под лозунгами «Смерть вредителям» (в первый день суда), становилось невыполнимым. Подобная разнонаправленность советской пропаганды в определенные моменты сводила на нет воздействие на аудиторию. Это означает, что положение в целом мало чем отличалось от ситуации 1928 г. Более того, к 1930 г. идеологический фон «обострения классовой борьбы», новой формой которой объявлялось «вредительство», сделал рабочих привычными к подобного рода показательным расправам над инженерами, что не могло положительно отразиться на производственных и трудовых отношениях между инженерами и рабочими.

Отдельного внимания требует вопрос, касающийся реакции массы технической интеллигенции на судебный процесс «Промпартии». Об этом удастся судить по источникам делопроизводственной документации профсоюзных органов. В отчетах ВЦСПС зафиксировано участие рабочих и инженеров в митингах накануне и демонстрации в первый день судебных заседаний. Помимо этого в распоряжении историков имеются информационные сводки ОГПУ, описывающие реакцию в технической среде на судебный процесс и приговор по «делу “Промпартии”», что позволяет сравнивать характер информации из двух ведомственных источников.

По документации ВЦСПС, которая самими профсоюзными работниками не могла считаться полной, среди 79 организаций (заводов, фабрик, типографий по Москве и Московской области), приславших отчетность о массовых «антивредительских» акциях, лишь в 15 из них упоминается об участии ИТР в митингах, организованных в поддержку проведения судебного процесса «Промпартии». Причем далеко не все из присутствовавших инженеров проявляли активную позицию: в частности, инженеры одной из производственных организаций (комитета № 34) от мероприятий «держались в стороне»¹⁷. В сводках ОГПУ встречаем уже готовую формулу о водоразделе внутри специалистов: о «подавляющем числе молодых советских специалистов и части старых спеццов»¹⁸, которые поддерживают кампанию, и «значительной части старых инженеров и профессоров»¹⁹, находившихся в оппозиции.

Однако об активности молодых советских инженеров та же профсоюзная статистика посещаемости митингов молчит, хотя участие инженеров, особенно активное, должно было иметь ценность для фабзавкомов при отчетности «наверх».

Сравнивая далее оценочные суждения в двух источниках информации (профсоюзных и чекистских), можно сделать следующее наблюдение. В информации от *профсоюзов* Коломенский завод, а также завод «Серп и Молот» числятся как «передовые» с 95—100 %²⁰ явкой рабочих и «здоровым настроением» на митингах, в то время как в информации от *ОГПУ* упоминается, что инженеры Коломенского завода по большей части проигнорировали митинги и демонстрацию²¹, а среди рабочих завода «Серп и Молот» вообще распространялись антисоветские листовки²². Вероятно, что таковых фактов негативизма в отношении к процессу, и не только со стороны технической интеллигенции, было больше, чем упоминалось в информационных сводках. Очевидно, что за клишированными фразами и формулами скрывалась более сложная реальная картина, нежели ее воспринимали и рефлексировали советские госорганы. Разделение в сводках на «передовых» и «отсталых», «молодых» и «старых» специалистов носило явно искусственный, отчетный характер («так надо»).

Негативные настроения инженеров в обстановке проведения показательного суда проявлялись по-разному. Выделялись два типа проявления негативной реакции, один из которых был «открытым», а второй, соответственно, «скрытым». В первом случае негативная реакция проявлялась публично, на митингах или собраниях, и носила характер даже не политического протеста, а требования рационального обоснования обвинительных действий власти. В качестве доводов, как правило, использовался факт и без того острой нехватки специалистов. Так, один из инженеров Павмурмета публично голосовал против резолюции с требованием о вынесении смертного приговора подсудимым «вредителям», указывая, что как научная сила — они незаменимы²³. Еще один рациональный аргумент, приводившийся редкими «протестантами» — это неправомочность митинговых решений и апелляция к суду, который единственно правомочен вынести окончательное решение («суд разберет все материалы и осудит по заслугам»²⁴). Некоторые инженеры обращали внимание

на сложность работы в условиях массового недоверия к ним: «Если раньше к инженерам относились с осторожностью, то теперь это должно обратиться в полное недоверие»²⁵.

Резкие высказывания на публике встречались редко. Несколько иной настрой инженеров наблюдается за пределами официальных мероприятий. Те же информационные сводки ОГПУ подтверждают, что градус возмущения в личных (неофициальных) беседах был выше и недовольство сложившимся большевистским режимом выражалось более рельефно. Например, инженер Кольчугинского завода в частной беседе говорил: «В настоящее время нас “зарезимили”, “Промышленная партия” образовалась вследствие партийного режима. Следовать генеральной линии партии — это значит идти по течению. Умные люди голосовать, как теперь голосуют, не могут. Теперь мы потребуем демократию»²⁶. Подобного рода мнения, относящиеся к разряду кулуарных, выраженных не явно, судя по чекистскому источнику, не были единичными. При всей тенденциозности этой информации, что являлось устойчивой практикой в сводках ОГПУ «наверх», нельзя не отметить понимание самими охранительными органами того, что в условиях задавленных протестных настроений специалисты переходили в латентное состояние, отследить которое и оценивать его масштабы оказывалось гораздо более сложно даже с точки зрения контроля и надзора над корпоративными группами «спецов».

Таким образом, проведение показательного суда 1930 г. над группой высшей научно-технической интеллигенции имело ряд как сиюминутных, прямо проявившихся, так и долгосрочных негативных последствий. Аресты среди наиболее квалифицированных групп специалистов не прекращались в течение почти полутора лет и проходили практически повсеместно. После проведения суда над «Промпартией» ОГПУ сразу же начало «разработку» ее так называемых филиалов и центров в Киеве, Харькове, Ленинграде, Ростове-на-Дону и других крупных индустриальных городах. Это отрицательно сказывалось на деятельности отечественной интеллигенции, сугубо негативно отражаясь на преемственности поколений ученых, инженеров и техников, организации социально-трудовых отношений в сфере производства, включая и научно-образовательную сферу («красное студенчество»

привлекалось к поискам «вредительства» в учебном процессе). Интеллигенция в рассматриваемый период не только в лице «старой», но и в массе своей становилась группой риска для государственной репрессивно-дискриминационной политики.

Такому положению способствовал целый ряд факторов как материального характера (после революции инженеры сохраняли более высокий по сравнению с рабочими уровень жизни), так и связанных с профессиональной спецификой инженерства (по своему статусному положению отдельные квалифицированные специалисты занимали высокопоставленные должности, находясь у рычагов экономического управления). После проведения процесса «Промпартии» решениями внесудебных органов (коллегия ОГПУ) целые слои научно-технической интеллигенции лишались свободы, статусного положения, вырывались из социальной системы и прагматично использовались сталинским режимом (направлялись «отбывать сроки наказания» на работы в закрытых/особых технических бюро под эгидой Экономического управления (ЭКУ ОГПУ) в условиях несколько смягченных, но оставаясь при этом в изоляции).

Выдвижение против «старого» слоя технических специалистов фальсифицированных обвинений в контрреволюции и интервенционизме свидетельствует о том, что показательный суд проводился не столько с тем, чтобы выявить и обезвредить «вредителей», сколько в немалой степени с целью манипуляции рабочей аудиторией, продолжавшей пытаться настроенными и ожиданиями социальной справедливости и социального реванша. Суд, выглядевший как акт в рамках «революционной законности», имел под собой второе, более глубинное социальное назначение — позволить низам выплеснуть заряд социального негативизма в безопасном для власти направлении.

Второй после Шахтинского «Большой вредительский процесс» 1930 г. по «делу “Промпартии”» проходил с извлечением уроков и просчетов предыдущего. Подсудимых в 1930 г. после тщательного отбора оказалось всего 8 (против 53 в 1928 г.); власти отказались от сложной конструкции ведения суда, в том числе от так называемых общественных обвинителей (в 1928 г. их было 4); защиту подсудимых осуществляли 2 юриста-защитника (в 1928 г. их было более 10); процесс был полностью

срезжессирован (подсудимые выступали с часовыми речами, заранее подготовленными и отшлифованными в ходе предварительного и судебного следствия); все подсудимые признали свою «вину» (в 1928 г. свою вину полностью или частично отрицала почти половина подсудимых); первоначально вынесенный судом приговор о смертной казни пятерым из восьми обвиняемых был на следующий день смягчен заменой на длительные сроки заключения по решению ЦИК СССР (в 1928 г. даже при смягчении приговора в отношении группы главных обвиняемых трое оказались расстрелянными).

Степень массового вовлечения в пропагандистскую кампанию, масштабы и интенсивность воздействия на различные группы населения (от пионеров до национальных меньшинств) свидетельствуют о том, что в начале 1930-х гг. уровень мобилизационной готовности к угрозам со стороны «внутренней и внешней контрреволюции» значительно превысил соответствующие показатели 1928 г. при сохранении и воспроизводстве двух базовых целей (консолидация союзников ценой нагнетания в массах антиинтеллигентской истерии); при этом в жертву приносились интересы, статусы и перспективы жизнедеятельности значительных групп специалистов. Хотя Сталин летом 1931 г. и считал, что «глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как непойманного преступника и вредителя», но более запоминалась другая «чеканная» формулировка в том же самом выступлении: «Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение»²⁷.

Примечания

- ¹ Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2016. Кн. 1. С. 132—137.
- ² Ковалев В. Московские процессы // Инквизитор : сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. С. 113—114 ; Есиневич А. А. Мнимые вредители. «Шахтинское дело». «Дело Промпартии». СПб., 2004. С. 38.
- ³ Lyons E. Assignment in Utopia : with a New Introduction by Ellen Frankel Paul. New Brunswick, 1991. P. 374.

- ⁴ Выступление А. Я. Вышинского на митинге сотрудников Наркомпро-са о ходе и значении процесса «Промпартии» // Судебный процесс «Промпартии»... Кн. 2. С. 727.
- ⁵ Там же. С. 732.
- ⁶ Стихотворения проф. А. А. Федотова, написанные им в период пред-варительного заключения, июль — октябрь 1930 г. // Судебный про-цесс «Промпартии»... Кн. 2. С. 778.
- ⁷ Там же. С. 780.
- ⁸ «Сводка инотелеграмм № 489» // Судебный процесс «Промпартии»... Кн. 2. С. 584.
- ⁹ Выступление А. Я. Вышинского... С. 733.
- ¹⁰ Центральный архив ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 2. Л. 9.
- ¹¹ Леонид Константинович Рамзин // Известия. 1930. 1 дек.
- ¹² *Орджоникидзе Г. К.* Борьба с бюрократизмом и перестройка совappa-рата : отчет ЦКК — РКК XVI Съезду ВКП (б) // Правда. 1930. 5 июля.
- ¹³ *Красильников С. А.* Интеллигенция в большевистской системе соци-альной мобилизации: опыт и цена 1928 года // Социальная мобилиза-ция в сталинском обществе: институты, механизмы, практики. Ново-сибирск, 2011. С. 131—150.
- ¹⁴ Контрреволюция перед пролетарским судом // Известия. 1930. 25 нояб.
- ¹⁵ *Сталин И.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1939. С. 344.
- ¹⁶ Процесс «Промпартии» : стенограмма судебного процесса и материа-лы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 101.
- ¹⁷ Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 223. Л. 28.
- ¹⁸ «Совершенно секретно» : Лубянка Сталину о положении в стране (1922—1934). М., 2008. Т. 8, ч. 2. С. 1204.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 223. Л. 30.
- ²¹ «Совершенно секретно». С. 1206.
- ²² Там же. С. 1204.
- ²³ Там же. С. 1205.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 1206.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Сталин И.* Указ. соч. С. 344.

Я. С. Кучин

ИДЕЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В «МАКАРИИ» САМУЭЛЯ ГАРТЛИБА

В наши дни перед людьми стоит множество проблем разного характера и масштаба. Некоторые из них несложны и вполне решаемы. Иные же столь глобальны, что за столетия своего существования человечество так и не смогло справиться с ними. К таким можно отнести и проблему толерантности, проблему взаимоотношения людей друг с другом. Над ее решением работают многие специалисты современности: от политиков до деятелей искусства. Взгляд историков на данный вопрос также важен, поскольку именно историческое исследование позволяет увидеть ретроспективу идеи толерантности, определить этапы ее развития и значение в контексте разных эпох.

К вопросу о терпимости одними из первых стали обращаться философы Возрождения. Однако их суждения были обрывисты, а идеи носили сугубо теоретический характер. По-настоящему важной и животрепещущей проблема толерантности стала в XVI веке. Усугубляющийся раскол в ранее единой Церкви, рост национального самосознания и освоение Нового света сподвигли мыслителей разных стран разрабатывать свои концепции идеи терпимости, годные к использованию на практике. Одним из них был известный английский общественный деятель первой половины XVII века — Самуэль Гартлиб.

Этого человека отличало разнообразие интересов и занятий, огромное даже по меркам деятелей того времени. Всю свою жизнь Гартлиб стремился к созданию идеального общества, расширению границ человеческого знания. Он стал издателем и заводил знакомства с людьми разных профессий, собирал их идеи и сочинения, архивировал, а затем публиковал то, что казалось

© Кучин Я. С., 2018

Кучин Яков Сергеевич — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. tak11@yandex.ru

ему полезным для общества. Свои собственные предложения о решении проблем Англии Гартлиб изложил в утопическом трактате «Макария»¹, предназначенном для прочтения непосредственно Парламенту. В данном сочинении автор² отразил свою идеальную систему государственности, в том числе подняв вопрос о взаимоотношении народов и проблему веротерпимости.

Изучение наследия Самуэля Гартлиба началось относительно недавно. Первые серьезные труды, посвященные жизни этого человека, появились лишь в 70-х годах прошлого века за рубежом, а более-менее значительная историография образовалась всего несколько лет назад. В России идеи Гартлиба и вовсе не рассматривались.

Первым автором, рассказавшим о жизни Гартлиба, был лондонский издатель Генри Дирк, живший еще в XIX веке. В своей книге он опубликовал несколько писем мыслителя, приложив к ним статью собственного сочинения, в которой описал жизненные вехи Гартлиба и основные положения его философии³. Данная статья носит поверхностный характер, а многие факты и даты, приведенные в ней, неточны. В современной историографии первым исследователем, обратившимся к наследию Гартлиба, стал Чарльз Уэбстер. Им был создан труд «Самуэль Гартлиб и развитие учености»⁴, в его состав автор включил ряд документов мыслителя, а также статью-предисловие, в которой дается краткая характеристика «Макарии» и рассматривается ряд писем Гартлиба.

Сегодня существует лишь одна фундаментальная работа, посвященная личности Гартлиба в целом, — монография Т. Е. Миллера «Наслаждение, честь и выгода: Самуэль Гартлиб в его бумагах 1620—1662 гг.»⁵. Автор труда дает информацию о многих аспектах жизни Гартлиба. Он приводит подробный анализ биографии мыслителя, рассматривает историографию работ по Гартлибу, раскрывает отношение философа к науке, религии, авторскому праву, развитию образования, организации архивной и антикварной деятельности. Также Миллер пытается проследить связь между общественными проектами Гартлиба и созданием Королевского общества. Нам же эта книга интересна тем, что Миллер частично затрагивает отношение мыслителя к иным народам и религиям.

Ключевыми в изучении деятельности Гартлиба являются статьи Оэны Матей⁶. В них исследовательница анализирует историю происхождения «Макарии», особенности структуры трактата, его дальнейшую судьбу. Матей оценивает роль «Макарии» в философской традиции XVII столетия, определяет степень влияния пуританской культуры на содержание данной утопии. О теме религиозных взаимоотношений говорится мало, в основном упор делается на научные и практические идеи автора «Макарии». Особую ценность представляет информация о Габриэле Платтерсе, ближайшем соратнике Гартлиба, которого Матей считает соавтором «Макарии».

Имеется также ряд статей различных авторов, рассматривающих отдельные аспекты деятельности Гартлиба. Статьи М. Гринграсса⁷ раскрывают видение Гартлиба в вопросах создания и организации научного знания. В работе Бр. Рэналли⁸ показывается отношение мыслителя к праву собственности на изобретения и продукты интеллектуальной деятельности. Труд Е. Петрози⁹ раскрывает связи Гартлиба с его единомышленниками из Восточной Европы.

В плане анализа «Макарии» мы рассмотрим два аспекта, касающихся авторской концепции толерантности: отношение представителей разных культур друг к другу и веротерпимость.

Как и в большинстве утопических сочинений Нового времени, в трактате Гартлиба представлен контакт разных культур. Он выражен в столкновении жителей Англии первой половины XVII столетия и общества неведомой Макарии. Если через англичан автор указывает на нормы межличностной толерантности, то в образе Макарии заложены представления о политике государства в отношении иных народов.

Взгляды жителей Старого света представляют главные герои — Путешественник, якобы побывавший в Макарии, и Ученый, вступивший с ним в полемику.

Путешественник представлен как классический герой-повествователь утопического произведения. Он очень умен, проныцателен, обладает талантом в убеждении. Главной чертой героя является то, что он открыт для нового знания, для восприятия мудрости иных народов. Он не отказывается от достижений чужеземцев, активно познает их традиции и порядки. Свои новые

знания Путешественник не единожды называет ценнейшим товаром среди всего, что проходит через государственную таможеню. Герой искренне удивляется тому, что за подобное бесценное богатство таможенники не взимают ни единой монеты¹⁰.

Образ Путешественника напоминает некий идеал, Гартлиб обозначил его как очень толерантную личность. Такой сюжетный ход можно списать на особенности, присущие утопическим сочинениям, требующим наличия подобного героя в повествовании. Но вот в отношении второго действующего лица — Ученого — так сказать нельзя.

Ученый — очень интересный персонаж, его образ похож не на героя повествования, а на некую обобщенную модель поведения человека, столкнувшегося с чуждым явлением. Поначалу Ученый отмахивается от слов собеседника, даже пытается вежливо обвинить его во лжи:

«Путешественник: В Королевстве под названием Макария король и правители живут в больших чести и богатстве; и люди живут в великом изобилии, процветании, здоровье, мире и счастье и не имеют и половины тех больших проблем, что были бы, если бы те проживали в Европейских странах.

Ученый: Это кажется мне невозможным: вам, путешественникам, следует принять во внимание две вещи, главным образом к вам относящиеся: во-первых, чтобы вы не говорили о том, что, как правило, считается невозможным. Во-вторых, необходимо, чтобы ваш рассказ не имел противоречий, иначе все люди будут думать, что вы пользуетесь привилегией путешественников, а именно, врите без основания»¹¹.

Сознание Ученого на инстинктивном уровне отвергает слова незнакомца о далеком, чуждом обществе. Но он постепенно проникается рассказом Путешественника, осмысливает приведенные факты и доводы. Спустя несколько «страниц» диалога ученый соглашается с новоиспеченным товарищем в вопросе о ценности привезенных Путешественником знаний и даже сравнивает их с сочинениями английских утопистов:

«Ученый: Я полностью прочитал “Утопию” сэра Томаса Мора и “Новую Атлантиду” моего лорда Френсиса Бэкона, которую он назвал так в подражание старой, созданной Платоном,

но ни одна из них не дала удовлетворения в вопросе о том, как королевство Англия может стать счастливым, в отличие от этого дискурса, который является столь кратким и содержательным, а также просто осуществимым, если все люди будут к нему готовы»¹².

Думаю, Гартлиб через данный диалог хотел показать, как должен воспринимать новую информацию нормальный, здравомыслящий человек. По его мнению, надо спокойно выслушать собеседника, обдумать сказанное и уже после этого высказать свою оценку. «...Я буду долго думать, слушая Вас», — говорит Ученый в начале разговора¹³.

Автор «Макарии» мыслит очень здраво, не призывает к крайностям — ни к бездумному подчинению чужим идеям, ни тем более к фанатичному отвержению порядка, пришедшего от иных людей и культур. Подобный принцип отражается в уважительном отношении Гартлиба к предшественникам-утопистам. Хотя мыслитель не соглашается ни с Мором, ни с Бэконом, он упоминает их в своем трактате, признавая тем самым факт ознакомления и принятия предшествующих концепций как отличных от своего варианта.

Четкая структура диалога героев «Макарии», аргументированность и краткость Путешественника, внимательность и вдумчивость Ученого, плодотворные итоги их общего обсуждения — всё это отражает открытое мировоззрение Гартлиба, его подход к общению. Публицист всю жизнь оставался приверженцем разума, научной и творческой солидарности; стремился к единству в различных дисциплинах, ломая интеллектуальные и социальные разногласия между людьми различных занятий¹⁴.

Национальные различия также не имели для Гартлиба большого значения¹⁵. Т. Е. Миллер отмечает, что при отборе произведений для публикации, мыслитель в первую очередь смотрел на полезность идей, а уже потом на происхождение, веру, народность или политические взгляды их авторов¹⁶. Гартлиб охотно переписывался со многими мыслителями Европы. Одними из его ближайших сподвижников были чех Ян Коменский и шотландец Джон Дьюри, идеи которых, несмотря на принадлежность к иным народам, были очень близки автору «Макарии». Известно, что Гартлиб имел контакты даже с мыслителями таких отдаленных от Англии территорий, как Венгрия и Трансильвания¹⁷. Не случайно

негласная интернациональная группа философов и ученых, возникшая в ту эпоху, сформировалась именно вокруг лондонского публициста и в историографии получила название «Круг Гартлиба».

Отношение к иным культурам на уровне государства в «Макарии» раскрыто лишь в общих чертах. Мыслитель не дает ни одного примера прямых контактов жителей Макарии с другими народами. Однако указывает, что внешняя политика выдуманного государства основана на двух принципах: на миролюбии и приоритете государственного благосостояния.

Миролюбие макарийцев выражается в том, что все их усилия по улучшению жизни в стране всецело направлены на совершенство внутренних отраслей: сельского хозяйства, рыболовства, инфраструктуры, товарооборота¹⁸. Подобные приоритеты в обществе сделали страну богатой и процветающей. Примечательно, что герои непосредственно обсуждают вопрос, касающийся явного преимущества мирного развития государства, и приходят к выводу, что мирный путь куда лучше пути силы:

«Ученый: Это превосходно! Я не могу себе представить подобного, но если королевство сможет достигнуть такого развития, чтобы содержать вдвое больше людей, чем раньше, то это будет так же хорошо, как покорение иного королевства, столь же огромно, если не лучше.

Путешественник: Нет, это, несомненно, лучше...»¹⁹

О. Матей положительно отзывалась о роли принципа миролюбия в «Макарии», заметив, что Гартлиб стал одним из первых мыслителей, кто поставил мирное развитие общества гораздо выше военных захватов²⁰.

Однако не всё в политике Макарии так просто. Несмотря на свой миролюбивый характер, макарийцы не позволяют кому-либо вторгаться в свои земли. Они всячески стараются решить конфликт миром, предостеречь агрессивных соседей, но если предупреждения остаются не услышанными и иноземный государь вторгается в пределы Макарии, то жители дают ему жестокий отпор (возможный благодаря богатству королевства), а земли побежденных захватчиков забирают в качестве законной награды²¹.

Можно назвать подобную политику агрессивной, но нам кажется, что это будет преувеличением. Поступая жестоко

с захватчиками, макарийцы гарантируют безопасность как для себя, так и для своих соседей. Жители побежденной земли освобождаются из-под власти воинственного властителя и, видимо, становятся полноправными жителями Макарии, а показательный пример остужает недобрые помыслы соседей, лучше всякого убеждения призывая их к миру. В этом и проявляется второй постулат политики макарийцев — приоритет государственного благосостояния.

Имеется в трактате и спорный, неясный момент. В одном эпизоде Путешественник сообщает, что макарийцы, дабы избежать перенаселения, раз в год отправляют группу людей за пределы государства, помогая им до тех пор, пока те не освоятся на новом месте²². На ум сразу приходит Утопия, где у местных жителей имелся схожий порядок²³. Однако если Томас Мор рассказал об особенностях отношений переселенцев и местного населения, то Гартлиб об этом умолчал. Кажется сомнительным, чтобы такой многосторонний, просвещенный человек, как Гартлиб, не мог знать о жестокой политике английских колонизаторов. По всей видимости, его мало заботила судьба туземцев Нового света.

Гартлиба можно отчасти оправдать. Поскольку «Макария» была написана во времена Английской революции, автора в первую очередь интересовали проблемы внутригосударственные, а уже потом вопросы внешней политики. Поэтому эпизод о колониях Макарии почти не раскрыт, и создается ощущение, что Гартлиб просто скопировал понравившийся фрагмент с моровской «Утопии».

Автор «Макарии» — несомненный приверженец мирного взаимоотношения между народами. Однако он не представляет себя как абсолютного пацифиста, оставляя за государством право вести оборонительные и даже захватнические войны против народов-агрессоров. Особо не волнует Гартлиба и проблема отношения европейцев к коренным народам Америки.

Совсем иную, но не менее интересную картину можно наблюдать в результате изучения религиозных взглядов мыслителя. Несмотря на жестокость своего времени, кальвинист Гартлиб старался всегда оставаться сдержанным к представителям иных религиозных течений. Утопист никогда не скрывал, что считает

свою веру правильной, в отличие, например, от атеизма или учения Арминия²⁴. Благодаря рациональному складу ума мыслитель выработал стройную систему аргументации в пользу своих религиозных представлений, которую применял в диспутах с папистами или англиканами. Гартлиб никогда не позволял себе грубости или голословности по отношению к оппонентам. Он вообще не любил разбрасываться поспешными оценками, даже в адрес самых спорных религиозных сект и явлений. В частности, говоря о некоей группе священнослужителей, искаживших учение о poste, он высказывается в довольно мягком, нейтральном ключе: «Они, возможно, ошибаются»²⁵.

Если мы сравним то, как представлены решения вопроса веротерпимости в «Макарии» и в более ранних утопических сочинениях, то сразу заметим значительные отличия. В дореформационной «Утопии» Мора царит ограниченный принцип свободы совести²⁶, в бэконовской предреволюционной «Новой Атлантиде» представлена единая государственная религия, допускающая наличие мирных религиозных меньшинств²⁷, в «Макарии» же религиозная жизнь показана гораздо жестче. Об этом напрямую говорится в диалоге главных героев трактата:

«Путешественник: ...среди них не существует разброда во мнениях.

Ученый: Как это возможно?

Путешественник: Очень легко: у них имеется закон, что если какой-либо богослов огласит новое мнение простым людям, то он будет считаться нарушителем общественного спокойствия и предан смерти за это.

Ученый: Но что за способ уберечь их от постоянных ошибок, если они однажды допустили ее?

Путешественник: Вы заблуждаетесь; ибо если кто-то возымел новое мнение, то ему разрешается каждый год свободно оспорить его перед Большим советом; если он побеждает соперников или назначенных ими оппонентов, то его мнение, как правило, принимается за правду; если же он будет повержен, то его мнение объявляется ложным.

Ученый: По вашему отношению к приходским священникам представляется, что они христиане, но протестанты они или же католики?

Путешественник: Обратите внимание, что их религия состоит не из нескольких мнений и сект, а из непогрешимых постулатов, которые могут быть доказаны непобедимыми доводами и которые способны выдержать великое испытание в жарком диспуте; и это означает, что не существует силы, способной породить схизмы или ереси; и всякое из мнений, что противоречит разуму, смехотворно»²⁸.

Как мы видим, в вымышленной стране свобода совести отсутствует как таковая, существует единая государственная религия, основанная на нерушимых догматах. Любая пропаганда в народе иных вероучений карается, причем самой жестокой мерой наказания — смертной казнью.

Подобная жесткая система создана Гартлибом не случайно. Если Мор и Бэкон еще верили в возможность мирного разрешения конфликтов, порожденных Реформацией, то Гартлиб уже был лишен радужных надежд. Он жил в государстве, годами сотрясаемом религиозными раздорами. Эти раздоры со временем не только не уменьшались, более того, они переросли в полноценный политический конфликт, грозивший существованию самой государственности Англии. Гартлиб был свидетелем событий Революции — времени, когда религиозные, духовные ценности исказились до предела, превратились в инструмент политической борьбы.

Несомненно, наибольшее влияние на мнение Гартлиба оказали усиление, а затем и раскол пуританизма, доктрина которого была близка кальвинисту. Мыслитель стал свидетелем того, как относительно единое учение пуританизма разделяется на отдельные группы, а те, в свою очередь, приобретают очертания ранних политических партий. И если умеренное крыло пресвитериан придерживалось прежних взглядов, то более радикальные индипенденты и левеллеры своими действиями приносили новые раздоры. Гартлибу, призывавшему к единству нации, были не по душе подобные тенденции.

Хотя мыслитель никогда открыто не призывал к религиозному насилию, он опасался конфессионального разнообразия. Вернее, его пугали последствия подобного многообразия, ведущие на практике к хаосу и разброду в государстве. «Дом, разделенный надвое, не устоит», — замечает Путешественник, указывая

на волнения в христианских странах²⁹. Размышляя о том, как не допустить подобного, автор «Макарии» приходит к жесткому, но мудрому выводу: проблему надо устранять в зародыше. Поэтому в своей идеальной модели государственности мыслитель убирает религиозное многообразие, заменяя его жестким государственным контролем в сфере религии.

Автор не описывает единственную религию макарийцев как фанатичное или застывшее в развитии учение. В Макарии запрещена публичная пропаганда всякого нового мнения. Однако каждый священнослужитель имеет право предлагать Большому совету на рассмотрение новые положения или подвергать критике старые. И если в диспуте он сможет отстоять свою позицию, его идею признают истиной и добавляют к уже существующим догмам. Отсюда следует, что религия макарийцев является активным, «живым» институтом, способным на самосовершенствование. Правда, этот институт закрыт для мирян, и все вопросы решаются изнутри «профессиональным церковным сообществом»³⁰, что, по мнению Гартлиба, должно позволить избежать смятения в обществе и достичь общего благосостояния.

Еще одной особенностью религии Макарии является статус местных богословов, о чем также упоминают герои:

«Путешественник: В Макарии священнослужитель является хорошим врачом и выполняет обе функции, а именно: *Cura animarum* (забота о душах) и *Cura corporum* (забота о телах); и они думают, что для богослова не обладать умениями врача так же нелепо, как заливать новое вино в старые бутылки; как и врачи, являющиеся истинными естествоиспытателями, могут также стать хорошими богословами, так богословы могут стать хорошими врачами»³¹.

Гартлиб наделяет священнослужителей своей утопии светскими функциями и отдает им ведущую роль в развитии естествознания и медицины³². Таким образом, мыслитель уравнивает духовное и мирское, указывая на то, что оба эти начала человеческой жизни должны существовать в гармонии. У религии и естествознания одна цель — помогать людям. Ибо знание трав и лекарств помогает лечить не только тело, но и душу, а духовное равновесие способствует излечению болезней³³.

Гартлиб постарался воссоздать такую религиозную систему, которая одновременно препятствовала бы возникновению религиозных разногласий и носила позитивный, созидательный характер. Публицист лишил макарийцев права на свободу совести, но сделал их религию максимально универсальной, основанной на разуме, природных законах и стремлении к общему благосостоянию. Гартлиб специально не обозначил признаков, по которым религию Макарии можно было бы отнести к какому-нибудь конкретному вероучению³⁴. Утописту было не важно, какая именно религия будет царить в стране, если она принесет мир и процветание. Слова Ученого подтверждают этот тезис: «...я вижу, что причина не в Боге, а в людской глупости, что люди страдают в этом мире, в то время когда они могут столь просто быть освобождены от страданий»³⁵.

Религиозная система, предложенная автором «Макарии», довольно оригинальна. Но у нее есть явный изъян. Она могла быть осуществима в странах, где имеются лишь зачатки религиозного многообразия. Однако непонятно, как Гартлиб собирался прикладывать свою схему к действительности Европы и Англии, погрязших в религиозных раздорах. Ибо если избрать одну, ведущую религию, то прочие придется уничтожить. Подобные действия явно не привели бы ни к чему хорошему, разве что к новым кровопролитиям. Нам кажется, что сам публицист осознавал этот недостаток своей религиозной концепции, поэтому в «Макарии» он так мало пишет о религии, уделяя больше внимания иным проблемам революционной Англии.

Что же в итоге можно сказать о концепции терпимости Самуэля Гартлиба?

Данный человек обладал многими высокоморальными качествами. Он был хорошо воспитан, имел обширные познания в разных сферах человеческой жизни, обладал честным и бескорыстным нравом. Очень метко о нем высказался Т. Е. Миллер, назвав Гартлиба «исключительным человеком в эпоху великих людей»³⁶. И это действительно так. Гартлиб направлял свою деятельность на совершенствование мира. Вся его жизнь основывалась на вере в разум и науку, на стремлении к единству общечеловеческого знания.

Хотя утопист никогда не был явным проповедником идеи толерантности, он воплощал ее своим примером. В научной и публицистической деятельности Гартлиб в первую очередь смотрел на моральные качества людей, их таланты и знания. Он общался и творил через «границы языка, территорий, дисциплин, классов и догм»³⁷.

В «Макарии» отразились многие его мировоззренческие принципы. Общество макарийцев основано на рационализме и миролюбии, жители идеальной страны подчинены стремлению жить в единстве ради достижения общего блага. Автор трактата верит в людей, их разум, указывает на то, что все они как таковые равны. И главное различие состоит не в национальности или вере, а в умении жить в мире с природой и друг с другом³⁸.

Но в «Макарии» отразились и сомнения Гартлиба по отношению к принципу веротерпимости. Хотя мыслитель пропагандировал единство и сотрудничество, он в то же время боялся многообразия культов и мнений. Последствия Реформации и Английская революция показали утописту, что многополярность мнений с большой вероятностью приводит к непониманию и раздорам, которые вредят благополучию и стабильности государства.

Размышления Гартлиба о вопросах межкультурной и религиозной толерантности носят двойственный и незавершенный характер. Большинство его идей были лишь теориями, требующими широкой материальной и научной базы для воплощения в жизнь. Они не годились для решения реальных, насущных проблем, стоящих перед английским обществом середины XVII столетия.

Неудивительно, что «Макария» не слишком заинтересовала Долгий парламент и практически сразу была предана забвению, как и ее автор. Несмотря на известность Гартлиба в широкой среде интеллектуалов раннего Нового времени, память о нем стерлась спустя несколько десятилетий после смерти. Однако трактовка Гартлибом идеи терпимости (несмотря на незаконченность его размышлений) заслуживает рассмотрения при разработке современного принципа толерантности.

Примечания

- ¹ *Hartlib S., Platters G.* A description of the famous kingdome of Macaria // *Society and Politics*. 2013. Vol. 7, № 2 (14). P. 16—23.
- ² Несмотря на то, что «Макария» приписывается Самуэлю Гартлибу, она была написана вовсе не им, а одним из участников «Круга Гартлиба» — Габриэлем Платтерсом. Гартлиб только редактировал текст трактата, он же скорее всего написал и предисловие к нему. О Платтерсе лишь известно, что он был другом Гартлиба и его примерным ровесником, занимался исследованиями в различных отраслях, был экспериментатором. До написания «Макарии» опубликовал несколько трактатов на тему земледелия и горного дела. Скончался он скоропостижно в 1651 г. по неизвестной причине. Поскольку в историографии Платтерс мало известен, а также во избежание путаницы, далее в тексте будет упоминаться только имя Гартлиба (при этом подразумевая, что у него имелся соавтор). Подробнее о Платтерсе и создании «Макарии» см.: *Matei O.* Macaria, the Hartlib circle, and husbanding creation // *Society and Politics*. 2013. Vol. 7, № 2 (14). P. 8—9 ; *Matei O.* Macaria and the puritan ethics of direct participation in the transformation of the world // *Society and Politics*. 2011. Vol. 5, № 2 (10). P. 58.
- ³ *Dires H.* Life of Samuel Hartlib // *Dires H.* A Biographical Memoir of Samuel Hartlib, Milton's Familiar Friend : with Bibliographical Notices of Works Published by Him ; and a Reprint of His Pamphlet, Entitled «An Invention of Engines of Motion». L., 1865.
- ⁴ *Webster Ch.* Samuel Hartlib and the Advancement of Learning. Cambridge, 1970.
- ⁵ *Miller T. E.* Pleasure, Honor, and Profit: Samuel Hartlib in His Papers 1620—1662. Georgia, 2015.
- ⁶ *Matei O.* Macaria and the puritan ethics... P. 51—65, 7—33 ; *Matei O.* Macaria, the Hartlib circle... P. 207—224.
- ⁷ *Greengrass M.* Samuel Hartlib and the commonwealth of learning // *The Cambridge History of the Book in Britain*. Cambridge, 2002. Vol. 4. P. 304—322 ; *Greengrass M.* Technology and tolerance during the commonwealth: Samuel Hartlib and the republic of letters // *Confluences* 17 (2000). P. 107—127.
- ⁸ *Ranalli Br.* A prehistory of peer review: religious blueprints from the Hartlib Circle // *Spontaneous Generations : a Journal for the History and Philosophy of Science*. 2011. Vol. 5, № 1. P. 12—18.

- ⁹ *Petröczy Év.* Samuel Hartlib a «man for all countries», including Hungary and Transylvania // *The Round Table : Partium Journal of English Studies.* 2010. № 1.
- ¹⁰ *Hartlib S., Platters G.* Op. cit. P. 17—18.
- ¹¹ *Ibid.* P. 18.
- ¹² *Ibid.* P. 21.
- ¹³ *Ibid.* P. 18.
- ¹⁴ *Miller T. E.* Op. cit. P. 84.
- ¹⁵ Во многом играет роль смешанное происхождение Гартлиба (мать — англичанка, отец — литовец) и то, что он родился не в Англии.
- ¹⁶ *Miller T. E.* Op. cit. P. 48, 85—93.
- ¹⁷ См.: *Petröczy Év.* Op. cit.
- ¹⁸ *Hartlib S., Platters G.* Op. cit. P. 18—19.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 21.
- ²⁰ *Matei O.* Macaria and the puritan ethics... P. 61.
- ²¹ *Hartlib S., Platters G.* Op. cit. P. 19.
- ²² *Ibid.*
- ²³ *Мор Т.* Утопия. М., 1978. С. 191—192.
- ²⁴ Такое название носила крупная антикальвинистская группа протестантов, основанная Якобом Арминием.
- ²⁵ *Miller T. E.* Op. cit. P. 26—27.
- ²⁶ См.: *Кучин Я. С.* Эволюция взглядов Томаса Мора на идею веротерпимости // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых : в 7 ч. Иваново, 2016. Ч. 4. С. 16—17.
- ²⁷ *Бэкон Ф.* Новая Атлантида // *Бэкон Ф. Собр. соч. : в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 504—505.*
- ²⁸ *Hartlib S., Platters G.* Op. cit. P. 20.
- ²⁹ *Ibid.* P. 22.
- ³⁰ *Ranalli Br.* Op. cit. P. 14.
- ³¹ *Hartlib S., Platters G.* Op. cit. P. 19.
- ³² *Ibid.* P. 20.
- ³³ *Matei O.* Macaria, the Hartlib circle... P. 16.
- ³⁴ В трактате Ученый отмечает, что культ неведомой страны напоминает ему христианство, но на вопрос — «какого именно толка», ответа не получает (*Hartlib S., Platters G.* Op. cit. P. 20).
- ³⁵ *Ibid.* P. 21.
- ³⁶ *Miller T. E.* Op. cit. P. 116.
- ³⁷ *Ibid.* P. 90.
- ³⁸ *Hartlib S., Platters G.* Op. cit. P. 21—22.

Сибиряков И. В. Роль интеллигенции в сохранении культурной памяти советского социума о революции 1917 года

Ключевые понятия: советская интеллигенция, художественная интеллигенция, культурная память, революция, советское общество.

Рассматривается формирование культурной памяти советского общества, анализируется деятельность государственных институтов СССР и советской интеллигенции по созданию «правильного» образа Русской революции 1917 г., изучается становление революционной темы в советской художественной культуре.

Васильев Н. Н. Интеллигенция и идеология в современной России

Ключевые понятия: интеллигенция, идеология, цивилизация, срединная культура.

Исследуются проблемы формирования новой общенациональной и общенародной интеллигенции. Подробно анализируются последствия деидеологизации современного российского общества, отношение к идеологии в различных группах и отрядах интеллигенции, взаимосвязи идеологии и других форм общественного сознания.

Мошкин Г. Н. Вопрос об интеллигенции в неонароднической публицистике начала XX века

Ключевые понятия: интеллигенция, народ, неонародники, партия социалистов-революционеров, революция, социализм.

На основе анализа книг и статей видных представителей эсеров и энесов реконструируются основные положения неонароднической концепции русской интеллигенции как особой «идеологической группы». Устанавливаются особенности интерпретации неонародниками проблемы взаимоотношений интеллигенции и народа. Анализируются причины триумфа и трагедии партии социалистов-революционеров в 1917—1918 гг.

Послушаев П. П. Н. М. Чернышевская и Дом-музей Н. Г. Чернышевского в годы Великой Отечественной войны

Ключевые понятия: историческая ценность, патриотизм, перестройка работы, книга отзывов, самоотверженный труд, служение Родине, Великая Отечественная война 1941—1945 гг.

Анализируется деятельность Саратовского музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского под руководством директора Нины Михайловны Чернышевской — внучки великого русского писателя, мыслителя и гражданина. На основе архивных документов, материалов периодики показана работа сотрудников, сумевших сохранить ценные источники и экспонаты, быстро перестроить режим и формы работы, а также продолжить функционирование музея в экстремальных военных условиях, что внесло свой вклад в развитие патриотизма, героизма и мужества русского народа, победившего фашизм.

Москвина Р. Т. Государственная интеллигенция — советский феномен XX века

Ключевые понятия: интеллигенция, культурная катастрофа, культурный кризис, политический режим, репрессии, ментальность.

Рассматривается феномен советской интеллигенции в контексте культурных катастроф России XX в. Развитие интеллигенции исследуется в рамках политического режима. Анализируется влияние на судьбы страны и интеллигенции таких отличительных черт режима, как массовые и произвольные репрессии, являющиеся средством контроля над сознанием и поведением подвластных.

Федотова И. Н. К истории монастырских тюрем в России: Суздальская Спасо-Евфимиева обитель как место лишения свободы (конец XVIII — начало XX века)

Ключевые понятия: Суздаль, монастырь, место лишения свободы, условия тюремного содержания, старообрядцы, сектанты, политические заключенные, карательная политика государства.

Представлена развернутая характеристика одной из наиболее крупных монастырских тюрем Российской империи, которая существовала на территории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря в конце XVIII — начале XX в. Проанализированы контингент заключенных и условия их содержания. Показано, что в «религиозной Бастилии» оказывались главным образом те, кому инкриминировались преступления против церкви и государства, и лица духовного звания, наказанные

за нарушения по службе. Большинство узников находились в тяжелых материально-бытовых условиях, усугублявшихся применением жестких наказаний. Отмечается, что монастырское заключение в дореволюционной России не несло гуманистического пенитенциарного содержания и было нацелено исключительно на искоренение религиозного и политического инакомыслия.

Соловьев А. А. Демифологизация идеи третьего Рима в контексте церковно-государственных отношений начала XX века

Ключевые понятия: Русская православная церковь, церковная интеллигенция, Святейший Синод, обер-прокурор, священство, царство.

Рассматриваются проблемы политической институционализации РПЦ на рубеже XIX—XX вв. Модели церковно-государственных отношений, разрабатывавшиеся духовенством в 1905—1917 гг., позиция Святейшего Синода в период Первой российской и Февральской революций, а также восстановление патриаршества анализируются главным образом с точки зрения историко-богословской проблемы священства и царства. В начале XX в. доминирующей тенденцией в области церковного строительства продолжала оставаться конфессионализация общественной жизни. Методы реформирования Церкви напрямую связывались с методами реформирования государства, так как империя была конфессионально ориентирована, а РПЦ считалась господствующей. Либеральные реформы Временного правительства в конечном итоге привели к созыву Поместного собора 1917—1918 гг. и избранию на нем патриарха, однако историческое время для обретения РПЦ подлинного соединения религиозно-философского и церковно-богословского значений понятия соборности было упущено.

Соколовский К. Г. Подвиг веры казахстанского священно-мученика Александра Дагаева: «новая власть» и провинциальная священническая интеллигенция в первые годы Гражданской войны

Ключевые понятия: интеллигенция и революция, провинциальная священническая интеллигенция, красный террор, гражданская война в России, Усть-Каменогорск, Омская епархия, гонения на Церковь, история православной церкви в XX в., новомученик, в земле казахстанской просиявший.

Через призму феномена христианского мученичества как части истории XX в. на примере судьбы казахстанского священномученика Александра Дагаева, благочинного Усть-Каменогорских городских и уездных церквей, рассматривается проблема взаимоотношения Советской власти

и местной священнической интеллигенции. Делается вывод о том, что несмотря на трагизм событий красного террора, большинство интеллигентов оказались верны как своей вере, так и пастве.

Коваленко С. В. Педагогика как методология формирования духовных ценностей национальной идентичности

Ключевые понятия: антропология, методология, инклюзивное образовательное пространство, педагогическая технология, народная сказка, энергия культуры, духовные ценности, национальная идентичность.

В условиях стремительно нарастающего развития информационно-коммуникационных технологий и радикального перехода к рыночным отношениям молодежи навязываются ценности индивидуализма, прагматизма, насилия как способа самоутверждения и потребительского отношения к людям и своей стране. Против традиционных общественных и духовных ценностей России целенаправленно ведутся информационные войны, задачей которых является организация контроля над использованием энергетических ресурсов человека, природы, общества, геополитического конкурента. Задачей информационных войн стало искажение сознания подростков, ориентация на отрицание ими традиционных историко-духовных ценностей этнической и государственной идентичности. В ситуации кризиса базовых ценностей социума и перехода к инклюзивному образованию встает задача разработки антропологической методологии организации совместного обучения учащихся, независимо от их физических, психических и иных особенностей, а также методологии антропологической педагогики для снятия противоречия между ценностями индивидуализма, прагматизма и традиционными духовно-нравственными ценностями отечественной культуры. Целью антропологической педагогики должно стать воспитание на основе синтеза архетипов коллективно-бессознательного и реализации потребности самоутверждения в качестве субъекта, ощущающего свою национальную идентичность.

Климович Л. В. Первые годы в эмиграции: письма В. В. Вейдле Г. Л. Лозинскому

Ключевые понятия: история России, зарубежная Россия, эмиграция, В. В. Вейдле, Г. Л. Лозинский, архив, переписка.

Представлены письма эмигранта Владимира Вейдле Григорию Лозинскому за период с 1924 по 1933 г., демонстрирующие его становление как личности и профессионала. Письма публикуются по оригиналам, хранящимся в архиве Исследовательского центра Восточной Европы

при Бременском университете в личном фонде Григория Леонидовича Лозинского (Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen). Авторская орфография и пунктуация сохранены.

Маслова А. И. Отечественные ученые и инженеры в условиях судебного процесса «Промпартии» 1930 года: как цель оправдывала средства

Ключевые понятия: судебный политический процесс, дело «Промпартии», научно-техническая интеллигенция, социальный капитал.

Анализируются причины и результаты судебного процесса по делу «Промпартии» в 1930 г. Обсуждаются условия, как и почему высококвалифицированные специалисты оказались «группой риска», как и какими средствами обеспечивалось их «сценарное» поведение в ходе суда, какова была реакция в среде научно-технической интеллигенции на показательный процесс, а также его итоги как в общегосударственном контексте, так и для технической интеллигенции в частности.

Кучин Я. С. Идея толерантности в «Макарии» Самуэля Гартлиба

Ключевые понятия: Самуэль Гартлиб, Макария, толерантность, веротерпимость, раннее Новое время.

Исследуется концепция толерантности, сформулированная известным английским общественным деятелем и публицистом времен Английской революции С. Гартлибом, оценивается ее значимость. Анализируется трактат «Макария», являющийся одним из утопических сочинений раннего Нового времени, затрагивающим вопросы межличностной толерантности (образы главных героев), веротерпимости (религиозная система вымышленного государства) и терпимого отношения к иным народам (принципы внешней политики вымышленного государства).

ANNOTATIONS

Sibiriyakov I. V. The role of intelligentsia in maintaining cultural memory of the Soviet society of the revolution of 1917

Key notions: Soviet intelligentsia, art intelligentsia, cultural memory, revolution, Soviet society.

The article considers the formation of cultural memory of the Soviet society, analyzed are the activities of the state institutes of the USSR and the Soviet intelligentsia for creation of the “correct” image of the Russian revolution of 1917, and studied is the formation of a revolutionary theme in the Soviet art culture.

Vasilyev N. N. Intelligentsia and ideology in modern Russia

Key notions: intelligentsia, ideology, civilization, median culture.

The article shows the problems of formation of the new national and public intelligentsia. Analyzed in detail are the consequences of deideologisation of modern Russian society, the relation to ideology in various groups and formations of the intelligentsia, interrelation of ideology and other forms of public consciousness.

Mokshin G. N. A question about intelligentsia in neo-populist journalism of the beginning of the XX century

Key notions: intelligentsia, people, neo-populists, party of revolutionary socialists, revolution, socialism.

On the basis of the analysis of books and articles of prominent representatives of Social Revolutionaries and popular socialists the author reconstructs basic provisions of the neo-populist concept of Russian intelligentsia as a special «ideological group». Features of interpretation by neo-populists of a problem of relationship of the intelligentsia and the people are established. The reasons of triumph and the tragedy of party of revolutionary socialists in 1917—1918 are analyzed.

Poslushayev P. P. N. M. Chernyshevskaya and N. G. Chernyshevsky's house museum in the years of the Great Patriotic War

Key notions: historical value, patriotism, work reorganization, visitors' book, dedicated work, service to the Homeland, Great Patriotic War of 1941—1945.

The article analyzes the activity of the Saratov memorial estate of N. G. Chernyshevsky under the leadership of the director Nina Mikhaylovna Chernyshevskaya — the granddaughter of the Great Russian writer, the thinker and the citizen. On the basis of archival documents, materials of the periodical press is shown the work of the employees who managed to keep valuable sources and exhibits quickly to reconstruct the mode and forms of work and also to continue functioning of the museum in extreme military conditions that made the contribution to development of patriotism, heroism and courage of the Russian people which won fascism.

Moskvina R. T. The state intelligentsia — the Soviet phenomenon of the XX century

Key notions: intelligentsia, cultural catastrophe, cultural crisis, political regime, repressions, mentality.

The article considers the phenomenon of the Soviet intelligentsia in the context of cultural catastrophes of Russia in the XX century. Development of the intelligentsia is investigated within a political regime. Analyzed is the influence on the fate of the country and the intelligentsia of such distinctive features of the mode as the mass and random repressions which are the control device over consciousness and behavior of the subject.

Fedotova I. N. To the history of monastic prisons in Russia: the Suzdal Spaso-Evfimiyev monastery as the place of deprivation of freedom (the end of XVIII — the beginning of the XX century)

Key notions: Suzdal, monastery, place of deprivation of freedom, condition of imprisonment, Old Believers, sectarians, political prisoners, retaliatory policy of the state.

The article shows the developed characteristic of one of the largest monastic prisons of the Russian Empire which existed in the territory of the Suzdal Spaso-Evfimiyev monastery at the end of XVIII — the beginning of the XX century. The contingent of prisoners and the conditions of their imprisonment are analyzed. It is shown that in “the religious Bastille” there were mainly those to whom crimes against church and the state, and the persons of a ministry punished for violations on service were incriminated. Most

of prisoners were in the heavy material living conditions aggravated with application of cruel punishments. It is noted that the monastic imprisonment in pre-revolutionary Russia didn't bear humanistic penitentiary contents and was aimed only at eradication of religious and political dissent.

Solovyov A. A. Demythologization of the idea of the third Rome in the context of the church and state relations of the beginning of the XX century

Key notions: Russian Orthodox Church, church intelligentsia, the Holy Synod, chief prosecutor, priesthood, kingdom.

The article shows the problems of a political institutionalization of ROC at a boundary of the XIX—XX centuries. The models of the church and state relations developed by clergy in 1905—1917, the position of the Holy Synod during the First Russian and February revolutions are considered as well as restoration of patriarchate are analyzed mainly from the point of view of a historical and theological problem of priesthood and the kingdom. At the beginning of the XX century the dominating tendency in the field of church construction continued to remain the confessionalization of public life. Methods of reforming of the Church were directly interconnected with methods of reforming of the state as the empire was confession focused, and ROC was considered as dominating. The liberal reforms of Provisional government finally led to convocation of the Local council of 1917—1918 and election of the patriarch, however historical time for finding of ROC of original connection of religious and philosophical and church and theological values of a concept of collegiality was missed.

Sokolovsky K. G. Act of faith of the Kazakhstan martyr Alexander Dagayev: «the new power» and the provincial priest intelligentsia in the first years of Civil war

Key notions: intelligentsia and revolution, the provincial priest intelligentsia, red terror, the civil war in Russia, Ust-Kamenogorsk, the Omsk diocese, persecutions on Church, history of orthodox church in the XX century, the new martyr, lit up in the earth of Kazakhstan.

Through a prism of a phenomenon of Christian martyrdom as parts of history of the XX century on the example of the fate of the Kazakhstan martyr Alexander Dagayev, the decent Ust-Kamenogorsk city and district churches, the problem of relationship of the Soviet power and the local priest intelligentsia is considered. The conclusion is drawn that despite tragic element of events of red terror, most of intelligentsia members were faithful to both the belief, and the congregation.

Kovalenko S. V. Pedagogy as methodology of formation of cultural wealth of national identity

Key notions: anthropology, methodology, inclusive educational space, pedagogical technology, national fairy tale, energy of culture, cultural wealth, national identity.

In the conditions of promptly accruing development of information and communication technologies and radical transition to the market relations the youth is imposed values of individualism, pragmatism, violence as way of self-affirmation and consumer attitude towards people and the country. Against traditional social and cultural wealth of Russia information wars the problem of which is the organization of control over use of energy resources of the person, the nature, and society of the geopolitical competitor are purposefully waged. Distortion of consciousness of teenagers, orientation to denial of traditional historical cultural wealth of ethnic and state identity by them became a problem of information wars. In a situation of crisis of basic values of society and transition to inclusive education there is a problem of development of anthropological methodology of the organization of co-education of pupils, irrespective of their physical, mental and other features as well as methodology of anthropological pedagogy for removal of a contradiction between values of individualism, pragmatism and traditional spiritual and moral values of domestic culture. Education on the basis of synthesis of archetypes collective and unconscious and realization of requirement of self-affirmation as the subject feeling the national identity has to become the purpose of anthropological pedagogy.

Klimovich L. V. The first years in emigration: V. V. Veydle's letters to G. L. Lozinsky

Key notions: history of Russia, foreign Russia, emigration, V. V. Veydle, G. L. Lozinsky, archive, correspondence.

The article shows the letters of the emigrant Vladimir Veydle to Grigory Lozinsky from 1924 for 1933 showing his formation as the personality and the professional. Letters are published according to the originals which are stored in archive of the Research center of Eastern Europe at University of Bremen in personal fund of Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen. The author's spelling and punctuation are kept.

Maslova A. I. Domestic scientists and engineers in the conditions of the judicial process of «Industrial party» of 1930: as the purpose justified means

Key notions: judicial political process, case of «Industrial party», scientific and technical intelligentsia, social capital.

The article analyzes the reasons and results of the judicial process in the matter of «Industrial party» in 1930. Discussed are the conditions as why highly qualified specialists turned out to be a «risk group», what means provided their «scenario» behavior during the judicial process, what was the reaction in the environment of the scientific and technical intelligentsia to indicative process as well as its results both in a nation-wide context, and for the technical intelligentsia in particular.

Kuchin Ya. S. The idea of tolerance in «Makaria» of Samuel Gartlib

Key notions: Samuel Gartlib, Makaria, tolerance, toleration, early Modern times.

The article investigates the concept of tolerance formulated by the famous English public figure and the publicist of the period of the English revolution S. Gartlib and estimates its importance. Analyzed is the treatise «Makaria» which is one of utopian compositions of early Modern times raising the questions of interpersonal tolerance (images of the main characters), tolerations (the religious system of the fictional state) and tolerance of other people (the principles of foreign policy of the fictional state).

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com).

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, аннотация (объемом не менее 200 слов), ключевые слова; текст статьи (сообщения).

3. Аннотация должна включать **обоснование проблемы, краткое описание целей, задач, методов исследования, базовые выводы**. Текст статьи обязательно делится на **внутренние разделы**, например: **введение, цель и задачи, выводы** и т. п.

4. В **примечаниях** следует применять **сокращенное** библиографическое описание источников: авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

5. **Библиографический список** в алфавитном порядке **располагается дополнительно после примечаний**, сначала на русском языке, затем под заголовком "**References**" на латинице. Транслитерацию необходимо выполнить автоматически на сервисе: **http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html**

В библиографических списках приводится только использованная в статье литература. Иностранные источники указываются после русскоязычных также в алфавитном порядке. В выходных сведениях обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует.

6. Статья должна содержать авторские данные на русском и английском языках: ф.и.о. полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место работы (с названием структурного подразделения), контактная информация (e-mail и телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами и содержать дату отправления.

7. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2018 № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 15.06.2018 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 104. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00. E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

